

ЗОВ ЛАВКРАФТА

АБРАМОВИЧ, ВОЛОЧАЕВСКАЯ, ЖАРКОВ, КАБИР, КОЛЫХАЛОВА,
КОСТЮКЕВИЧ, МАТЮХИН, МИЛЛЕР, ПИВОВАРОВ, ПОДОЛЬСКИЙ,
РОМАНОВ, ТИХОНОВ, ЧУБУКОВ, ЩЕТИНИНА

ЗОВ ЛАВКРАФТА

Абрамович
Волочаевская
Жарков
Кабир
Колыхалова
Костюкевич
Матюхин
Миллер
Пивоваров
Подольский
Романов
Тихонов
Чубуков
Щетинина

СОДЕРЖАНИЕ

Виктория Колыхалова, «Битва, которой не было».....	6
Николай Романов, «Ужас в Кау-Лите».....	21
Владимир Чубуков, «Тень моего брата».....	49
Дмитрий Костюкевич, «Мир, скрытый в тени».....	76
Дмитрий Тихонов, «Коронация».....	104
Максим Кабир, «Речной-3».....	126
Александр Подольский, «Твари из нижнего города».....	153
Алексей Жарков, «Чистокровные Аркхемиан».....	186
Андрей Миллер, «Законы геометрии».....	216
Евгений Абрамович, «Грязная вода».....	270
Илья Пивоваров, «Сезон плодородия».....	299
Александр Матюхин, «Первенец».....	324
Елена Щетинина, Наталья Волочаевская, «HOLLYWOOD FOREVER».....	348

От составителя

Друзья, перед вами антология из тринадцати рассказов. Я думаю, вы уже догадались, кем они вдохновлены. Я обратился к ведущим авторам русскоязычного хоррора с просьбой написать тексты специально для сборника, и наше сотрудничество было настоящим удовольствием (чего стоило совместное придумывание названия, и как тяжело было отказаться от прекрасного «From Russia with Lovecraft»). Замечательно, что люди, сочиняющие столь ужасные и безумные истории, в жизни оказываются весёлыми, открытыми и приятными людьми. Практически все рассказы в антологии эксклюзивны, исключение составляют лишь «Твари из Нижнего города» – мне очень нравится эта вещь, и я попросил Александра Подольского включить её в книгу.

У каждого из нас особая история знакомства и отношений с ГФЛ. Я расскажу свою.

Я знал о существовании такого писателя задолго до того, как прочёл его новеллы. Я смотрел «Некрономикон» и «Реаниматора», понимал, что «Крауч-Энд» Стивена Кинга – «лавкрафтианская» история. И в целом я представлял, о чём он пишет: о жутких богах и восставших мертвецах, о пустынных особняках и, наверное, щупальцах. Я мечтал добыть сборник мэтра, но то были времена дикие, и если кто-то сказал бы мне, что в будущем книги можно получать одним нажатием клавиши, я бы спросил: клавиши чего? Пейджера? Лифта? «Электроники»?

Я охотился за Лавкрафтом, как его досточтимые персонажи охотились за манускриптом безумного араба Абдула Альхазреда, но продавцы на блошином рынке лишь

отводили взгляды, откупались Эдгаром По. Однажды старичок, снабжающий меня Кунцем и Маккаммоном, сказал, что принесёт томик Лавкрафта в пятницу. Я прибежал в указанное время, но старичок на рынке не явился. Больше я его не видел.

Шли годы. Я, одиннадцатиклассник, перечитавший все доступные романы ужасов, но ни разу не державший в руках Лавкрафта, отправился на юг. Крым пах дынями и можжевельником, море ласково льнуло к ногам, я был безответно влюблён в золотоволосую девочку с зелёными глазами – хорошее выдалось лето.

В последний день отпуска, без единой гривны в кармане, я забрёл в маленький книжный магазин, и взор мой упал на полку, где среди Сидни Шелдонов и Александр Марининых стояла заветная книжица. «В склепе» она называлась, издательство «Джoker Бук». Манящее имя: Х. Лавкрафт соседствовало на обложке с именем А. Дерлета. Страшный зелёный монстр атаковал героя, но смелый герой швырял в тварь светильник. А внутри! Внутри были «Зов Цтулху» (именно так!) и «Тень над Иннсмаутом», «Данвический ужас» и «Крысы в стенах», «Музыка Эриха Занна» и «Наследство Пибоди»! Нечто очень похожее на счастье охватило меня, и в порыве неопишуемой алчности схватил я книгу, пока продавец считал мух, я выбежал в солнечный день и бежал по чудесной Ялте, сжимая под мышкой трофей.

Да, друзья, я украл своего первого Лавкрафта, и считайте, что этой антологией, выложенной в свободный доступ, я возвращаю долг.

Максим Кабир, 2019

Виктория Колыхалова

БИТВА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Основано на реальных событиях.

Нагао Кагетора, Дракон из Этиго, теперь носивший имя клана Уэсуги Норимасы – Уэсуги Кеншин, стоял перед статуей Бишамонтена, бога войны и охранителя Будды, в святилище богини Кукури-химэ в своем любимом замке Касугаяма, откуда открывался величественный вид на море.

Слова его молитвы были просты и неоригинальны, по всей стране даймё и сюго обращались к богам с одной и той же просьбой: «Исправь беспорядок в этом мире! Помоги мне достичь победы! Даруй мне силу, чтобы уничтожить несправедливость!»

Несправедливость каждый также понимал одинаково: границы его провинции должны быть расширены за счет захвата соседних территорий. Кому-то непременно были нужны тучные рисовые поля, кому-то – священные горы с древними храмами и влиятельными монастырями, кому-то

– выход к морю.

Шла эпоха Сэнгоку дзидай, эпоха воюющих провинций, война всех со всеми. Онин.

Микадо, император, занимался единственным положенным ему делом – олицетворял воплощение бога на земле. Все сражения и все междоусобные войны, все интриги, предательства, злодейства и братоубийства совершались во славу императора, в чьем божественном

происхождении никто не сомневался и чью власть на земле и на небе никто не оспаривал, что никак не мешало участникам кровавых событий преследовать собственные сугубо практические цели.

Императорскому двору было все равно, откуда поступали обозы с рисом и свертками шелка и хлопка, серебро и фарфор, и тем более все равно, когда подношение утраивалось в результате захвата кем-либо какой-либо из провинций.

Уэсуги вышел из святилища с мрачными мыслями. Судьба поставила на его пути нового врага, войны с которым было не избежать: Ода Нобунага, неотесанный болван, не обученный даже искусству стихосложения, угрожал не только вторжением в Этиго, но и создавал общую угрозу, завоевывая одну провинцию за другой и обещая принести императору в дар нечто неслыханное — объединенную Японию под собственным единоличным правлением.

Уэсуги, как наследник аристократического рода и буддистский монах, был приверженцем традиционных ценностей и глубоко презирал кадровую политику Оды Нобунаги, который принимал на службу даже простолюдинов, если они демонстрировали какие-то полезные таланты, как в военном деле, так и в экономике. Ода был невероятно удачлив в войнах, благодаря своей баснословной жестокости и хитроумным торговым сношениям с «южными варварами», снабжавшими его «тамагашима», аркебузами, с большими скидками, что благородному Уэсуги также претило.

Пока его стратеги и вассалы спорили, планируя предстоящую войну и пытаясь предугадать действия

оккупанта, Уэсуги решил посетить поселение «южных варваров» самолично. Он не взял с собой денег для покупки оружия, так как делать этого не собирался, все равно осуществить такую операцию тайно не получилось бы, шпионы наверняка уже проникли и в его окружение...

Уэсуги отправился в Нагасаки, в миссию португальских иезуитов Франсишку Ксавье. Он хотел взглянуть на уклад жизни диковинных чужестранцев, этих белолицых бородачей, которые, ни с кем не сражаясь, ловко прибрали к рукам несколько островов за горстку сладостей и снабжали теперь всех желающих огнестрельным оружием и крестили одну деревню за другой в свою веру, распаляя воображение доверчивых крестьян страшными сказками про распятого на кресте бога, который всех за все прощает. Среди его собственных самураев многие носили кресты как амулеты на удачу во время битвы, а под началом Оды Нобунаги была целая армия крещеных японцев-«кириситан».

Уэсуги облачился в потрепанные хакама и кимоно простого солдата и отправился на юг, одновременно с тремя такими же малыми отрядами, посланными по трем разным направлениям, чтобы сбить с толку возможных доносчиков. Он взял в сопровождение лишь секретаря и двух самураев, одетых так же скромно, и, проведя в пути целый день, прибыл в порт Нагасаки уже к закату.

*

Церковь произвела на него впечатление, хотя и не настолько, чтобы, как требовалось, возлюбить изможденного бородастого бога. Уэсуги больше понравилась хитроумная идея с витражами: цветные

картинки в окнах не позволяли выглянуть наружу, вместо этого перед глазами были сцены из жизни богов, поэтому находящемуся в церкви человеку казалось, что он переместился в иной мир и созерцал иные картины, иные события. И это завораживало. Колеблющееся пламя свечей, стройный хор и странный аромат благовоний заставляли подолгу рассматривать эту искусно составленную хронику, забывая о реальном мире за стенами церкви. Было в этом что-то сродни китайскому театру теней, но с более полным погружением. Хитро.

У порога церкви топтался отправленный на поиски переводчика секретарь. Приведенный им моряк преклонных лет изъяснялся на японском вполне приемлемо, но вонял так же как все чужаки-гайдзины - псиной и сивухой. Он сопровождал японских гостей в местный идзакай, трактир, где можно было побеседовать и утолить голод.

Вонь здесь была еще гуще, чем в церкви. Пьяные матросы и ремесленники спали, уронив голову прямо на стол, или справляли малую нужду тут же, не вставая с лавок. Специальный желоб из-под каждого стола выводил нечистоты наружу, под ноги прохожих. Видя вежливые улыбки, скрывающие брезгливость, с которыми японцы обращались к португальцам, Уэсуги подумал, что никогда гайдзин в этой стране не будет равен нихондзину, несмотря на все свои хитроумные изобретения...

Кривозубый кансаец-официант усадил вновь прибывших за свободный стол, отвесив положенный поклон самураям, однако, склонился еще ниже перед простым солдатом, отметив его холеные руки, красивое лицо и аккуратную прическу.

Аромат саке смог ненадолго разбавить миазмы

этого заведения. Уэсуги с любопытством рассматривал представителей этого странного бородатого племени, которые представлялись больше животными, чем хитроумными торговцами, искусными оружейниками и отважными мореплавателями. Пока он не мог понять, каким образом у этих людей устроены мозги, если, чтобы начать поклоняться своему богу, они сперва его убили...

Сновавшие под ногами пестрые куры с кудахтаньем разбежались - к столу нетвердой походкой подошел какой-то оборванец, слишком грязный и вонючий даже для гайдзина. Спутанные волосы были заплетены в косу, которая, видимо, не расплеталась много лет и представляла собой серый, пропитанный грязью, как будто просмоленный, канат. Заросшее до самых глаз косматой бородой лицо выражало крайнюю степень отрешенности и какого-то странного превосходства, взгляд блуждал без всякой цели, а рот непрерывно шевелился, извергая чужеродную речь. Это пугало отгоняли ото всех столов, и он бесцельно топтался по трактиру в тщетных поисках собеседника.

Уэсуги повел бровью, и услужливый секретарь тотчас осведомился у переводчика, кто этот человек.

—Густаво Алвареш, бывший матрос со «Святой Беатрисы»,— ответил старый моряк. - Живет сейчас при церкви. С тех пор, как умом тронулся, к морю близко не подходит. Даже не смотрит в его сторону. Воды так боится, что и мыться перестал. Бормочет свои небылицы... Богохульник! И как его падре терпит?.. Моряки – народ суровый, богобоязненный, бывало, напьются и давай его колошматить, чтоб заткнулся, уже и не смотрят, что юродивый... В печенках уже у всех его рассказы!..

Ну, безумен человек, что ж поделаешь... Пшел вон, пес брехливый!

— О чем его речи? — снова спросил секретарь, повинувшись еле заметному сигналу господина.

— Ох, право, и говорить не стоит! Ну... История его такая: был он в команде на «Святой Беатрисе», которая потонула в шторме у Кюсю. Ребята с «Альбатроса» подобрала бедолагу в море на обломке мачты. Один из всей команды выжил. А когда оклемался, начал тараторить беспрерывно... Такое, что и повторять-то — грех. Богохульство и мерзость. Морского дьявола поминал... Ребята его хотели за борт выбросить — уж так он всех перепугал... Пастор корабельный не дал. Сказал, юродивого грех губить, будем молиться за спасение его души. А он в трюм забился, в самый темный угол, и, как волна поднимется чуть больше обычного, кричал так, что и вправду будто сам дьявол вышел из глубин... Гоните его прочь, господа, мой вам совет!

Безумец стоял перед ними, раскачиваясь, будто под ним еще была корабельная палуба, и, вращая горящими фанатичным огнем глазами, выкрикивал беспрерывные бредни на своем собачьем языке. Слюна лилась в косматую, покрытую салом и мухами бороду, а руки блуждали по телу, творя то крестное знамение, то дергаясь в паху.

Уэсуги подвинул к нему свою чашу с саке, безумец схватил ее двумя заскорузлыми лапами и опрокинул, на миг прервав свои богохульства. Содрогнувшись всем телом от удовольствия, он устремил на Уэсуги удивительно трезвый, разумный взгляд и обратился прямо к нему, продолжая грохотать, как якорная цепь. Переводчик скривился, как от удара, поспешил встать, но шесть монет, брошенные на

стол одним из самураев, несколько остудили праведный гнев, и он продолжил свое дело:

– Не ждите, не бойтесь прихода хаоса! Хаос всегда вокруг нас! Он был, царил и царит в мире! И будет царить, сколько бы вы, глупцы, не отдувались от него кадилом своим и не жгли костры свои и свечи, – переводчик повторял слова безумца на японском, зажав в руке крестик и гневно сдвинув брови. – Хаос этот исполнен большего чуда, чем все земные боги, как почитаемые сейчас, равно как и давно забытые. Я видел! Видел зримое чудо его! Мы все видели! Но только я один мог вынести это, ибо я ловкий и умелый сновидец, и только мою душу он принял и провел сквозь Млечный Путь, показав те звезды, что навеки скрыты от всех земных моряков его черными крыльями. Хаос, опоясывающий миры, всегда выходит из океана. Но никто не ведает, из какой части мироздания он является. Я был так же мертв, как все, но я ловкий и опытный сновидец, я пел те слова, на которых принято говорить во снах. И он вышел из океана, отозвавшись на слова моих молитв, ибо я выучил во снах язык хаоса, язык истинного бога!..

При этих словах багровый, как спелая слива, моряк-переводчик швырнул на стол полученные от самураев монеты и, осеняя себя крестом, выбежал вон.

Бесноватый Густаво же в трансе продолжал вопить, повторяя, как исполнитель дзёрури, однии те же мерзкие лающие звуки:

– Пх'нгуи мглв'навфх ктулху р'льех вгах'нагл фхтагн! Пх'нгуи мглв'навфх ктулху р'льех вгах'нагл фхтагн! Пх'нгуи мглв'навфх ктулху р'льех вгах'нагл фхтагн!..

Оставив безумца допивать саке и давиться своими

неудержимыми бреднями, Уэсуги с самураями покинул трактир и направился в порт, где велел оставить его в одиночестве. Он медленно шел, предаваясь раздумьям о странном племени «намбан бозэки», южных варваров, об их повадках, их жизни, их богах. Перед глазами вставали витражи из миссионерской церкви. Встреча с безумцем Густаво напомнила картинку, которую Уэсуги рассматривал дольше других: бородатый бог «кириситан», еще не замученный на кресте, шел по воде. Над его головой сияли солнечные лучи, а под ногами, в глубине вод, искусно сложенных из кусочков синего и зеленого стекла, угадывался силуэт, подобный морской горе. Уэсуги и принял это изображение за подводную скалу, но сейчас, после встречи с безумным Густаво, эта фигура из темного стекла вызывала совсем другие ассоциации.

Уэсуги шел через поселение южных варваров, в их деревянных домиках под двускатными крышами тут и там гас свет. Ночной воздух освобождался от смешения языков, грубого смеха и суеты, наступала тишина, в которой все более явно чувствовалась близость моря. Плеск волн становился все слышнее по мере того, как угасал наполненный цикадами и зноем день.

«Какая пустота! – думал Уэсуги. – С тех пор, как меня, слугу Будды, вынудили ступить на путь кровавых убийств, я чувствую лишь пустоту. Люди, убивая друг друга в сражениях, могут смириться с этой пустотой, жить с ней, если на то есть веская причина. Люди заботятся о своих семьях, о женах и детях, о своих землях и законах... Я же дал обет целомудрия, у меня нет жен и детей, я с радостью и достоинством жил в храме Ринсен-дзи... Мой старший брат Харукаге испугался, что вассалы присягнут

мне, а не ему, ибо я превзошел его благородством, красотой, мудростью и боевой подготовкой... Напав ночью, он сделал из меня воина и кровавого убийцу, позволив победить. Служением Будде и чтением сутр не усмирить мятежную душу... Сейчас мой враг – пустота, которую я чувствую в сердце. Против нее бессильны аркебузы... Я глубоко почитал Бишамонтена, молился ему день и ночь. Я сам стал земным воплощением Бишамонтена и принял обязанность охранять императора с севера, из Этиго. Я сделаю все, чтобы исполнить свой долг! Я, слуга Будды, привык обращаться к богам, а не к людям!»

Уэсуги вышел на освещенный полной луной берег. Его ноги твердо ступали по мокрым соленым камням, меж которых пенились и шипели ленивые волны. Полный штиль выгибал горизонт ровной широкой дугой. Корабли южных варваров на рейде тянулись к луне высокими мачтами, голые реи походили на печальные обглоданные останки. Их тусклые фонари зловеще мерцали, как пародия на жизнь в глазницах скелета. Пахло солью, мокрым деревом, йодистыми водорослями и гниющими в осколках раковин моллюсками. Уютный дымный чад из очагов в человеческих жилищах здесь почти не ощущался, уступал место дикому, вечному аромату таинственной черной бездны. Змеевидный ритм, с которым волны толкались в прибрежные скалы, вызывал в памяти нечестивый речитатив безумца Густаво.

Голос Уэсуги дрожал, когда он выталкивал из себя странные чужеродные звуки, а океанские глубины откликались едва слышным, далеким, но отчетливым и жутким эхом, предрекая смерть его души. Его решимости хватило лишь на одну молитву, и он отдал приказ

немедленно возвращаться в Касугаяму, не дожидаясь рассвета.

*

Силы Оды Нобунаги превосходили численностью армию Уэсуги в два раза. Об этом на протяжении нескольких месяцев докладывали шпионы. Вылазки шиноби но моно и ниндзя нокидзару не давали результатов: Нобунага хорошо охранялся.

Уэсуги велел своим воинам двинуться навстречу врагу, но приказа о нападении отдавать не спешил. Вместо этого он велел укрепиться на берегу реки Тэдоригавы и ждать.

*

После заката отряд Огавы Хейдзо едва дождался своей очереди искупаться. Несмотря на близость зимы, погода стояла жаркая, и воины изнывали, проводя дни и ночи напролет в доспехах, всегда готовые к бою. Сейчас же они с радостным уханьем бросились в реку и не спешили закончить. Вода бодрила и расслабляла одновременно. Огава сохранял невозмутимое спокойствие, пока соратники по обыкновению принялись грубо, но беззлобно его подначивать. Его фундоси неизменно было объектом их завистливых шуточек, потому что всегда топорщилось самым возмутительным образом, и солдаты не упускали случая позубоскалить, наперебой делая предположения, что он туда подкладывает — сосновую шишку, маску Тэнгу или корень женьшеня. Последний давал больше вариантов развития событий, и шутники обещали улучшить момент и поменять женьшень

на корневище васabi. Тут же находились артистичные натуры и принимались под общий гогот подпрыгивать и выть, закатив глаза и схватившись за причинное место, изображая муки Огавы после этой подмены. Если позволяло время, шутники переключались с Огавы на его фаворита, Сато Мамору, и изображали уже его после соития, корча страшные рожи и зажимая якобы пылающий анус.

Их смех грубо тревожил тихие прибрежные заросли. Вода в реке как будто стала холоднее, а в темном небе на востоке блеснула молния.

Когда отряд вернулся в лагерь после купания, каждому воину выдали по лоскуту плотной ткани, наподобие тех, какими лекари перевязывали раны.

*

Две армии стояли друг против друга по разным берегам реки Тэдоригава. Силы Оды Нобунаги использовали боевой строй «какуёку», журавлиное крыло, войска Уэсуги Кеншина выстроились в виде «гёрин», змеиной чешуи. На рассвете, когда листья кленов момидзи покрыли изящным красным узором зеленый мох в лесах, отряды одного из генералов Нобунаги, Сибаты Кацуиэ, первыми начали переправу через реку. Когда они вошли в воду, напрасно опасаясь атаки со стороны неподвижной армии Уэсуги Кеншина, что-то случилось. Воздух стал редеть и небо переменило цвет. Солдатам стало трудно дышать. Всепочувствовали перемены в атмосфере, словно законы земли подчинились другим законам.

Отряды Уэсуги Кеншина стояли на месте с завязанными глазами, прислушиваясь, ожидая приказа

к наступлению. Вместо этого они услышали, как земля задрожала у них под ногами, и со стороны реки двинулась стена ледяного грохота - на них шел тайфун. Гром едва не разорвал перепонки, грянув как будто прямо над головами. Солдаты едва держались на ногах под порывами шквалистого ветра. Сверху их окатывал не просто ливень: как будто небеса поменялись местами с землей, и река лилась сверху непрерывным холодным потоком. Доспехи давили на плечи, а повязки на глазах промокли и прилипли к лицам. Только привычка беспрекословно подчиняться приказам не позволяла сорвать их и взглянуть в глаза своей судьбе. Впрочем, кажется, у кого-то все же не выдержали нервы: послышался дикий крик, потом громкое шлепанье, как будто в гигантском чане месили тесто, а потом крики оборвались.

Сато Мамору, как всегда стоявший слева от Огавы Хейдзо, почувствовал, как до него кто-то дотронулся, по лицу что-то проползло, холодное, мокрое. Чудовищно воняло гнилыми водорослями. Мамору непроизвольно схватился за лицо и успел ощутить под пальцами студенистую плоть и толстую кожу с бугрящимися на ней круглыми шишками размером с миску для риса. Мамору вырос на Окинаве, он с детства с отцом и дедом добывал в море пропитание, он знал, каковы наощупь щупальца осьминога. Только это щупальце на самом своем кончике, коснувшемся лица солдата, было толстым, как сосновый ствол, и уходило, судя по звукам, вверх, под облака, из которых лилась горькая океанская вода и сквозь шум ее падения слышался утробный рокот, подобный вздохам горы Фудзи накануне извержения.

Ума-дзируси, синяя хоругвь с красным солнцем и

белые боевые штандарты с черными иероглифами «рю», дракон, и «би», первый в имени бога Бишамонтена, намокли и повисли. Уэсуги стоял на возвышенности, укрытый среди камней и изогнутых сосен и смотрел. Он не завязывал глаз, потому что уже знал, что и кого увидит. Все свою жизнь он обращался к Будде, как к воплощению гармонии и порядка, теперь же он обратился к воплощенному хаосу и был готов потерять разум, как бедный Густаво, или упасть замертво на поле этой невиданной ранее битвы.

Уэсуги смотрел, как из черных туч, покрывших небо за считанные минуты, спускаются хоботы гигантских смерчей, со свистом вонзаясь в речную воду, в которой барахтается отступающая вражеская армия. Ветер выл в соснах и рвал листву с кленов, которая усеяла кроваво-красными ладошками долину реки. Ветер трепал знамена и ломал древки копий, валил с ног воинов в тяжелых доспехах и разносил раскаты грома далеко за поросшие лесами горы. Молнии освещали тучи изнутри, на миг делая видимой возвышающуюся над долиной чудовищную крылатую тень.

Провисшее брюхо урагана разродилось чудовищем. Уэсуги увидел извивающуюся среди водяных смерчей тьму, услышал страшный голос, трубивший где-то высоко в небе, над изливающимися соленым ливнем тучами. Щупальца мрака тянулись к земле и пробовали на вкус этот пропитанный кровью остров, этот странный мир, где смыслом жизни была смерть на войне.

Со стороны войск Нобунаги послышался многоголосый вой ужаса. Рожденные для войны, закаленные в сражениях и не знающие пощады воины вспарывали себе животы прямо в воде, торопливым

сеппуку спасая себя от неминуемого позорного безумия, ибо только оно или еще более позорная смерть от разрыва сердца могли последовать за столь чудовищным приступом страха.

По валившимся тут и там в холодную грязь телам собственных воинов, Уэсуги мог судить о количестве тех, кто ослушался его приказа и снял повязку с глаз.

Тэдоригава превратилась в бурлящий котел с соленым кровавым бульоном. Битва была окончена.

*

Прим. Автора

Историки оставили нам разные трактовки тех событий. По одной версии, Уэсуги Кениин разгромил своего очередного врага, благодаря своему исключительному и выдающемуся военному таланту. По другой, битва не состоялась вовсе: генералы Оды Нобунаги отступили, увидев невыгодность своих позиций и выполнив все условия своего благородного противника. Бесспорным остается только тот факт, что в 1577 году в битве на реке Тэдоригава Нагао Казетора, Уэсуги Кениин из клана Уэсуги Норимасы, Бишамонтен из Этиго, одержал безоговорочную победу над 40-тысячной армией Оды Нобунаги, вдвое превосходившей численностью его собственное войско, а спустя несколько месяцев его настигла внезапная и загадочная смерть в покоех его любимого замка Касугаяма, откуда открывается величественный вид на море.

Перед смертью он сложил такое стихотворение:

極樂も地獄も先は有明の月の心に懸かる雲なし

*Ни раем, ни адом меня уже не смутить,
и в лунном сиянье стою непоколебим —
ни облачка на душе.*

Николай Романов

УЖАС В КАУ-ЛИТЕ

Мы с Ликой сидели на пустынном ночном пляже у самой кромки воды. Чуть тёплые воздушные потоки разливались от остывающего моря, позволяя не прятать лицо в толстый шарф. За спиной стихал городской шум, исчезали редкие огни. Бесконечно далёкие звёзды отражались в неподвижной глади.

Казалось, мы сидим на берегу затаившей дыхание вечности.

Нас окружала пустота.

Сонный город, безжизненные горы, чёрная глубина возле ног... Ни единого звука. Зима поглотила каждый шорох и каждый всплеск. Каждый шаг и каждое слово растворились, стали частью безликой тишины.

Привычное летнее очарование, благоухание моря и сочные ароматы жизни ушли в пучину. Укрылись во мраке воды и неба, словно надеясь, что никогда не вернуться в суетный людской мир.

Мы жались друг к другу, как два космонавта, потерявшие корабль на пороге новой вселенной. Луч фонарика блуждал по воде, изредка выхватывая из темноты далёкий чёрный волнорез.

Я стянул перчатку и, расстегнув куртку, пробрался Лике под свитер и футболку. Девичье тело изогнулось навстречу ладони. Слегка влажная кожа приятно скользила под пальцами. Я аккуратно сжал маленькую грудь.

– Ай-ай, – усмехнулась Лика, обдав меня тёплым ароматом вишневого морса. Термос дымился у неё в руках.

– Нельзя...

– Нельзя?

– Большой дяденька, сильные руки... А девочке ещё и четырнадцати нет...

Она подалась назад.

– Тем интереснее, если девочке нет четырнадцати, – я поцеловал её улыбку и опустил руку ниже.

– Ай-ай, – повторила она упираясь. – Придётся дяденьке пару годиков подождать.

– Максимум – пару минуточек...

– А если девочка закричит?

– Дяденька бросит её в морскую пучину и надругается над холодным телом.

– Бррр... Ты мерзок.

– Опять муж плохой? – я отстранился и забрал у Лики термос.

– Ага. Очень. Обзывается.

– Я просто сказал, что ты маленькая и миленькая.

– Как школьница?

– Это же образно!

– Ты поэтому на мне женился?

Я не видел её лица, но знал – она снова улыбается.

– Конечно, нет. Мне вовсе не нравятся миниатюрные женщины. И вообще никакие женщины не нравятся. Только ты. Мужчины, если что, тоже не нравятся.

– Этого ещё не хватало!

Лица засмеялась, толкнула меня на гальку и забралась сверху, словно проворная кошка.

Мы приезжали в Кау-литу и раньше. Каждый август открывалось нам упоительное черноморское побережье. Раскалённое солнце и тёплые ночи, вылазки в горы и

экзотические экскурсии, разноцветные карнавалы на набережной и много-много музыки, сладостей, светлых лиц – здесь всегда царила счастливая молодость.

Мы пообещали друг другу, что будем приезжать сюда как можно чаще. Загадали в один из отъездов и бросили две монетки в море – как сотни таких же отпускников.

Когда бабушка покинула нас, её старенькая московская однушка осталась Лике. Жить в ней мы не собирались, сдавать – хлопотно. Бесцельно продать – нечестно по отношению к бабушке. «Деньги растают со временем» – сказала Лика, она была категорически против. Тогда и решили купить летнюю квартиру на берегу моря. Разница со столичным жильём оказалась заметной. Мы могли позволить себе те же заветные квадраты, и оставалась немалая разница на ремонт и прочее.

Первым делом появился бумажный листок, который разделили чертой пополам и написали все плюсы и минусы нашего приобретения. Перечень плюсов радовал глаз. В минусах значились лишь приятные хлопоты и небольшие риски. Вне категорий был один странный пункт, из-за которого мы и очутились в ту ночь на холодном пляже.

Мы никогда не были в Кау-лите зимой.

– Я хочу увидеть курорт зимой, – сказала Лика.

– Ты же не собираешься зимовать на море?

– Пока не знаю.

– Там будет скучно и холодно. Зимой на море приезжают одни пенсионеры и меланхолики.

– И поэты.

– И поэты-меланхолики. Зая, мы потратим отпуск на зонтики и носовые платки.

– Я хочу посмотреть.

- Посмотри в инете.
- Понятно, ты согласен.
- Да.

– Молодец. Встретимся с риелтором, что-нибудь присмотрим к сезону. Зимой на курортах цены ниже. Врубаешься, глава семьи?

Мы редко спорили. Я поддался и на очередное сумасбродное требование – провести первую ночь на зимнем пляже. Это было даже романтично. Прибыли к полуночи и прямо с чемоданом пробрались на пустое побережье.

– Я должна почувствовать это место со всех сторон, – говорила Лика. – Может, когда-нибудь переедем сюда навсегда?

Конечно, мы замёрзли, так и не занялись любовью и слопали всё, что приготовили на завтрак. Безумную идею «а давай искупаемся?» отвергли ещё на старте.

День встретил нас холодным дождиком. Настолько мелким, что ради него лень было доставать зонт. Низкое серое небо осело на горы.

Мы покинули пляж и поднялись к центральной улице. Ветер усилился. Море бросало в спину первые брызги зарождающегося шторма.

Город был предсказуемо пуст. Ни автомобилей, ни суетливой торговли с лотков. Несколько торопливых фигур промелькнули под невзрачными вывесками.

– Не очень-то тут дружелюбно, – обронил я.

Лика не разделяла моё настроение.

– Утро же, выходной. И погода не ахти. Ничего необычного. Теперь – жильё.

Ещё один загадочный эксперимент, который она

задумала, не допускал привычного размещения в отеле. Лика хотела найти жильё по приезду, строго у местных и вообще – вкусить все прелести безумного дикарского отдыха.

– Мы едем не отдыхать, а пропитаться атмосферой!

Я мысленно попрощался с ежевечерним душем и поддержал её затею.

С восходом солнца, которое так и не вышло из-за серых туч, воздух стал густым и тяжёлым. Появилось ощущение, что мы находимся не посреди города, а внутри огромной теплицы.

Лика достала из рюкзака карту. Бумага мгновенно покрылась влагой.

– Смотри, – она ткнула пальчиком в тёмно-зелёную окраину. – Вот здесь.

– Старые улицы?

– Риелторы называют это старым фондом. Гляди, всё очень круто. Город стоит на трёх холмах. Каждый спускается с горного плато к морю. Как лапа дракона с тремя когтями. Видишь, их обрамляют речки? Вот здесь – город, новострой, магазины... Фактически, жизнь бурлит только на этих двух холмах. Мы раньше останавливались тут и тут.

– Да, да. Помню. Вот тут шаурмой траванулся.

– Не отвлекайся. А вот – третий холм. Сейчас его называют девятым микрорайоном, а раньше – Чёрной горкой. Не смейся. Крестик в центре – старая церковь. Отсюда, с этого холма, город за столетия и разросся. Что интересно, церковь построили на месте развалин другого святилища, совсем древнего. Его фундаменту больше двух тысяч лет. Про святилище ничего толком не нашла, но,

думаю, если копнуть глубже, то окажется, что на холме был какой-нибудь храм или место жертвоприношения... Осталось от киммерийцев и кровожадных тавров.

– Кровожадных и похотливых?

– Конечно. Дикари же. Позже сюда приплыли эллины и римляне, появились сарматы, готы, гунны...

– Я даже слов таких не знаю.

– ... а следом за ними – хазары, генуэзцы, печенеги, половцы... Всех не вспомню, но картина, в целом, такая. Причём появлялись далеко не лучшие представители народов. Оно понятно – места дикие. Веками на склонах этого приморского холма оседали пираты, разбойники и работоторговцы. Все со своими культами, ритуалами и обрядами.

Мы обошли закрытый стрелковый тир и миновали пустой вещевой рынок. Непривычная для москвичей мясистая южная листва не добавляла зимнему городу жизни. Сырость, колючий ветер и набухшая влагой зелень превращали город в исполинский аквариум. На тротуарах недоставало огромных разлагающихся рыб.

– Сложно сказать, что здесь привлекало переселенцев. Через плато не перебраться. Ни сеять, ни разводить скот на таких склонах они не смогли бы. Да, очевидно, и не собирались. Если верить летописям древних греков, тут творились страшные и кровавые дела... Вот эта паутинка на карте – от церкви до моря – древнейшие кварталы. До сих пор жилые. Я тебе всё распечатала, почитаешь.

– Маловероятно.

– Брось, здесь очаровательный исторический антураж. Возможно, в этих домах обитают прямые потомки генуэзцев.

– Не древность, а глухомань. Хибары какие-то. Заборы каменные, дореволюционные дома, бывшие конюшни... И пятиэтажные зиккураты из старых гаражей. Коту пролезть негде – как муравейник. Всё застроили и проводами опутали.

– Между прочим, там одни из самых дорогих квартир, если летом снимать.

– Потому что море близко.

– Зануда.

– Не буду читать твои бумажки.

– И вредина.

– Реалист. Тупо замёрзнем в доисторических избушках без отопления.

Подъём резко пошёл вверх, по спине побежали ручейки пота. Мы дюжину раз круто повернули в лабиринте узких улочек. Вскоре из-за кипарисов выглянула высокая колокольня кирпичного цвета.

– Отсюда церковь не видно, деревья закрывают, – Лика остановилась и убрала карту. – Пришли.

Церковь окружали кипарисы. От деревьев к морю спускались массивные каменные ограды и высокие заборы из листового железа. Они возвышались над головами, скрывая первые этажи геометрически абсурдных зданий, подпорки и перекрытия невероятных строений. Сколоченные и воздвигнутые без каких-либо представлений об эстетике и пространственной логике, постройки топорщились железной арматурой, скалились неровными швами и гнилой древесиной. Местами забор становился ниже – виднелись то широкие, то узкие входные двери с монтажной пеной на покрытых плесенью щелях. У ржавой металлической сетки красовались новенькие

пластиковые окна и старомодные нежно-кремовые фрески.

Заросли глицинии обвивали чёрные захламлённые балконы, вышки, башенки, неожиданные выступы и решётки. В маленьких двориках, за пальмами и бельевыми верёвками, скрывались стеклянные веранды и открытые террасы. Каменные здания выглядели, так, словно продержалась столетия без ремонта и простоит столько же. Остальные – или крошились от времени, или сияли новизной и безвкусицей.

За вызывающим хаосом чувствовалась чья-то сумасбродная мысль, чей-то извращённый вкус. Если архитектуру называют застывшей музыкой, то нашим глазам предстала застывшая какофония панк-рока.

Бесконечные надстройки и пристройки загромождали любое свободное пространство. Дома, заборы, гаражи – сливались в одно целое. Прозрачная галерея в стиле хай-тек недурно разместилась на тёмном от сырости сарайчике для дров, которому буквально не давали расползтись бетонные стены соседнего сооружения – пугающего вида куба без окон, с одиноким шезлонгом на крыше. Рядом, на хрупкой лачуге, громоздился недавно достроенный более широкий второй этаж. Его укрепляли стальные трубы, вонзившиеся в рыхлый асфальт. Сверху достраивался третий этаж, что придавало дому вид перевёрнутой пирамиды.

– Лика, мне страшно туда заходить.

– Я знала, что тебе понравится.

Она бодро направилась к ближайшей калитке, на которой висела табличка с надписью: «Жильё. Своё». Открыли после пятого звонка. Пожилая женщина, выглядевшая беременной, молча выслушала робкие приветствия и проводила нас внутрь небольшого дворика,

откуда выходили настолько тесные проулки, что зайти в них можно было лишь боком.

Отсюда приземистые каменные здания казались ещё чуднее. Они затейливо соединялись друг с другом лестницами и верандами, возвышаясь из неровной брусчатки, словно мрачные скалы из беспокойных волн.

Женщина стукнула сухим кулаком в зелёную дверь и быстро удалилась.

– Лика, это не тот город, в который мы приезжали раньше, – прошептал я жене. – Мы где-то не там свернули.

Дверь распахнулась. На пороге стоял колоритный старик. Под бушлатом неопределённого цвета виднелась кислотно-зелёная футболка, в горловину которой была заправлена его пышная борода. Новенькие джинсы красовались на мощных бёдрах, а изъеденное оспой лицо наполовину скрывали кустистые брови.

– Нам бы квартиру снять, – сказал я. – Барышня вот... Вас порекомендовала.

Старик уделил мне долю секунды и внимательно рассмотрел Лику.

– Одна тысяча рублей, – с расстановкой произнёс он.

– Тысяча в сутки, отлично, – Лика перехватила инициативу. – Можем сейчас посмотреть?

– Одна тысяча рублей... – повторил старик медленно. – ...за ночь. И одна тысяча рублей – за день.

Я невольно покосился в сторону спасительной калитки. Её скрывал угол ближайшего дома.

– Ага... Ясно. – Лика легонько толкнула меня локтем. – Две тысячи рублей за сутки... Если квартира нас устроит, мы остановимся на десять дней.

Лику квартира устроила, меня – нет.

Просторная, первый этаж, широкая кровать и большое окно во двор. За окном упирались в низкое небо дюжина кипарисов. Вместо обоев – слой белой краски на здоровенных камнях, из которых, похоже, был выложен весь дом. Телевизора не наблюдалось.

– Дорогая, это первая попавшаяся комната. Посмотрим ещё парочку?

– Нет. Это судьба. Где твой дух авантюризма? Слушай, я именно такое хотела. Экзотично и романтично. Хватит бузить, а?

Нет, комната выглядела неплохо, но...

– Уважаемый, – я повернулся к старику. Тот безмолвно возвышался за нашими спинами, будто надгробный памятник. – А где, например, батарея... Или обогреватель...

– Ночью будет тепло, – покачулся тот. – Дом за день прогреется.

– Понятно. Дом прогреется. Лика, это безумие. Нет ни кондиционера, ни обогревателя, ни печки. Мы замёрзнем.

Старик любовно похлопал широкой ладонью по белой стене.

– Бутовый камень! – торжественно сказал он. – В жару сохраняет прохладу. Ночью отдаёт тепло. Ледниковый бут!

– Ледниковый бут?

– Ледниковый бут со дня моря! Веками вымочен в сероводороде, пропитан распадом и тленом. Идеальный для строительства ледниковый бут.

– В сероводороде?

– Ваш мужчина, видимо, глуховат, – серьёзно произнёс старик.

День пролетел удивительно быстро. Мы едва успели

разбросать по углам вещи, помыться в пристроенной тесной душевой и обойти ближайшие дворики, когда начало темнеть. В соседнем магазине закупили нехитрый ужин и уничтожили его прямо на кровати.

– Ты слышала? Что за дичь он нёс про бутовые камни?

– Я в стройке не разбираюсь. Забей, просто чудной дед.

– Ахинея какая-то. Сероводород, распад...

– Про сероводород на дне Чёрного моря я слышала. Якобы толща воды сдерживает в глубине огромную подушку из ядовитого газа, и если он всплывёт на поверхность, то всем кранты. Кучу лет назад здесь было пресное море, но однажды его через Босфор затопило солёной водой. Всё живое погибло и осталось гнить на дне. Там, в темноте, миллионы тонн тлена. Жуть.

– Ты ходячая энциклопедия. Он сказал, что камни достали оттуда? Бред. А при чём тут ледник?

– Он просто хотел нас развлечь. Считай это бесплатным аттракционом.

– Ага. Бесплатным. Одна тысяча рублей за ночь. И одна тысяча рублей за день.

Лица засмеялась, и нас поглотили плотские утехы.

Чуть позже за окном появились какие-то фигуры – выбиралась из нор местная молодёжь. Послышался смех, разговоры. Кто-то тихо напевал незатейливую мелодию.

Ветер терзал упрямые кипарисы.

Я встал и задёрнул занавеску.

Лица заснула довольно быстро, а я битый час ворочался на чистых простынях и пялился сквозь темноту на окружавшие нас камни.

Соседство незнакомых людей в незнакомом месте тревожило не меньше. Я разыскал в ящиках кухонный нож и положил его на тумбочку возле кровати. На всякий случай подпёр стулом входную дверь.

Утром позвонил риелтор и поинтересовался – как добрались, где остановились? С сожалением сообщил, что сегодня приехать не сможет, попросил перенести встречу. Лика договорилась на завтра, и мы отправились в город.

Покидая двор, я обратил внимание, на чистоту вокруг. Ни мусора, ни пустых бутылок, ни окурков. Похоже, наши соседи чертовски аккуратны.

Я предложил подняться до церкви, но Лика вооружилась распечатками и сказала, что в городе нас ждут не менее интересные места. Летом на музеи и достопримечательности у нас практически не оставалось времени – купание и активный отдых поглощали его полностью.

Кау-литу было не узнать. Разница с курортным сезоном оказалась удручающей. Дождь прекратился, но приветливее город не стал. Из подворотен веяло сыростью. Краски терялись и таяли среди угрюмых серых оттенков. Серые дороги, серые дома, серые деревья и серые лица. По влажным стенам с отслоившейся штукатуркой расплзались ржавые разводы.

Людей на улицах было мало. Вместо полуголых и радостных отдыхающих, коих привычно видеть летом, вдоль серых строений куда-то спешили редкие угрюмые горожане. Теперь, не скрытые, не растворённые в толпе, они показывали истинный облик города — не пёструю карнавальную маску, но бледное, суровое и пропитанное солью лицо уставшего морехода.

Ли́ка что-то рассказывала о первых гостиницах и доходных домах, говорила про быт города во время войны и летние дачи писателей прошлого века... Я же с тревогой оборачивался, ловя краем глаза очередную нырнувшую в подворотню фигуру. Я не мог сосредоточиться. Одинаковые прохожие кружили вокруг, вновь и вновь проскальзывая мимо и быстро скрываясь в арках сразу за нашими спинами. В конце концов зловещий хоровод меня измотал.

— Ли́ка, мне надоело.

— В смысле?

Она словно не замечала тягостного давления и нависшей неведомой угрозы. Её больше интересовали сборища котов и очередная историческая кондитерская.

— Мне надоело ходить по городу, — наконец выдавил я.

— Не узнаю тебя. На себя не похож. С животом нормально?

— При чём тут живот? Эти люди... — я понял, что не смогу толком объяснить. — Ты заметила, сколько в городе кипарисов?

— Кипарисов? С ними-то что?

— Странно... Я никогда не обращал внимания, но в городе очень много кипарисов... Помнишь, бабушка всегда говорила, что кипарисы — кладбищенские деревья? Они на кладбищах растут. Охраняют тех, кто спит. Так она говорила.

— Ох-хо... Иначе я представляла наше чудесное вторжение в Кау-литу. Послушай, это зима. Курортные города зимой выглядят именно так. Засыпают. Это просто мёртвая спячка.

– Мёртвая? – я вздрогнул. – Послушай, мне, пожалуй, надо пройтись.

– Мы и так идём. Сам же сказал – надоело ходить... Да что с тобой?!

– Нет. Хочу один. Зайду на рынок... Или ещё куда. Встретимся дома. Всё в порядке, наверно астма обостряется.

Полагаю, Лика не поверила в астму.

Перспектива шагать по пустынному городу восторга не вызывала, но меньше всего хотелось, чтобы она видела мужа в смятении. Несомненно, на картину города повлияло моё состояние. Недомогание окрасило Кау-литу в мрачные тона, добавило зловещие краски в облик города и его обитателей.

Мы разошлись, но зайти в здание городского рынка я не решился. Пьянящий запах сырого мяса и душистых специй вызвал приступ тошноты. Меня чуть не вырвало прямо на входные ступени.

Я наспех нахватал с уличных лотков зелени, огурцов и ещё каких-то овощей. Мысли о еде вызвали повторные приступы тошноты и головокружения. Я и правда мог отравиться. Или сказывалась адаптация к зиме в субтропиках... Идея прогуляться оказалась неудачной, надо было возвращаться.

В беспорядке прибрежных улиц царил суевея бытовых мелочей: мелькали ставни и жалюзи, щеколды и домофоны; урчали выносные генераторы, капали кондиционеры, воняли мангалы и коптильни.

Казалось, путь до квартиры занял несколько часов. Дотянув до двора, я открыл калитку и замер от неожиданности.

Лика стояла у распахнутой двери в компании молодых людей. Шесть или семь высоких юношей, довольно легко одетых, выстроились полукругом и о чём-то оживлённо беседовали, перебивая друг друга. Очевидно, это были наши соседи. Все, как близнецы, тощие, широкоплечие, со впалой грудной клеткой. Они одновременно повернулись ко мне, и я с неприязнью отметил, насколько несимметричны их лица.

Лика приветливо помахала рукой. Моё состояние её вовсе не беспокоило.

– Ты быстро! У нас новые знакомые! – крикнула она и представила каждого.

Я пожал холодные руки, но имена тут же улетучились из головы. Не запомнил ни одного. Какого чёрта? Зачем она вообще с ними заговорила?

– ...любезно пригласили! – Лика завершила фразу, которую я тоже прослушал.

Юноши тоже что-то сказали.

Секундой позже мы вместе шагали в сторону проулка, соединяющего наши дворы. Лика тараторила без умолку.

Я чувствовал себя отвратительно и нелепо. Запоздалый муж с пакетом зелени и огурцов.

– Куда мы идём?

Лика проигнорировала вопрос.

– Боялась, что ты будешь против. Уверена, это интересно. В конце концов, всегда можем извиниться и тихонько уйти, – шепнула она.

Я собрался ответить и почти нашёл слова, но меня прервала мелодия – та, что слышалась вчера вечером за окном. Странные звуки одновременно напоминали и

мычание, и хлопки по басовым струнам.

Мелодия раздавалась из глубины соседнего двора, куда мы вскоре свернули. За беседкой, увитой тяжёлой виноградной лозой, на стыке двух старинных домов показалась низкая округлая арка над разбитой лестницей. Ступеньки вели вниз, в подвал. Издания, и арка, и лестница выглядели тысячелетними. Заплесневелые трещины покрывали серые стены и декоративные колонны. За пыльными окнами не было видно ни цветов, ни занавесок.

Дум-ту-та-тум... Дум-ту-та-тум... Мелодия зазвучала громче. Монотонный мотив повторялся.

У лестницы стояли ещё несколько юношей. С ними были и девушки, но спокойствия не прибавилось.

Лика и спутники уверено направились к подвалу.

– Постой, – я схватил её за руку. Звуки отдавались внутри черепа, как удары молотком по автомобильной крышке. – Мы не пойдём.

– Почему? – она смотрела невинными глазами, будто ничего не слышала. Будто ей не казалась странной наша компания, не вызывало подозрений приглашение неизвестно куда и даже моя паника не производили на неё впечатление.

– Брось, – Лика шутливо толкнула меня кулачком. – Посидим, послушаем. Будет скучно – уйдём. Не каждого приезжего с улицы позовут на...

– Куда?! – я не обращал внимания на удивление окружающих. – Куда позовут?! Ты сама-то понимаешь? Или я один такой?! Нет? Тогда в чём дело? Сложно нормально объяснить?!

– Не сложно... Да что с тобой? Послушай, это просто...

– Довольно!

Я резко развернулся, хлестанув пакетом по чьей-то ноге, и, не отпуская руку жены, быстро пошёл прочь от подвала, навязчивой мелодии и виноградной беседки.

Вечер прошёл в тишине. Мы просидели молча в разных углах комнаты. Лика – на краю кровати. Я – на неудобном стуле.

Она что-то листала в планшете, согнувшись пополам. Это всегда меня раздражало. Я пялился в книгу, но так и не добрался даже до середины страницы.

Головокружение и тошнота отступили. Я чувствовал себя гораздо лучше.

Ночью на Кау-литу обрушился ураган. Природа бушевала, как обезумевший цербер. Капли дождя с мелким градом шипели в бурлящих воздушных потоках, словно разъярённые змеи. Ветер бил в стену огромными кулаками, сгибал кипарисы почти до земли. Из щелей и вентиляции раздавался то дьявольский визг, то предсмертный волчий вой.

Я наглотался таблеток, лежал на кровати и наблюдал, как мечется в окне жёлтый фонарный свет. Гнев утих.

Идиотский день оставил неприятный осадок. Мы с Ликой, конечно, ругались раньше. Бывало всякое и на людях. Но к утру от ссор не оставалось следа – мы по умолчанию прощали друг друга и вели себя как ни в чём не бывало.

Лика лежала рядом, скинув тонкое одеяло. Её грудь едва заметно поднималась. Я протянул руку, чтобы прикоснуться к белой коже, но внезапно почувствовал, что мы в комнате не одни. Жёлтый свет прыгал по стенам, выхватывая из полумрака неровные прямоугольники

камней.

Нож по-прежнему лежал на стуле. Я пододвинулся к нему ближе. В комнате раздалось ритмичное мычание.

Мелодия зазвучала совсем близко. Справа и слева. Перед лицом и за спиной.

Дум-ту-та-тум... Там-там-ту-там-дум...

Глубокие настойчивые звуки заглушали вой ночного урагана и мягко били в низ живота. Вибрации исходили от стен.

Я присмотрелся. Ледяные мурашки побежали по коже.

Камни шевелились.

Они плавно изгибались в такт с мелодией. Вибрировали и трепетали. Чуть сморщивались, вытягивались и тут же выпирали из стен: каждый в своём неведомом танце. Они были будто послушны таинственной мелодии. Податливые грани, как тонкие мембраны, чувственно реагировали на необычные звуки.

Как зачарованный, я наблюдал за движением камней и не сразу заметил настолько невероятную перемену, что ужас на время уступил место удивлению.

Подвижная поверхность вытягивалась, съёживалась внутрь, постепенно раздвигая сморщенные края. Возникающие отверстия, до неприличия похожие на гигантские анусы, активно двигались. Они сжимались и раскрывались, приоткрывая внутри влажную бордовую плоть. Там, в горячих и мокрых утробах, шевелились короткие толстые языки.

Мелодия преобразилась – теперь камни подпевали, вторили неведомым позывным. Ужасающие беззубые отверстия-рты распахивались и изгибались, безобразно

копируя человеческие губы.

Я посмотрел на руки. Они были красные, словно омытые кровью.

Комнату заливал ярко-алый свет. Он врвался в окно, бритвой резал глаза. Это была сама мелодия, которая звучала, обливаясь пылающим красным цветом. Это пели огромные подвижные камни вокруг. Я крепко зажмурился и зажал уши. Слезы, будто крупные виноградины, выкатывались из-под век, а откуда-то издалека донёсся тонкий бессильный писк – мой крик. Крик тонкой нитью тянулся в комнату, которая оставалась где-то позади. Меня же стремительно уносила в пульсирующую бездну невыносимая, раскалённая докрасна мелодия...

Утро третьего дня было болезненным.

Горло адски саднило, будто в носоглотку насыпали толчёного стекла. Ночной кошмар отзывался в каждом суставе.

– Сраный ледниковый бут... – пробормотал я и разодрал сухую корку на глазах.

Лики рядом не оказалось, я лежал на кровати один.

В комнате гулял лютый холод. Входная дверь – открыта настежь.

Я с трудом сбросил ноги на пол, разыскал джинсы, натянул колючую куртку на голое тело. Обматерив комнату, камни, старика и всё, что попало под руку, добрался до двери.

Судя по солнечному пятну на бугристых тучах, было уже за полдень. Долго же я провалялся.

Двор устилали изодранные листья и ветки. Кипарисы стояли невредимые, а сырой воздух застыл как в стеклянной банке. От луж остались тёмные пятна.

Я знал, где искать.

В этот раз их было гораздо больше. Некоторые сгрудились возле виноградной беседки, некоторые стояли возле подвала. Кто-то сидел на ступеньках. Лика что-то взахлёб объясняла двум девушкам, таким же одинаковым, как и окружающие их молодые люди. Девушки смеялись, кивали в ответ.

Я подошёл.

— ...потом рассказывала, что видела кота, похожего на динозавра! — закончила Лика и девушки снова засмеялись.
— Привет, солнце! Проснулся сразу хмурый? У меня для тебя куча интересного. Кушать пойдём?

— Пойдём, — я кивнул.

Проходя мимо “соседей” я невольно опустил глаза и смотрел себе под ноги. Близость чужаков была настолько неприятна, что я готов был побежать. От отвращения сводило челюсть.

Лика поставила кастрюлю на газовую плитку и достала планшет.

— Пока ты вчера дулся, я кое-что узнала.

— Серьёзно?

Она не уловила сарказм.

— Да-да. У них тут клуб реконструкторов или типа того. Ребята увлечены историей родного края, изучают и воссоздают фрагменты культов, бывших здесь аж с дохристианских времён.

— Вот эти оборванцы?

— Прекращай. Я об этом читала давным-давно, но даже не предполагала, что всё происходило в Кау-лите! Что ты знаешь об Ифигении?

Боже, что она несёт? Что она несёт?! Я сдерживался

из последних сил.

– Ифигения? – я скрипнул зубами. – Это болезнь или насекомое?

– Древняя богиня! Дева, которой поклонялись племена тавров. Интереснейшая легенда. Хотя, если честно, в целую картинку она не складывается. Древние греки сообщают, что так звали царскую дочь, которую Артемида спасла от жертвенного огня и перенесла сюда, чтобы сделать своей жрицей. Тавры почитали её за верховную – а может и единственную – богиню. Всё весьма запутано, но летописи сходятся в одном – кровавые жертвоприношения. Странники, торговцы, застигнутые бурей моряки – любого у здешних берегов ждала смерть. Кровь проливала или сама жрица, или преданные поклонники. Жертвам разбивали головы, сбрасывали со скалы или отрубали части тела, чтобы потом украсить жилища...

Мелодия появилась, как и раньше, сперва чуть слышно. Я был готов и даже не вздрогнул.

– Интернет, конечно, бестолковая помойка – продолжала Лика. – Возможно, я опять что-то путаю... Но дальше совсем странно. Если рыть глубже, находятся источники, которые утверждают, что Ифигения – и есть сама Артемида. А если ещё глубже... Ты готов?

– Ага.

Мелодия звучала громко и отчётливо.

Лика увлечённо жестикулировала, пытаясь заболтать меня глупыми небылицами.

– По одной из версий, даруя жрице бессмертие, Артемида превратила её в богиню Гекату! Повелительницу мрака, ночи, ведьм и колдовства! Черноволосая и ужасная,

в окружении призрачных псов – эффектная дама. А быть может, здесь и до греков был культ кровавой Девы – богини преисподней. Культ, который позже пытались скрыть или заместить сказкой о некой Ифигении. Обалденная тема. Я скачала пару книжек... Почему ты так смотришь?

– Как смотрю?

– Что случилось? Ты сейчас очень злой...

– Правда? Злой?

Я резко вlepил открытой ладонью по её рукам. Планшет вылетел и звонко хрустнул о стену.

– Шибко умная? Ещё много чего прочитала?

Я сказал это совсем негромко, но Лика отпрянула и поблeднела.

– Какого хрена ты там второй день вьёшься? Прикормили? – я подошёл вплотную. – Присмотрела кого-то?

Вопросы действовали на неё как плевки. Остановиться я уже не мог. И не хотел. Камни за спиной начали подпевать.

– Слыхала поговорку: если сучка не захочет, кобель не вскочит? Про тебя, да?

– Не верю, что это ты...

Я ударил её коротко, без замаха. Кулак влетел между носом и верхней губой, буквально не встретив сопротивления. Голова дёрнулась назад, следом метнулись хрупкие плечи. Руки взлетели, словно пытаюсь ухватиться за воздух. Я рванулся вперёд, не понимая, чего во мне больше – ошеломляющего раскаяния и ужаса от сотворённого, или желания растоптать отлетевшую к стене Лику. Я хотел подхватить её, не дать упасть на жёсткий пол. И одновременно жаждал снова крушить окровавленное

лицо.

Красная мгла встретила меня, как волны горячего океана. Я врезался в багровую вязкую стену под оглушительный вой возбуждённых камней. Они трясли слюнявыми языками, жадно облизывали морщинистые отверстия. Я же захлёбывался кровавым илом и растворялся в забвении. Растворялся тяжело и мучительно, осознавая, что возвращение неизбежно.

Когда я очнулся, марево перед глазами осталось. Тёплый красный туман расплывался по комнате. Липкие капли оставляли на руках яркие неровные дорожки.

Уютное и приятное место. Чудесное, как лоно матери.

Настала пора его покинуть.

Я поднял на руки лёгкую, по-паучьи ломкую Лику. Она ровно дышала, но была без сознания. Камни волнами ёрзали в стенах. Жадно вздыхали и постанывали, когда я выносил её из злополучной квартиры.

Голоса стихли, когда я шёл по пустынному двору сквозь влажную пелену. Молчали, когда проходил между домами и огибал беседку, увитую виноградной лозой с красными листьями. И зазвучали вновь, когда спускался по скользким ступеням со своей невесомой ношей.

Сомнения ушли. Я знал совершенно точно – куда и зачем иду. Знал, что ждёт в конце пути. Знал, что встречу по дороге.

Ступени спускались под невысокую арку и терялись в тёмной глубине подземелья. Мгла сгущалась, но стены узкого коридора слабо мерцали алыми отблесками. Свет исходил от подвижных камней. Рты-анусы причмокивали и сопровождали нас тихим ворчанием. Они высовывали

шершавые языки и касались моих плеч, ласкали ступни и волосы Лики.

Я разобрал слова завораживающей песни. Это были имена. Многие я слышал впервые, но повторял дивные звуки нараспев вместе с камнями.

– Горго и Мормо, Астарта и Лилит, – шептали мы.

Капли кровавого тумана набухали на ресницах.

– Медея, Гекуба... Лимес и Никта... Великая Мать Геката...

Лестница закончилась, коридор по наклонной уходил в глубину. Стены поднялись выше, в боковых ответвлениях открылись сумрачные крипты и анфилады комнат. В проёмах, сквозь хлопья паутины, угадывались тёмные богомерзкие ниши, устланные человеческими костями и гниющей плотью.

В одной из ниш я увидел нагромождение тёмных досок, напоминавших разбитые старые гробы. На них в противоестественной позе лежал знакомый бородатый старик – хозяин квартиры. Его суставы и шея изогнулись, будто в ужасной агонии. Одежда была изодрана в клочья, а ноги чуть ниже колен заканчивались обрубками. Судя по раздроблённым костям и изжёванной плоти, его ступни отгрызло нечто злобное и неистовое.

На стенах виднелись отвратительного вида фрески, на которых сцены безудержных оргий соседствовали с невероятными в своей изощрённости пытками и убийствами – отрубленные головы и вырванные внутренности громоздились на пиршественных столах и под ногами танцующих сатиров и фавнов.

Каменные рты по-прежнему открывались, но внутри виднелись уже не языки. В поющих утробах мелькали чьи-

то искажённые лица и оголённые части тела. Из отверстий высовывались изящные женские руки, смеющиеся бородастые головы с изогнутыми рогами, ноги без кожи, собачьи хвосты и козлиные копыта.

Я догадывался, куда ведут эти рты-туннели. Словно полые гигантские черви, они извивались в холодной земле и поднимались к вершине холма. К старой церкви, до которой мы так и не дошли. К величественному древнему храму, который некогда возвышался на Чёрной горке, но давно был разрушен людьми и временем. Низвергнутый и уничтоженный, он всё же незримо присутствовал, питаясь миазмами могильника на дне моря. Осквернённая земля, пропитанная кровью сотен тысяч жертв и зловонием тёмного колдовства, охотно делилась слезами, страданием и ужасом. Я медленно шёл по мерцающему алому коридору, не обращая внимания на каменные осколки под ногами.

Создания ночи выбирались из нор в стенах и следовали рядом. Юноши и девушки извивались в бесноватом танце, заламывали тощие руки, хохотали, визжали, стонали, блеяли и рыдали, заглушая песнь камней. Несимметричные лица призывно гримасничали, а обнажённые тела неестественно складывались и выворачивались. Выкрикивая кошмарные имена, они испражнялись, совокуплялись, падали и шли по головам собратьев.

От грохота и воплей я временами терял слух. Крики многократно отражались эхом от невидимых в темноте стен.

Свод подземелья исчез из виду, когда мы вышли на берег озера. Мутные воды неподвижно застыли, но воздух над поверхностью колыхался. Красный туман

подхватил безумный танец окружавших нас существ и продолжил его над озером. Окровавленные призраки танцевали над чёрной бездной, крича и содрогаясь вместе с отвратительной процессией.

У самой воды возвышался алтарь.

Прямоугольный монолит походил на надгробие древнего гиганта. Его поверхность покрывали следы от множества ударов – топоры и мечи тысячелетиями рубили на нём человеческую плоть.

Я осторожно положил Лику на изуродованное жертвенными клинками холодное ложе и снял с неё всю одежду.

Она выглядела совсем маленькой. Хрупкие руки-веточки и белая полупрозрачная кожа – ненужная кукла на дне мусорного контейнера.

Я невольно залюбовался её тонкими губами. Верхняя треснула ровно посередине и припухла, словно после страстного и жестокого поцелуя. Кровь покрывала бледные щёки. Она всё ещё была без сознания.

Я опустил глаза и увидел, что сжимаю в руке большой кухонный нож.

Гвалт вокруг достиг апогея. Существа и камни надрывались изо всех сил. Чёрная поверхность озера за алтарём дрогнула. Из воды поднялось невероятное существо. Оно походило бы на обнажённую женщину, если бы не собачьи лапы вместо человеческих конечностей, гигантский рост и отталкивающий фосфоресцирующий свет, изливающийся от её безобразного тела. Вытянутое лицо напоминало оскаленную морду. Обильная слюна стекала на высокую грудь, которая в других обстоятельствах казалась бы роскошной. Острые возбуждённые соски

и неприкрытое лоно вызвали во мне волну звериного возбуждения.

Тварь замерла перед алтарём, раскачиваясь и содрокаясь от нетерпения.

Теперь все ждали только меня.

Я перехватил нож обеими руками, взмахнул и с силой вонзил в тело жены. Лезвие скрипнуло по груди, удар смял рёбра как пустую картонную коробку. Внутри изуродованной плоти что-то глухо забурлило. Лица распахнула глаза и, захрипев, выгнулась дугой. Кровь брызнула на брюхо светящегося чудовища, на каменный алтарь, на моё лицо.

Глаза обожгло огнём, я отшатнулся. Тут же раздался гром, заглушивший хохот и неистовое пение.

Стены и пол задрожали. Пыль, булыжники и комья земли посыпались мне на плечи. Я обернулся в сторону фосфоресцирующей твари, но потерял равновесие. Подземелье вздрагивало, камни били по голове, срывая куски кожи. Город над нами терял опору и рушился в воды озера. Я закрылся руками, но очередная глыба — неимоверно тяжёлая и разрушительная — сбила меня с ног и вдавила в плиты подземной набережной. Тьма стала непроглядной, а спасительная тишина поглотила безумный карнавал. Во мраке Тартара сгнули и озеро, и алтарь, и толпы нечисти.

Меня вернул к жизни звонкий треск. Это дребезжала блёклая люминесцентная лампа. Лампа истерично моргала, вспышки озаряли пыльный захламлённый подвал. Вдоль стен вросли в землю деревянные ящики, валялся ржавый инструмент и пачки рекламных газет. От серых труб веяло холодом. В воздухе стоял тяжёлый запах плесени.

Я попытался встать, отрывая руки от липкого, залитого кровью пола.

Лица лежала возле рулона старой ветоши, свернувшись в позу эмбриона. Она что-то сжимала у себя на груди, словно хотела скрыть от посторонних глаз.

Я осмотрелся.

К входной подвальной двери поднималось несколько ступенек. Дверь была открыта. В проёме виднелась беседка, увитая тяжёлой виноградной лозой.

Владимир Чубуков

ТЕНЬ МОЕГО БРАТА

Честно скажу, не было у меня никаких чувств на похоронах брата. Равнодушие. Скука. Вот и всё. Даже удивился собственному спокойствию. Да и то — удивился тоже как-то равнодушно.

Мы были с ним близнецами. Впрочем, что там «были» — и теперь продолжали оставаться ими. Близнец живой, близнец мёртвый. Одно лицо на двоих. В характерах никакого сходства, зато внешне нас не различить.

Смотрю на него, в гробу лежащего, и вижу там себя самого. Жутковато — точнее, должно быть жутковато. Но я спокоен. Возможно, моё спокойствие — защитная реакция, маскировка, и под ней я спрятался от жути, которой надлежало меня охватить при взгляде на это мёртвое точь-в-точь моё лицо.

Одна из причин, по которой я сторонился Игоря, как раз в том, что слишком уж мы с ним похожи. Будь мы рядом, нас обязательно путали бы, а брат человек такой, что не преминул бы использовать это сходство для своей выгоды. Вечно затевал какие-то аферы, манипулировал окружающими, строил мутные планы, влипал в ситуации, из которых потом с трудом выкручивался, в общем, ходил по краю.

Я с детства любил читать: сначала сказки, потом фантастику, потом мистику, ну, и классику, само собой, лет с пятнадцати зачитывался поэзией, особенно, декадентами и символистами. Брат же не читал ничего, кроме справочников и руководств, да и тех прошло через

его руки совсем немного. Особенно ценил здоровенный увесистый том медицинской энциклопедии, хотя призвания к медицине не чувствовал, энциклопедия увлекала его, прежде всего, описаниями всевозможных патологий.

Когда я ушёл в армию, брат отмазался от призыва, мастерски симулировав заковыристое нервное расстройство, симптомы которого вычитал в медицинской энциклопедии, а потом в точности воспроизводил их перед врачами.

Я родился на несколько минут раньше — был формально старший, и родители внушали нам, что старший — я, а младший — он. Усвойте и не забывайте. Простая схема, которая была для них так важна. Отец ведь любил всё раскладывать по полочкам, строить всех по ранжиру. Иначе и не мог смотреть на мир, как только через сетку координат, определявших точные фокусные расстояния до всякого предмета и явления. Мать, конечно, во всём его поддерживала.

Но постепенно я, старший брат, осознал, что Игорь не потому вслед за мной явился на свет, что был младше. Нет, он пропустил меня вперёд, до времени затаившись и выжидая. Как сильные и властные запускают в опасное пространство, прежде всего, более слабого и малоценного, кого не жалко. Такое ощущение подспудно вызревало у меня годами, проведёнными с ним бок о бок.

Вернувшись из армии и устроившись на работу в сюрвейерскую компанию, я тут же съехал от родителей, оставив их с Игорем в трёхкомнатной квартире. Тогда, во второй половине девяностых, в сюрвейерских компаниях прилично зарабатывали даже простые тальмана. Так что жил безбедно, к тому же через несколько лет из тальмана

стал инспектором, хотя не имел высшего образования.

Отец меня искренне не понял, ему казалось, это так непрактично — платить за съёмное жильё, когда в родительском гнезде пустует твоя комната, отдельная, в которой можно, если что, и на ключ запереться, этакая «мой дом — моя крепость». Отец всё-таки плохо знал Игоря, поэтому не понимал моих мотивов.

Уже с четырнадцати лет я мечтал сбежать подальше от брата — особенно, после истории со стариком-инвалидом.

Странная история. Жуткая. В такое вляпавшись однажды, потом дорого захочешь заплатить, лишь бы вытравить всё это из памяти.

Мы тогда учились в восьмом классе. Игорь как-то рассказал мне про старика-инвалида, Гурия Глебыча, который жил в одном доме с парнем из нашего класса, Колей Увельцевым, этим угрюмым, себе на уме, толстяком. Кольян — так мы звали его — был в нашем классе новичок, его семья переехала из одного района города в другой, из квартиры в частный дом, и он поменял школу. Рассказал Игорю, что в старом его доме, через подъезд от бывшей его квартиры, живёт на втором этаже одинокий старик, лежащий инвалид. С постели давно не вставал, ходить не мог, однако в дом престарелых не желал отправляться ни в какую. Ему и так хорошо было. А всё потому, что старик, рассказывал Кольян, бывший врач-психиатр, который занялся колдовством или чем-то вроде того и получил власть над людьми. Гипноз и магия заменили ему руки и ноги, почти отказавшие из-за паралича. Входная дверь в квартиру старика постоянно открыта, даже зимой, и кровать его так стоит, что из своей комнаты он видит, через прихожую, часть лестничной площадки, поэтому все, кто

проходят по ней, спускаясь или поднимаясь, попадают в его поле зрения. А попавшись ему на глаза, попадают и под его власть. Пользуясь непонятной властью, старик заставляет свои жертвы оказывать ему всякие услуги. Так и живёт — словно паук, раскинувший паутину и собирающий мух вокруг себя.

Пересказав, что поведал ему Кольян, Игорь уговорил меня отправиться вместе с ним к этому старику. Посмотреть на него — как на диковинного зверя в зоопарке.

Мы поехали на другой конец города, нашли нужный дом и подъезд. Только вошли в него, как Игорь сказал мне, что надо провести эксперимент: пусть я сниму свой крестик и отдам ему, так чтобы на нём два креста висели, а на мне ни одного. Это, мол, для того, чтобы проверить и сравнить, как сильно магия с гипнозом будут действовать на человека без креста и на человека с двумя крестами. Научное, а скорее, псевдонаучное любопытство часто заводило Игоря в какие-то дебри.

Короче, отдал я крестик, и начали мы подниматься.

На втором этаже одна из дверей была открыта. Я шёл первым и перед дверью оказался тоже первым. Замешкался. Но Игорь подтолкнул меня в спину, я переступил порог.

Короткая прихожая сворачивала вправо, на кухню, а по прямой упиралась в дверь, ведущую в комнату, тоже открытую, как и входная. Оттуда, и впрямь, можно было наблюдать за лестничной площадкой, если лежишь в комнате, на кровати, напротив открытой двери. Но лежал ли там кто-то, смотрел ли на нас, было не ясно. Дверной проём, ведущий в комнату, заполняла темнота. Видимо, там плотно зашторены окна, поэтому и темно.

— Проходи, — Игорь шепнул мне в затылок, и я

вошёл в темноту.

Когда глаза начали привыкать, то в сером сумраке, сочившемся из прихожей — пусть не свет, однако светлее той темени, что заполнила комнату, — я различил кровать, она стояла у стены напротив двери, но человек ли лежал на ней или только груды смятого белья, этого уже не определить.

Игорь, толкая в спину, дал мне понять, чтобы я шёл направо вдоль стены, в дальнюю от кровати сторону комнаты, где должен быть выход на балкон. Мы осторожно двинулись туда, стараясь не шуметь.

Я думал, сейчас дойдём до шторы, которой закрыты окно и балконная дверь, тогда штору можно будет отодвинуть, пропустив с улицы немного света. Но там, куда мы пришли, нас ждала глухая стена. И такого не должно было быть. Дом — обычная хрущёвка-пятиэтажка, простая и понятная, и в той стене, к которой мы подобрались в темноте, обязательно полагалось быть выходу на балкон. Однако его не было.

Неужели мы заблудились в трёх соснах простейшей квартирной планировки? Или выход на балкон замурован?

— Ребятки, — раздался в темноте старческий голос, — как хорошо, что вы зашли! Уважили дедушку. А то скучно ему одному.

Чуть дребезжащий, с хрипотцой, этот голос звучал немного наигранно, словно говорил не обычный старик, но актёр, профессионально имитирующий старческую простоту.

— Вы не стесняйтесь, вы же в гости пришли, а не для чего-нибудь дурного. Правильно же дедушка догадался? Правильно, правильно! Дедушка догадливый. Такие

хорошие ребята, как вы, редко к нему заходят, поэтому для дедушки всегда праздник видеть молодых да юных. Вы не подумайте, что, ежели темно, то дедушка вас и рассмотреть не может. Может, может! Он даже больше видит, чем вы при свете способны увидеть. Дедушка-то у нас глазастый! Вы только не бойтесь, ребятки. Олежка, мальчик мой, ты чего дрожишь?

В тот самый миг, как старик назвал меня по имени, я внезапно и начал дрожать, словно бы в его вопросе «чего дрожишь?» заключался приказ, активирующий дрожь в моём теле.

— Что ты, родненький, а? — продолжал старик. — Неужели тебе страх нравится? Ну, раз нравится, то дело хозяйское — бойся. Чего уж!

От этих слов меня охватил страх. Избавиться от него, стряхнуть с себя, как налипшую паутину, не было никакой возможности. Какие-то мертвецки холодные губы присосались к сердцу. Я прислонился спиной к стене, ноги подогнулись, я сполз вниз, сел на пол и дрожащими руками обнял свои колени. Пришла мысль, что мы в ловушке. Точнее, не мы — про Игоря в тот момент я и не думал, — а я в ловушке, я.

— А ты, мальчик, тебя-то как звать? — старик обращался уже не ко мне, к Игорю, и странно, что сам не смог назвать его имя, как назвал моё.

— Олег. Я тоже Олег, — соврал Игорь; голос его звучал спокойно, без суеты, без паники.

— Так-так-так, — произнёс старик задумчиво. — Олег и Олег... Ну что ж, ребятки, Олежки мои, раз пришли дедушку проведать, то вот вам и задание. У дедушки живность всякая развелась. Наверное, что-то сдохло под

кроватью. Пауки, сороконожки, тараканы, крысы и ещё не пойми что. Вы уж поймите, сколько сможете, а дедушка вам за это спасибо скажет. А чтоб вам сподручнее ловить было, дедушка вам разрешит в темноте видеть. Оп!

И тут же, после «оп», я прозрел. Темнота не рассеялась, но сквозь неё стало видно всё вокруг. Пустая комната: ни мебели, ни предметов, не было даже обоев на стенах. Лишь кровать, и на ней старик. Глянув в другую сторону, я увидел, что точно не было никаких окна и балконной двери там, где им полагалось быть, только голая ровная стена, зато в противоположной стене, возле которой стояла кровать, имелась дверь в смежную комнату, чуть приоткрытая. Мне показалось, что за той дверью кто-то стоит и наблюдает за нами из темноты, которая чернее и гуще, чем темнота здесь, в этой комнате. Оттуда, из-за двери, словно какой-то ядовитый газ, выползал страх. Я почти видел его дымчатые локоны, и это был совсем не тот страх, что заставил меня дрожать после слов старика о страхе. Мой страх был простой и человеческий, а из щели в смежную комнату выползал страх необъяснимый, более жуткий, более кошмарный, словно дыхание какого-то запредельного чудовища, парализующее всех вблизи него.

Сразу я не придал значения тому, что увидел, но осознал задним числом: не было двери в прихожую, через которую мы вошли в комнату. Дверь исчезла, на её месте была глухая стена. Комната замкнулась, единственный выход из неё вёл в страшную смежную комнату.

А на полу кишела живность. Бегало, ползало, шуршало, извивалось, жрало друг друга суетливое скопище мелких уродливых тварей.

— Ну что ж вы, Олежки мои, смелее, — подбодрил

старик. — Ловите подлецов, чтоб им не повадно было. На коленки встаньте, так сподручней будет, и ловите.

Я послушно встал на четвереньки, пополз по полу. Противиться приказу не мог и не хотел. Оглянулся на Игоря — тот отделился от стены, губы чуть тронуты полуулыбкой, и двинулся к двери в смежную комнату. Приоткрыл её пошире, скользнул в щель и пропал в густой смолистой тьме. Я тут же потерял к брату интерес, меня привлекала живность, метавшаяся по полу.

Поймав здоровенную сороконожку, я вопросительно глянул на старика; тот молча улыбнулся, и я понял, что мне делать. Не задумываясь и не колеблясь, съел эту извивавшуюся тварь. Именно этого ждал от меня старик, и обмануть его ожидания было никак нельзя. Сороконожка, плохо прожёванная и проглоченная, продолжала извиваться внутри меня. Впервые в жизни я ел что-то живое, сопротивлявшееся пожиранию, и понял, как много потерял, не пробуя раньше глотать кого-то живьём. Было в этом странное волнующее удовольствие.

Ползая по полу, я с мрачным азартом хищника хватал всё, до чего мог дотянуться, и тут же впивался зубами в боровшиеся за жизнь мелкие существа. Они кусали и жалили меня в язык, в губы, в нёбо, в изнанку щёк, но меня это только распаляло, ведь если пища сопротивляется едоку, то — пришла мысль — это словно бы изысканная приправа к блюду. Борьба, ярость, ужас и отчаяние жертвы — всё это приности и специи своего рода.

Вспоминая об этом позднее, когда отрезвился от наваждения, я решил, что никакой живности, на самом деле, не было, что я ловил и глотал собственные галлюцинации, а все многочисленные ранки на губах, языке и в ротовой

полости возникли вследствие гипнотического внушения, столь сильного, что из области психики оно сумело дать метастазы в соматику.

Помнить об этом и думать, что я действительно хватал руками и запихивал в рот пауков, сороконожек, земляных тараканов, жуков, лягушек, слизней, крыс, — было бы невыносимо. Кроме того, одно из существ, пойманных мною в той комнате, уж точно не могло быть реальным.

Это был маленький, полтора десятка сантиметров ростом, человечек. Я схватил его, обнажённого, испуганного, извивающегося, и поднёс к лицу. Человечек смотрел на меня с ужасом. Я чувствовал, как под моим пальцем, прижавшим его грудную клетку, колотится его маленькое сердце.

Присмотревшись, я понял, что держу в руке уменьшенную копию себя. То, что человечек был похож не только на меня, но и на Игоря, в тот момент я не подумал, о брате я тогда просто забыл.

Ужас маленького существа передавался мне и возбуждал меня. Такое сладостное ощущение. Я оскалился, наблюдая, как мой оскал, внушает человечку сильнейший ужас, зубами впился ему в руку и отгрыз её. Он закричал от боли, я же почувствовал, как по моей руке, свободной в тот момент, ползёт онемение, а моё тело раскалённой иглой пронзает жуть, такая осязаемая, нервно-кровяная, словно то был не психологический аффект, а чисто телесное явление, вроде жжения или зуда.

Отгрызая человечку руки и ноги, я чувствовал, словно в меня самого впиваются какие-то огромные челюсти, выползшие из крошечной тьмы.

У четвертованного, но ещё живого тельца, я отгрыз сперва нижнюю часть, под грудную клетку. Искалеченный обрубок человечка продолжал жить. Затем верхнюю половину его проглотил целиком, слыша, как слабый крик, скорее хрип, проваливается в глубину моего тела.

Одновременно мне показалось, что пол уходит из-под ног, и я сам проваливаюсь в страшную глотку пустоты, словно бы измельчаемый в падении острыми зубцами и колёсами разверстого ужаса. Тьма всасывала меня в себя, и, чем глубже я осыпался в неё, измельчённый, фрагментированный, но всё ещё мыслящий, тем черней она становилась, словно за крайней чернотой раскрываются какие-то более чёрные — глубинные — уровни тьмы.

Как выбрался из квартиры старика, я не помнил. Было лишь ощущение, что квартира выплюнула меня, будто скорлупку от семечки. Кое-как я спустился по ступенькам, норовившим выскользнуть из-под ног, и, пошатываясь, вышел, во двор.

В небе разлился мрак позднего вечера.

Когда вернулся домой, оказалось, Игорь давно уж там. Как ни в чём не бывало, спросил меня, где я шлялся? Отвечать не стал. Мать разогрела мне остатки ужина. Но я смотреть не мог на еду, к горлу подкатывали рвотные спазмы.

А недели две-три спустя Кольян открыл мне кое-что.

Игорь ведь умолчал о тех инструкциях, которые получил от Кольяна. Откуда сам Кольян всё это взял, я не спрашивал. Короче, Кольян на что-то обменял Игорю магический амулет, выточенный из дерева, который следовало повесить на шею перед тем, как входить в квартиру старика. Этот амулет был якобы проверенным

средством, защищал от гипноза, а возможно и от магии, если старик и впрямь ею пользовался; защита не позволяла чужой воле овладеть тем, кто носил амулет на себе. Только нательный крестик, если был, обязательно следовало снять и положить себе в обувь, под пятку.

Похоже, Игорь сделал так не только со своим крестиком, но и с моим. Когда я поднимался по лестнице спиной к Игорю, у него была возможность незаметно вложить полученный от меня крестик себе в кроссовок. Могу представить, как поджаривался Игорь на жгучем желании проверить, что случится в квартире старика с ним, защищённым с помощью амулета, и со мной, лишённым всякой защиты.

Когда я припёр брата к стене, потребовав честно рассказать, как всё было, Игорь ответил, что ни в какую квартиру к старику мы не входили — «Неужели, не помнишь?» — но, поднявшись на этаж, увидели, что там заперты все двери. Тогда Игорь ушёл на троллейбусную остановку, а я, дескать, сказал, что зачем-то задержусь.

Говорил Игорь с такой искренностью, что хотелось ему верить, но я-то ведь помнил... Впрочем, сказанное Игорем звучало правдоподобно, мои же воспоминания были каким-то бредом.

— Я видел, как ты входил в ту комнату, ну, во вторую комнату. Что там было? — допытывался я.

— Дурак, что ли? Я тебе говорю, никуда я не входил. Какая, нафиг, вторая комната?! Я и в первой-то не был. У тебя, походу, крыша сдвинулась.

В итоге, я оставил Игоря в покое. Подумал, может, я, и правда, помню то, чего не было? Или же Игорь, войдя во вторую комнату, столкнулся там с чем-то таким, о чём

настолько не желает говорить, что теперь отрицает даже и то, что, вообще, заходил в ту квартиру.

Крестик я, кстати, потом нашёл у себя в комнате на полу.

После этого случая доверять Игорю я перестал. И сам Игорь как-то странно изменился: взгляд потяжелел, ухмылка стала более желчной, в общении часто затормаживался, словно думал о чём-то своём, невыносимо долго тянул с ответами, когда его спрашивали, вообще, стал как-то мрачно рассеян.

В армии я почувствовал, как же это хорошо, когда нигде рядом не маячит даже тень моего брата. И потом, съехав на съёмную квартиру, я вздохнул с таким облегчением, словно с головы моей сняли целлофановый мешок, в котором задышался годами.

Пятнадцать лет дышал свободно. Успел и жениться, и развестись. Детей, правда, не завёл. Сменил работу, из своей сюрвейерской компании ушёл в другую компанию, занимавшуюся контейнерными перевозками, где зарплата повыше.

И вот, позвонил отец, сказал, что Игорь мёртв.

Убили его, подумал я, или же он сам себя прикончил? Оказалось — второе. Меня это ничуть не удивило. Самоубийство Игорю шло. Такой патологичный любитель экспериментов, как он, пожалуй, мог прикончить себя из любопытства, ради опыта. Игорь, когда впадал в экспериментаторский раж, делался просто одержимым.

Хоронили его без церковного отпевания, свечей и молитв. Самоубийц ведь, даже крещённых, не отпевают. Есть, правда, какие-то исключения на этот счёт, только к Игорю они не относились.

Он вспорол себе живот остро заточенным кухонным тесаком. Не из самурайских соображений — японской культурой брат не увлекался, — а чёрт знает из какой прихоти. Его нашли уткнувшимся лицом в собственные изгрызенные кишки. Умиравший, он занимался самопожиранием.

И делал это в бывшей моей комнате; родители всегда держали её приготовленной к моему возможному возвращению, надеяться на которое не переставали.

Когда отец рассказал мне всё это, я сразу подумал, что Игорь вовсе не спятил, как решили родители, но, наверняка, совершал какой-то магический ритуал.

В школе Игорь увлёкся магией, читал распечатки с какими-то оккультными инструкциями, которые дал ему Увельцев, но потом пришёл к убеждению, что магические ритуалы следует изобретать самому, с нуля, а не пользоваться чужими схемами. Не знаю, насколько продвинулся он в самопальной магии, на эту тему брат со мной не откровенничал. К тому же на отношениях наших как раз тогда и выступил иней. Но я почему-то был уверен, что вспоротый живот и пожирание собственных внутренностей — это ритуал или часть ритуала, изобретённого Игорем для только ему ведомых целей. Просто так, без расчёта на результат, на отдачу, брат никогда ничего не делал.

В гробу он лежал красавцем: спокойный, благообразный. Как раз про таких покойников и говорят: «Словно спит». До жути похожий на меня. Мама на похоронах пару раз назвала меня Игорем, не заметив ошибки. Быть может, в её пошатнувшемся сознании что-то перевернулось, и она сочла мёртвым не того сына?

Я переехал к родителям, чтобы поддержать их после похорон. Сказал себе, что переезжаю временно. Но подспудно шевельнулось предчувствие, что, скорей всего, больше не вырвусь от них.

Выбирал, какую комнату занять — мою или брата? Впрочем, теперь обе комнаты стали его: в одной он жил, в другой устроил этот кошмарный суицидальный акт. И там, и там оставил след, только след смертельный был, конечно, глубже. В итоге, я перетащил мебель из одной комнаты в другую, и со своей старой мебелью обосновался в бывшей комнате брата.

* * *

Отец рассказал, что Игорь, жениться принципиально не желавший, за все эти годы, что мы жили врозь, сменил множество подружек, со счёта можно сбиться, но последняя из них была особенной. Марина. Она единственная, которая забеременела от Игоря.

— Родила? — спросил я, взволновавшись; неужели, подумал, у меня теперь есть племянник или племянница...

— Нет, — отец покачал головой, — аборт сделала.

Закурил. Пальцы его, державшие сигарету, чиркающие спичкой о коробок, заметно подрагивали.

— И, ты понимаешь, — процедил зло, — она ведь хотела родить, но Игорь... Этот говнюк заставил её аборт сделать. Правильно, потому она и на похороны не пришла, возненавидела его. Младше Игоря на двенадцать... представь только, на двенадцать лет! И как же он этой девчонке сломал жизнь! Ты бы её видел, эту Маринку. Мечтательница, фантазёрка, глазищи на пол-лица, дюймовочка такая... Чёрт! Знал бы — прибил бы говнюка

своими руками. Он мне потом сам всё рассказал. Рассказывал и наслаждался эффектом. Я тогда еле сдержался, чтобы не врезать ему по наглой морде. А он видел, что я закипаю, и, представляешь, ухмылялся. Нравилось ему за нитки меня дёргать. Сказал, что предложил Маринке повеситься. Вот как это?! Подталкивал её, подлец. Слава Богу, она удержалась.

Ну и ну! Отцовский рассказ меня просто придавил, как бетонная плита.

Обязательно, подумал я, встречусь с этой Мариной.

Отец дал номер её телефона. Я позвонил, объяснил, что я брат Игоря, что хочу встретиться и просто поговорить. Она согласилась.

Договорились о встрече в кафе «Абрикос», я сказал, что узнать меня будет легко, потому что я вылитый Игорь, так что пусть заранее приготовится увидеть *его* лицо, только пугаться и смущаться не надо.

* * *

Она всё-таки испугалась. Кожа на лице как-то вмиг потемнела, у глаз обозначились тёмные круги, которых не было за секунду до того. Удивительная перемена. Словно к 3D-модели применили какой-то компьютерный спецэффект.

Хорошо, хоть не убежала, но подошла к столику, за которым я сидел. Напряжённая, как натянутая струна. Проведи по ней смычком, подумалось мне, и тут же по воздуху разольётся тягучий, мрачный виолончельный скрип и стон, чёрный, будто нефтяное пятно, ползущее по воде.

Поднялся ей навстречу. Стул для неё отодвинул. К

ней самой не прикасался. Боялся, что она не перенесёт прикосновения и выбежит вон.

Марина не отказалась от вина, и это было хорошо, потому что вскоре от выпитого расслабилась, и мы спокойно поговорили.

Я рассказывал про свои отношения с Игорем, она рассказывала про свои.

Действительно, Игорь заставил её сделать аборт. Надавил так, что сопротивляться было невозможно. Наговорил едких гадостей, в придачу сказал, что у такого подлеца, как он, и ребёнок будет подлец, и, если она всё-таки родит, он обязательно постарается, чтобы сын (почему-то был уверен, что именно сын) люто возненавидел свою мать.

— Вы знаете, Олег, у меня было такое чувство, будто на моих глазах Игорь вдруг превратился в какое-то омерзительное существо, в подколодную гадину, в безобразное насекомое. Только что был человек — и вдруг что-то извивается, что-то кишит перед тобой, как тухлятина какая-то, полная червей. Это было неожиданно. И так противоестественно. Я ещё подумала тогда, что ведь ношу в себе частицу вот этой самой мерзости, которая сейчас выворачивает себя наизнанку предо мною.

Она, и впрямь, была *дюймовочкой*, как выразился отец. Только в глазах этой миниатюрной сказочной куколки застыла такая глубинная боль, что невольно становилось стыдно за собственное беспечное существование.

* * *

Ночью, после этой встречи, мне приснился сон, до того кошмарный, что, вырвавшись из его липкой трясины,

я лежал, мокрый от пота, хватая воздух ртом, будто рыба на берегу.

Снилось, что я — Игорь. Что мы с Мариной в каком-то незнакомом доме. Похоже, дача в посёлке. И мы — любовники. Над нашей постелью окно с охристой шторой, цветок в горшке на подоконнике. Ласкаем друг друга, быстро впадая в неистовство. И когда я лихорадочно вхожу в Марину, когда лезвие острейшего наслаждения уже испарывает меня, лицо Марины, обезображенное внезапным ужасом, словно бы проваливается вглубь себя, как в зыбучий песок, обезличивается, растрачивая свои характерные черты, и затем превращается в моё лицо, точнее, в лицо брата. Он облизывает губы, словно бы только что сожрал Марину и наслаждается послевкусием. Длинный, будто змеиный, язык, просунувшись наружу, медленным круговым движением облизывает его лицо, от подбородка до лба и снова до подбородка. Кожа на лице, тонкая как папиросная бумага, липнет к языку, сползает с лица, обнажая что-то чёрное, нечеловеческое, кошмарное.

В этот миг я и проснулся, заметив — или то был последний обрывок сна? — как с моей кровати бесшумно вскакивает тёмная человеческая фигура и сливается с густой тенью в дальнем конце комнаты.

Лежал, тяжело дыша, всматриваясь в темноту, особенно плотную в том углу, где шкаф примыкает к стене, а рядом на крючках висят мои куртка и джинсы. Нет, конечно: мне померещилось, что там кто-то затаился. Сон, всё сон.

Мобильник на тумбочке рядом с кроватью завибрировал, его экран загорелся. Я успел нажать кнопку приёма, пока не включилась мелодия вызова. Голос

Марины — неуверенный, запинаящийся — донёсся из динамика:

— Олег, только извини... Поздно, да? Но... Я тебя не разбудила?

— Нет. У меня сон дурацкий был, страшный. Проснулся, и как раз ты звонишь.

Зачем, спрашивается, я рассказываю про сон? Ещё бы рассказал, *что* именно мне снилось! Я почему-то обиделся и разозлился на самого себя. Эмоции застигнутого врасплох человека бывают иногда очень нелепы.

— Понимаешь, Олег, мне нужно тебе рассказать ещё... что-то. Я не могла глаза в глаза. Да и вообще, думала, лучше не рассказывать такое. Но... ты должен знать. Только давай договоримся. Расскажу, и после этого ты не будешь звонить, и встречаться мы не будем. Я просто не вынесу, если потом посмотрю тебе в глаза, зная, что тебе всё это известно. И ты... ты, пожалуйста, никому об этом не говори, родителям своим не говори. Обещай мне.

— Хорошо.

— Нет, ты обещай. Я серьёзно.

— Обещаю. Так что там?

— Когда... Игорь на аборт меня отвёл... он договорился... чтобы ему отдали... остатки... останки...

Каждая новая пауза в её речи была мучительнее предыдущей, я почти слышал, как в паузах звенит напряжённая тишина, и, наконец, что-то в той тишине лопнуло и оборвалось. Марина начала рыдать.

Я не утешал её, не говорил успокоительных банальностей. Да и что сказать? Пусть плачет. Глотать слёзы для неё сейчас лучше, чем выслушивать фальшивые и необязательные слова. Всё равно ведь настоящего

сочувствия, которое, действительно, могло бы облегчить душевную боль, у меня для неё нет, и этого мне никак не выдавить из себя, а вежливость в таких ситуациях — плохое лекарство. Поэтому я просто молчал и ждал.

Наконец, она продолжила:

— Мы поехали... после аборта... на дачу родителей моих, в Раевку. Игорь взял с собой останки. Я думала, он похоронить хочет. А он... сказал мне: «Давай съедим это». Тогда я поняла, что он безумен. Уговаривал меня, уверял, что это почему-то важно и нужно — съесть младенца. Я сказала, чтобы он ко мне даже не приближался... с этим. И тогда... он тогда съел... всё это у меня на глазах. Прямо так, сырым. Как зверь. Это было страшно. Это было... как во сне. Он вгрызался, глаза блестели, текла кровь по подбородку, капала на грудь. И от него исходил такой ужас... То, как он смотрел... на останки... Это какое-то запредельное зверство, что-то совсем античеловеческое. Сумерки уже начинались. Мне мерещилось что-то страшное во дворе, словно лезло к нам, словно что-то заползало. Какие-то незаметные твари, туманные чёрные силуэты. Потом Игорь начал мне говорить, что в каждом предмете кроется страх, но не всякому дано познать страх предмета. Нужно найти свой предмет. Личный. Который откроется тебе, потому что для тебя он предназначен. А как найдёшь, постарайся выделить его страх, извлечь, выманить наружу. Чтобы чувствовать, как потоки страха, вытекая из предмета, тебя накрывают, на тебя наплзают. Как удушливое покрывало. И он сказал, что для него такой предмет — это я. Что я полна страха, скрытого, липкого, чёрного, ядовитого, горького, но сама об этом не знаю. И никто не знает. Этот страх дано познать и вывести только ему, потому что я

существую в этом мире как его личный предмет. Его ключ от дверей, ведущих в глубины. И то, что мы с тобой убили ребёнка — он так и сказал: «мы с тобой», — это только поможет открыть дверь. Он заставил меня сидеть на полу, а сам ползал вокруг, будто огромное насекомое, алчно как-то рассматривал меня со всех сторон, бормотал и шептал себе под нос какие-то молитвы или заклинания. Слов не разобрать. Потом вдруг засмеялся. У меня от этого смеха мурашки поползли. Мне казалось, Игорь сейчас кинется на меня, вопьётся в меня зубами. Кинется не как человек, а как насекомое, как паук огромный или клещ. Меня тогда парализовало от жути. Я... ну, я обмочилась. Извини, что про это говорю. А он лакал с пола мою мочу, вылизывал её языком. Так мерзко! Потом оцепенел, глядя на меня. Застыл, стоя на четвереньках. Долго смотрел. Каким-то — не знаю — загробным взглядом. И его накрыл страх. Лицо исказилось, задрожали губы, зубы начали стучать, кожа побледнела, стала землистой. Он, как в лихорадке, отползал прочь от меня, но взгляда всё не отрывал. Пятился, дрожал всем телом. А мне передавался его страх. Игорь отполз к стене, вжался в неё и так смотрел на меня... так... и глаза его округлились, а зрачки стали большими, и в них словно бездна. Потом он вскочил и начал метаться по комнате. В панике. И закричал от ужаса. Словно бы я превратилась в чудовище, которое убивало его одним своим присутствием. Не громко закричал, а как-то так тихо, тонко, с хрипом. Такая жуть был в этом крике, такая обречённость, такое отчаянье. Он боялся меня, но не мог убежать, словно его держало что-то, как на цепи. А я... знаешь, я сама начала бояться себя, будто я — посторонняя себе самой, злая, опасная, будто я какая-то хищная тварь.

И, знаешь, мне, правда, хотелось кинуться на Игоря и растерзать его. Вгрызться ему в горло, напиться его крови. А он поймал мой взгляд, и я поняла: ужас его усилился настолько, что мышцы тела начали отказывать. Лежал на полу, уже не способный шевелить ногами и руками, смотрел на меня... на боку лежал... и бился головой об пол. Глаза не моргали, веки не закрывались. Полностью оцепеневший взгляд. На меня какая-то пелена напоззла, я потеряла сознание. Наутро, когда очнулась, он сидел рядом, смотрел на меня и говорил, что я — его богиня ужаса. Уговаривал меня покончить с собой. Говорил: убей себя, хочу посмотреть на тебя мёртвую, ты мёртвая будешь прекрасней, чем живая, ты начнёшь источать такой ужас, что можно будет умереть от него, и тогда мы вместе окажемся в аду, познаем весь его кошмар, заглянем в самую бездну, присосёмся к океану страха и ужаса, бесконечно будем пить его тьму, его безумие, из вечности в вечность... Олег! Ты понимаешь?! Игорь был сумасшедший. Но это не простое сумасшествие... какое-то другое... не знаю, что за болезнь, что это вообще такое, как это назвать...

Голос Марины, сочась из динамика телефона, звучал над ухом, будто комар, зависший возле головы — этаким спутник над атмосферой планеты, сорванной с орбиты, летящей сквозь космос, вдали от всяких солнц. Тишина вокруг этого голоса наливалась тяжестью. И сама темнота словно потяжелела.

Мне почудилось, как что-то шевелится там, во тьме, густеющей у дальней стены. Что-то злобное, хищное, грозное. Или это шевелилась сама тьма, уплотняясь и обретая подобие животного существования?

— Марина, скажи, — спросил я внезапно, — у тебя

на даче какого цвета занавески на окнах?

— Жёлтые, — ответила она. — Охра, точнее. Почему ты...

— А цветок в горшке на подоконнике около кровати, — перебил я. — Что за цветок, такой тёмно-сиреневый?

— Глоксиния. — И встрепелась: — Подожди! Ты откуда знаешь? Игорь тебе сказал?

— Это не Игорь, Марина. Он мне ничего не рассказывал. Мы же с ним давно не виделись. Да и когда виделись последний раз, ни о чём не говорили. Мне не о чем с ним говорить. Не знаю, это совпадение какое-то, что ли. Я видел... ну, тебя с Игорем во сне. (Язык не повернулся сказать правду — что видел её и себя.) В каком-то сельском доме, там охристые такие занавески, цветок на подоконнике, над кроватью, кровать ещё такая с высокой металлической спинкой, скрипучая...

— Игорь... — она осеклась и поправилась: — Олег. Ты больше не звони мне. Пожалуйста. Я тоже не буду. Сотру твой номер. И ты мой сотри, хорошо? Прощай.

Марина отключилась.

Я тут же удалил её номер из контактов. Отложил мобильник в сторону, поднялся с постели, пошёл босиком в темноту. Туда, где мерещилось шевеление, в то сгущение тьмы, с которым слилась пригрезившаяся в миг пробуждения фигура.

«Здесь кто-то есть?» — хотел спросить, приближаясь, но голос мне отказал. Темнота, с каждым шагом, не редела, а напротив — становилась плотнее, и мне не хватало воздуха в той тягучей тьме.

Казалось, пора упереться в стену, казалось, справа должен быть шкаф, слева — одежда, повисшая на крючках,

но темнота словно раздвигалась, вбирая меня в себя. Это была глотка, и она втягивала пищу. Оглянувшись назад, я не увидел ничего — ни кровати, ни пятна лунного света на стене. Только тьму.

Где я оказался? Куда попал, попытавшись совершить путешествие к дальней стене комнаты?

Я галлюцинировал? Спал на ходу? Или реальность вокруг меня проедена какой-то потусторонней молью, пожирающей саму сущность материального бытия, почему я и прошёл сквозь брешь, и вошёл... только во что?

Передо мной стоял Игорь, вынырнувший из тьмы, как из чёрной жидкости. Голый, с распоротым животом, из которого вываливались внутренности, свисая и прикрывая пах. В его распоротом чреве что-то шевелилось, ползали какие-то существа. Видел я это тем же изощрившимся в темноте зрением, что в детстве прорезалось у меня в тёмной комнате старика-инвалида. Приглядевшись, различил среди вскрытых внутренностей крысину морду, мелькнувшую и тут же пропавшую. А затем — маленькие детские головку и ручки, гораздо меньшие, чем бывают у новорожденных. Миниатюрный ребёнок взглянул на меня — он не был слеп, внимательные глаза блеснули бусинками. От этого взгляда мне стало не по себе, словно в меня, до самого сердца, вонзилась игла.

Маленькое существо оскалилось, обнажая мелкие острые зубы, вроде рыбьих, и впилося ими в кишечную мякоть. По лицу Игоря пробежала судорога — боль и упоение. Вырвав из мякоти частицу, ребёнок вновь взглянул на меня, прожёвывая добычу. Теперь он смотрел, не отрываясь, и его гипнотический взгляд лишал меня воли.

— Братишка, — произнёс Игорь, приближаясь на шаг.

Не было сил стоять, я опустился на колени. Когда Игорь приблизился вплотную, его руки легли мне на плечи, моё лицо оказалось прямо напротив его распоротого живота.

Меня душил ужас. Но вместе с тем непреодолимый порыв заставил меня вложить голову в распоротое чрево. Где-то внутри ужаса змеилось и серебрилось тонкое наслаждение — как проволочка, как волосок. Этот притягательный волосок не позволял отшатнуться и броситься прочь.

Голова моя погрузилась в мягкое, скользкое, липкое, сводящее с ума своим трупным смрадом. Моей кожи, моих волос касались не то крысиные лапы, не то детские пальчики, по мне ползали черви и мухи. Я словно засунул голову в звериную пасть, которая или сомкнёт зубы на мне, ломая кости и разрывая позвонки, или присосётся ко мне так, что я не удержусь и перетеку — вольюсь в это беспросветное жерло, будто пёрышко, увлекаемое потоком воды.

P. S.

На следующий день Олега нашли в комнате, той самой, что Игорь присвоил себе своим самоубийством. В комнате, запертой на ключ, который хранился у родителей.

Его плавки и цепочка с крестиком валялись в соседней комнате у стены, общей для комнат двух братьев. Сам же он, голый, голова в запёкшейся крови, лежал на месте самоубийства Игоря.

Странно, что родители, когда искали Олега,

догадались открыть запертую комнату и заглянуть в неё.

Когда он разомкнул веки, то ничего не понимал, не соображал. Думали, что его голова травмирована, но кровь отмыли и не нашли на коже повреждений, разве что несколько мелких свежих шрамов, но то были незначительные царапины.

В больнице он пришёл в себя и заговорил. На вопрос врача — «Как вас зовут, помните? Имя, фамилия?» — отвечал:

— Да, помню, конечно. Олег Парамонов. Олег Алексеевич.

Врача ответ удовлетворил, но, будь на его месте тот, кто хорошо знал Олега Парамонова, он бы понял, что этот человек лжёт, называя своё имя, что в его голосе нет искренности.

Какая-то несвойственная Олегу хищная целеустремлённость проявилась в его взгляде, мимике, движениях тела. Двигаясь меж обыкновенных предметов, он был похож на огромную человекообразную летучую мышь, которая летит сквозь непроглядную тьму, сканируя её ультразвуковыми сигналами.

Выйдя из больницы, вечером того же дня, Олег подкараулил на улице Марину Бескраеву, бывшую девушку своего брата, шедшую с вечерних компьютерных курсов, где она осваивала векторные графические редакторы. Улица, по которой она шла к автобусной остановке, была пустынна, словно чья-то чёрная воля заведомо протравила улицу испарениями страха, побудившими всякого прохожего избегать эти пространства, освещённые загробным дыханием фонарей-призраков.

— Марочка моя, — произнесла тёмная фигура,

выступившая перед Мариной из какой-то непонятной ниши в стене ветхого дореволюционного дома, мимо которого та проходила.

Марина вздрогнула и замерла на месте, холодея от ужаса. Морозцем покрылась её кожа. Ледяным сквознячком потянуло где-то в желудке. Марочка — так называл её только Игорь, и больше никто.

— Олег? — спросила она, разглядев на залитом тенью лице знакомые черты. На миг ей почудилось, будто лицо напротив всё покрыто грудой извивавшихся пиявок, но иллюзия развеялась, когда фигура сделала ещё один шаг, и на лицо упал неживой свет фонаря. — Мы же договорились, что не будем встречаться... ни разговаривать...

— Марочка, — перебил он, — да ты ж посмотри на меня: разве я Олег? Ну, в каком-то смысле, да, Олег. — И он гадостно захихикал. — Но ты посмотри на меня, внимательно посмотри: *кого* ты видишь?

Хищный блеск его глаз, казалось, впился в неё, будто брызги расплавленного металла. Эти глаза не могли принадлежать Олегу, поняла она, такие глаза уничтожили бы его, простодушного, завладей он ими по какому-то волшебству. Только Игорь, никто другой, мог выдержать червоточины этих глаз на своей голове и не сойти с ума от кошмарности взгляда, одним концом вонзавшегося в собеседника, другим — вглубь собственного естества.

Глаза приблизились, и знакомые руки когда-то любимого, затем ненавистного человека легли ей — одна на спину, под шею, другая на талию. Ещё бы секунда, и Марина упала на землю, ноги уже отказывали, но эти руки заключили её в крепкий захват. Голос — до омерзения, до паники знакомый голос Игоря — зашептал над ухом:

— Я был *там*, я видел, я видел *всё*. Последние ограничения сняты. Двери открыты. Теперь я точно знаю, как надо извлекать ужас из-под пластов. Теперь, Марочка моя, ты увидишь настоящий ад на земле. Увидишь, как он сочится из тебя, как из каждой складки и тени твоей выползает тьма, как страх парализует и пожирает всякого, кто видит эту тьму. Каждый может стать источником ужаса и тьмы, но ты будешь первой, потому что ты — моя. Моя дверь, моё божество, моё сладкое проклятие. Мы сделаем то, о чём всякий мечтает в глубине своей души, не осмеливаясь только нырнуть в провал. А потом уж за нами пойдут другие...

Он поцеловал её в губы, и мертвенный холод разлился по её телу от этого поцелуя.

Дмитрий Костюкевич

МИР, СКРЫТЫЙ В ТЕНИ

Тот, на кого смотрел Вадим, коротая время в зале ожидания железнодорожного вокзала, был высоким худым мужчиной, у которого что-то не так с глазами. Вадим сидел через два ряда и не мог понять, что именно. Какая-то замутнённость и разрозненность. Мужчина постоянно наклонял голову то к одному, то к другому плечу, вытягивал шею, глядя на мир – на скучающих в душном помещении людей – под странными углами. Его глаза подслеповато смотрели в разные стороны.

Взгляд Вадима постоянно тянулся к мужчине с жутковатыми глазами.

Чтобы не паялься, Вадим принялся изучать табло с расписанием. До отправления оставалось тридцать две минуты. Скоро начнётся посадка. Он запомнил путь и платформу и против воли снова посмотрел на мужчину.

Внутренне дёрнулся.

Лицо мужчины было обращено в его сторону. Тускло блестящие глаза разбежались. Не было уверенности, что мужчина смотрит именно на него, но Вадима пробрало.

Он отвернулся, делая вид, что рассматривает павильон с сувенирами. Достал платок и вытер лицо и шею. У них что, кондиционеры сломались? Путешествие ещё не началось, а он уже жалел о том, что поддался порыву.

Выдохнул, отлип от пластикового сиденья. Закинул на спину рюкзак и, не глядя в сторону мужчины с больными глазами, направился к выходу. На него смотрели – давили взглядом между лопаток.

Перрон встретил драконьим дыханием. Скоро начнёт темнеть, а легче от этого ни на грамм. Вдоль поезда сновали бабульки с корзинами: «Клубника, домашняя, свежая, мытая».

— Двадцать второе место, — сказала проводница, возвращая билет. — Кондиционер включат, когда поедem.

Вадим помедлил перед решётчатой подножкой. Страха не почувствовал. Наверное, и не должен был: вот если бы стоял перед самолётным трапом... Вряд ли он когда-нибудь это проверит.

Вадим поднялся в вагон.

Дверь купе была открыта. Нижние полки подняты, на столике — стопка пакетов с постельным бельём. Попутчиков не наблюдалось, но в купе кисло пахло потом умаявшихся на жарe человеческих тел.

Он взял верхний комплект, скривился, увидев, что пакет не запаян, достал две простыни, наволочку, полотенце и стал стелить на верхней полке.

За спиной зашаркали.

Вадим резко обернулся и кивнул соседу, молодому коротко стриженному парню. Тот никак не отреагировал. Вадим мысленно пожал плечами, закинул рюкзак в нишу над дверью, в которой лежали свёрнутые в рулоны матрасы, разулся и полез на полку. Неприметное лицо парня тут же выветрилось из головы.

Сосед оставил сумку и нырнул в коридор.

Вадим стянул шорты, футболку, сунул их в кармашек-сеточку и лёг на спину. Боже, почему так жарко... Если бы он знал, что будет так жарко, то... что? Сдал бы билет?

Ответа не было.

Заоблачный дом будто звал его. Звал с той самой

минуты, как он увидел его на экране своего компьютера. Выкопал из фотографий других экспонатов, найденных при раскопках древнего храма. Колонна из белого камня; мраморные таблички с латинскими надписями, посвящёнными богу Пану Марсу; бронзовые рельефы с тритонами и лающими собаками; полая бронзовая рука; обломки античных скульптур; браслеты и монеты.

Увидев снимок фрагмента стены, на которой был изображён старый дом на краю утёса, зыбкий мираж, он понял, что изголодался по впечатлениям. Нет, в нём не проснулась тяга к путешествиям, это было бы слишком громко сказано, но он почувствовал разочарование в себе. Главным образом в том, что не сделал за эти годы, монотонно протацившие мимо после *падения*. Мог, но не сделал.

Путешествия. Он превратился в настоящего убийцу путешествий.

И вот, пока он рассматривал снимки, сделанные дешёвым смартфоном и выложенные на сайте неприметного музея неприметного городка в восточной Европе, на него накатило одиночество. Он почувствовал, что должен увидеть фреску воочию, чтобы подняться в своём воображении на вершину каменной гряды и поприветствовать хозяина дома, ещё более одинокого человека, чем он. Чувство было настолько острым, что он забронировал билет в тот же вечер.

Вадим медленно повернулся на бок и осмотрел окно.

Ни откидной фрамуги, ни ручки.

Надо было подождать отправления на перроне (как поступил сосед – Вадим видел его за окном, которое не знал, как открыть), там хоть какой-то ветерок, воздух...

Голые ступни упирались в перегородку, липли к обшивке. Он отвернулся и обтёрся простынёй: грудь, руки, лицо. В бороде установился тропический микроклимат. Зря он отпустил бороду – перед поездкой это казалось хорошей идеей. Решил, что так будет больше похож на путешественника.

Всего каких-то десять часов, сказал он себе. Потерпи. Представил, как откроет двери музея и пройдёт по длинному пыльному коридору к витринам, где сольётся взглядом с домом на холме. Город, напомнил он себя, город тоже важен – не только фрагмент древнеримской стенописи. Он улыбнулся, думая об этом.

Улыбка быстро угасла.

Чувства и ожидания притиснула аномальная жара. Весь день он прятался от неё в своей квартире, наглухо закрыв и зашторив окна, не выпуская из рук кружку с квасом. Потом взял рюкзак, закрыл двери и двинулся в сторону вокзала, и вот – варится в собственном соку в обшарпанном купе.

Вошла девушка. Вадим не разобрал, как она выглядит. Белое размытое пятно лица – подарок периферийного зрения.

Разве в купе не должны разделять пассажиров по половому признаку, особенно в ночные поездки?

Она тоже не поздоровалась. Кажется, глянула бегло, закинула сумку на свободную верхнюю полку и вышла.

Сколько ещё стоять?

Телефон остался в шортах, а Вадим не хотел шевелиться. Теперь он знал, как обстоят дела в преисподней. Никаких вил и котлов с кипящей водой. Тебя просто закрывают в душном тесном помещении и уходят.

Он чувствовал, как на нём, будто на грядке, созревают крупные капли пота, как они текут по коже, не охлаждая, сливаются в лужицы, обволакивают.

Вернулся сосед. Одетый, лёг на нижнюю полку. Девушка с верхней (теперь будет лежать напротив, подглядывать, как он плавится) осталась в проходе напротив двери. Смотрела в окно. Вадим по-прежнему видел лишь её силуэт. Большая задница, маленькая голова, пепельные волосы – собраны в пучок?

Тронулись.

Он долго не мог понять, работает ли кондиционер. Лежал, стараясь не делать лишних движений.

Заглянула проводница, женщина в возрасте с плохой кожей и скошенным подбородком.

– Закройте дверь, чтобы холод не уходил. Кондиционер включили.

Холод, отупело подумал Вадим. Что это значит?

Соседка зашла и закрыла за собой дверь.

Вадим обтёрся краем мокрой простыни. Ждал избавления. Ощутил кожей почти неуловимое касание. Струйка прохладного воздуха. Насколько она реальна? Он продолжал обливаться потом.

Перевернулся на живот, прижался щекой к подушке и выглянул в окно.

Берёзовый подлесок скатывался влево. Вадим смотрел на какие-то луговые цветы, белые, с крошечными соцветиями: они росли на склоне оврага и из окна движущегося поезда сливались в полосу прибрежной пены. В сумерках белое стало серым, растеклось, размазалось.

На тропинке, выходящей из леса, сидел пёс и смотрел на поезд. Пёс был большой, растрёпанный, похожий на

волкодава. Хотя Вадим не был уверен, что правильно представляет себе эту породу.

Во рту пересохло. Он потянулся за заранее приготовленной бутылкой минералки. Отпил. Воды осталось на три-четыре больших глотка. Надо купить у проводницы.

Их разбудят для паспортного контроля?

Он вымученно усмехнулся: в такой духоте поди засни.

Переворачивался с бока на бок в тягостном полусне. Засыпал на несколько минут и просыпался с неясными воспоминаниями. Неподвижно лежал на верхней полке, открывал глаза, мутно вглядывался в зазоры ломкого сна, видел крапчатый потолок, индивидуальный светильник, обросший комковатой пылью, слышал перестук колёс, чувствовал призрачный сквозняк; кондиционированный воздух облизывал кожу, Вадим закрывал глаза, открывал, видел спину соседки, окно, кто-то опустил шторку; Вадим закрывал глаза, открывал, видел белое круглое лицо, нарисованные глаза...

Он дёрнулся, проснулся и съёжился в выморочной темноте.

Понял, что не слышит перестука колёс. Поезд стоял.

Со скрежетом распахнулась дверь.

— Граница! — Лица проводницы не было видно из-за ярко горящих коридорных ламп. — Приготовьте паспорта.

Вадим влез в шорты, надел футболку и спустился. Сел на краю свободной полки.

Парень и девушка словно и не слышали — неподвижно лежали под простынями. С верхней полки свесилась белая рыхлая ступня.

В проходе кто-то напевно, точно молитву, произнёс:
– Й’а, отмеривший меру судьбе! Й’а, хранитель
чертогов Си’н, Си’ра и С’альк!

Вадим выглянул.

Встретился взглядом с проводницей, стоящей рядом
с пограничницей у дверей соседнего купе. Проводница
махнула рукой, словно отгоняя.

– Й’а Ноденс!

Через пять минут зашла светловолосая инспекторша,
села напротив Вадима, положила на колени мобильный
сканер. Протянула руку.

Он отдал паспорт, раскрытый на фотографии,
выпрямился под её цепким взглядом, приподнял
подбородок. Расслабился, когда инспектор занялась
сканером. Её блестящее от пота лицо казалось чешуйчатым.

– Цель визита?

«У хорошего путешественника нет точных планов
и намерения попасть куда-то» – вспомнилось изречение
Лао-цзы. Намерение у Вадима было, а вот планов... Что он
собирался делать по приезде? Сходить в музей – а дальше?
Подскажет само путешествие, решил он.

– Туризм.

– Надолго?

– Пара дней.

Состоронырабочеготамбурапровеливзлохмаченную
овчарку. Псина остановилась в дверях и глянула на Вадима.

– Багаж?

– Только рюкзак.

– Поднимите полку.

– Он наверху.

– Снимите.

Когда инспектор ушла, он забрался на полку и, несмотря на застоялую духоту, немного вздремнул.

Снилось, что он бродит по узким, петляющим, спотыкающимся на подъёмах и спусках улочкам европейского городка, изучает омрачённые временем дома, обветшалые фасады, потемневшие рельефы фронтонов, ощупывает пальцами трещины на мраморных плитах и канавки дивной резьбы на старых дверях. Находит музей, но не может попасть внутрь: двери закрыты, окна забраны решётками. Оборачивается и видит отвесную скалу и дом с маленькими окнами на её вершине...

Его разбудило шушуканье соседей. Вадим демонстративно повертелся, но шелестящие голоса только усилились. Он не мог разобрать, о чём они перешёптываются, улавливал лишь несвязные обрывки: «благоухающая птица», «чародей полумесяца», «ладья венценосная».

Шу-шу-шу... Под это нельзя было спать; под гул аэропорта можно, а под разговоры шёпотом нельзя.

Вадим приподнялся на локтях и повернулся в сторону соседней полки.

Перешёптывание стихло.

Девушка лежала лицом к стенке, из мерцающей полутьмы (что-то светило снизу, возможно, экран лежащего на столике телефона) на Вадима была нацелена гулька из седых волос. Будто инопланетный паразит, обхвативший голову девушки нитевидными щупальцами.

Вадим лёг и стал смотреть в потолок.

Жара спала. Вадим ощущал на коже тончайшую плёнку высохшего пота. Призрак кондиционера справился с проклятием замка. Другое дело, подумал Вадим, и тут

поезд остановился.

– Стоим полчаса, – сообщила из коридора проводница. – Можно выйти. Только осторожно.

– Почему осторожно? – спросил Вадим. Даже крикнул, желая отомстить ещё недавно шушукавшимся соседям.

– Немного пропустили перрон.

Сосед порывисто сел и обратился лицом к открытой двери. Словно ждал от проводницы новых инструкций. Соседка спустила ноги с полки. Её широкая ступня плюхнулась на голову парню, тот отодвинулся к столику. Безмолвная сцена пробудила в Вадиме смутную тревогу, чувство неправильности.

Через минуту он остался в купе один. Кондиционер не работал. Полчаса...

Время текло ужасно медленно. Надень шорты, упрасивал себя Вадим, выйди на платформу или что там сейчас – откос насыпи, раз пропустили перрон? – но продолжал вариться в ядовитом мёртвом воздухе. Будто кто-то насильно держал его в вагоне – подавлял волю и разум. Кто, кто...

Почему так жарко? Ночь ведь давно.

Он ясно представил машиниста и его помощника (пускай будет помощник, и кочегар пускай), сидящих в привокзальном кафе и смеющихся над теми, кто остался в поезде.

А был ли вокзал? Было ли хоть что-нибудь, кроме этой спёртой черноты за окном?

Вагон стоял в ночи, презирающей и отрицающей остальной мир. Ничего не знающей о нём. Нигде ни огонька.

Вадим подался к окну, и, словно в кошмарном сне, за стеклом из темноты, едва освещённые светом высокого фонаря или огнями на крыше состава, проступили два бледных лица. Парень и девушка, попутчики.

Они смотрели на Вадима. Пялились. Их глаза – плоские, неподвижные – казались нарисованными. Парень стал поднимать руку, как если бы хотел дотронуться до стекла, но девушка перехватила её за предплечье и медленно опустила. Что он хотел сделать? Почему так близко стоят, на чём?

Вадим видел только лица, они плавали в чёрном воздухе.

Отвернулся к стене.

Надо поспать, надо постараться заснуть, и тогда ночь проскочит мимо.

А утром он будет на месте.

Поры кожи распахивались рыбьими ртами.

Я умру здесь, подумал он, превращусь в мумию с запавшими глазами.

Он сел, приложившись о потолок головой. Пополз к нише, стянул на полку рюкзак и принялся рыться. Да где же они!.. Упаковка влажных салфеток пряталась на самом дне, мелкая глубоководная тварь.

Он тщательно обтёрся салфетками.

Помогло секунд на десять.

Нет, так больше нельзя, он не выдержит...

Вадим спустился.

Коридорные лампы истекали бледно-жёлтым сиянием. Со стороны нерабочего тамбура доносились приглушённые чавкающие звуки. В купе проводников – дверь открыта, никого – на столике лежала книга. Вадим

прочитал теснение: «Материалы, подтверждающие существование Дьявола». Специфический выбор для проводника... для кого бы то ни было.

Неожиданно за спиной утробно зарычал титан, стальной бачок с бесплатным кипятком, Вадим вздрогнул и поспешил в тамбур.

Проводница выскользнула из туалета, преградила путь. Вадим вспомнил о воде.

– Можно минералки купить?

Скошенный подбородок дёрнулся вниз:

– Конечно. Пол-литровую, литровую?

– Литр.

Она долго копалась в служебном помещении.

– Закончилась.

– А что есть?

– Всё закончилось.

Вадим покосился на выставленные на поддоне бутылки.

– Образцы, – сказала проводница.

Он пожал плечами, хотел было уйти, но остановился.

– Как это закончилось? Ещё и половины пути не проехали.

Проводница развела руками.

– А что вы от меня хотите? У меня тут не завод.

– И что пассажирам пить?

– Могу кипятка налить.

– Спасибо...

Он спустился на подножку и вгляделся в кромешную тьму. Кто-то говорил в темноте, потом голоса стали отдаляться.

Вадим подсветил телефоном и спрыгнул на

утрамбованный склон. Поскользнулся, но устоял на ногах.

Здесь хотя бы был намёк на лёгкий ночной ветерок. Вадим перехватил щепотью футболку на груди и потряс, охлаждаясь. Глаза привыкали к темноте, и он различил слева какое-то здание. Наверное, вокзал.

Пошёл на проступающий абрис.

– Двадцать минут, – крикнула проводница. – Далеко не ходите. Скоро откроются врата!

– А? – Он обернулся, но проём был пуст.

Врата? Послышалось, что ли?

Как беспокойные голоса, шелестела невидимая трава. Он выбрался на дорожку из камня, по которой напал молочный слоистый туман. Над головой шептались планеты.

Серая масса приземистого строения надвинулась на него. Старое здание с обрамлёнными колоннами крыльцом. Он поднял телефон и прочитал изъеденную жучком вывеску: «Бетельгейзе».

Что-то щёлкнуло и провернулось в голове, но не докрутилось, заклинило.

Из распахнутых дверей тянуло болотным воздухом, гнилью, под сводом коридора на грязном шнуре светила лампа в форме морской раковины.

Вадим обернулся. Успеет ли вернуться?

Ну, проводница его видела, да и время ещё есть.

Он зашёл, пытаясь заново прочувствовать романтику путешествий, тайну новых открытий.

Тёмно-зелёные облупленные стены, исчерченные вертикальными бороздами; грязь и мусор на полу; сети паутины под потолком. На стене справа кто-то искусно нацарапал рыбака, стоящего в лодке посреди гневных волн.

Двери в боковые помещения были заколочены тёмными досками, из которых торчали квадратные шляпки гвоздей.

Вадим снова обернулся, чтобы посмотреть на поезд. Бездушная машина была единственной, кто знал, что он не должен здесь находиться, что это не конечная точка его пути – так казалось.

Увидел вагонные огни и пошёл дальше.

Коридор упёрся в помещение без дверей. В глубине горели свечи. Помещение напоминало внутреннее святилище, целлу; колонны и арки, увитые водорослями, отделяли его от внешней части здания.

Вадим ступил внутрь, бессильно переставляя ноги, и осмотрелся.

Мозаичный пол: изображения рыб и дельфинов, морских чудищ и божеств. Одно морское божество держало в руках якорь. Толстый слой пыли на полу не мог скрыть былой вавилонской роскоши.

Одна из стен была декорирована старыми деревянными дверями. Двери закрепили горизонтально, как огромные кирпичи, и покрасили в серый, чёрный, коричневый. У некоторых сохранились ручки и щеколды, из замков торчали массивные ключи.

Вадим почувствовал, как стучат его зубы. Сердце колотилось. Показалось, что вот-вот грохнется в обморок.

Тускло нагорали свечи, по стенам ползли и опадали ветвистые тени.

Вдруг чёрная дверь, прибитая к стене прямо напротив лица Вадима, распахнулась. Упала вниз.

Кладки за ней не было.

Космический мрак.

Дыхание Вадима прервалось. Он в ужасе отстранился.

Точно заглянул за край в чудовищные глубины. Свечи задымились – за какую-то секунду они оплыли до жалких огарков – и разом потухли.

Он ринулся к выходу, колени подламывались. Липкие сетчатые тени раскачивались под сводом. Мигала далёкая лампочка. С влажным шлепком опустились на мозаичный пол чьи-то ноги, огромные и когтистые, судя по звуку.

Вадим вынесся на крыльцо, ноги подкосились, он упал и пополз на карачках к поезду. Боялся обернуться, боялся снова услышать этот влажный звук.

Нет, ничего этого не было, тараторил он себе. Это усталость, это жара, дурной воздух. Это игра воображения...

Кто-то шагнул из мрака, подхватил его под руки и вздёргнул вверх. Вадим рванулся в сторону. Страх отнял голос, но придал сил. Вадим замахнулся на бесформенную тень – в груди шевельнулся какой-то уголёк, отголосок триумфа перед схваткой – и лишь тогда понял, кто перед ним.

Сосед по купе. Коротко стриженный парень.

Попутчик всмотрелся в его лицо, мотнул головой и зашагал к вагону. Из темноты материализовалась девушка, пошла рядом.

Вадим отдышался. Отряхнул колени, ладони, мысли.

Ему удалось немного успокоиться. Убедить себя, что всё дело в страхе перед пустым помещением... или, может, в каких-то ядовитых испарениях внутри заброшенного вокзала, которые проникли в его нервные клетки, мозг...

Вернувшись в купе, он долго лежал с закрытыми глазами. Соседи спали или делали вид, что спят. Поезд тронулся. Вадим подался в сон, тут же отпрянул.

Привиделось, что снова падает и снова горит. Несколько кошмарных секунд жар – настоящий жар – облизывал кожу, а ноздри были забиты смрадом горящей плоти...

Пять лет назад самолёт, на котором он летел, упал на взлётную полосу.

Вадим работал журналистом и часто путешествовал по стране.

В тот день, день своего тридцатитрёхлетия, он летел домой. Возвращался с Курильских островов, жителей которых потрепало землетрясение. Устроившись в кресле, набрасывал черновик статьи. Мест хватило не всем: в «Ан-72», кроме Вадима и его коллег, летели беженцы. Один мужчина устроился на табуретке, которую принесла бортпроводница.

Три часа без происшествий. Под крыльями самолёта уже показалась земля, как вдруг он заметил, что по стеклу иллюминатора течёт маслянистая жидкость. В салоне появились второй пилот и бортинженер. Бортинженер открыл какую-то панель и стал возиться с лебёдкой. У него дрожали руки.

Все хотели знать, что происходит. «Гидравлика полетела, – ответил лётчик. – Не можем выпустить шасси. Придётся вручную». Он сказал пристегнуть ремни, упереться ногами в передние кресла и прикрыть голову руками. Сказал, что всё будет хорошо. Вадим сразу понял, что дело не в шасси... не только в шасси. Самолёт падал. Это было очевидно. Кто-то из беженцев начал громко рыдать.

Было очень страшно. Вадим перетянул себя ремнём, уткнул колени в спинку переднего сиденья и стал ждать смерти. По салону бегал мужчина, которому не досталось

места. Кричал, что ему нечем пристегнуться, затем упал на колени перед какой-то женщиной и обнял её за ноги.

Вадим думал о том, что ещё может сделать для своего спасения. Потуже затянул ремень. Затолкал сумку под кресло, чтобы не свалилась на голову, если самолёт перевернётся. Из Курил он вёз несколько банок красной икры.

Приготовления к падению не избавили от страха. По позвоночнику струился мерзкий холодок, лицо покрылось испариной. Небо больше не держало неуправляемый самолёт. «Ан-72» валился на землю, перина высотой в тысячу метров стремительно таяла. Вадим хотел помолиться, но не знал ни одной молитвы, поэтому просто повторял про себя: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Он неотрывно смотрел в иллюминатор. В нём что-то промелькнуло: падающая звезда или невеста как оказавшийся за бортом человек – Вадим не разобрал. Самолёт трясло. Он сильно накренился и падал, падал, падал. Странно, но никто уже не кричал. Пассажиры застыли, тихо постанывая в ожидании неизбежного.

А потом наступила тишина. Вадим прижал голову к коленям, чтобы не видеть бледных испуганных лиц: страх превратил их в маски.

Пилот дотянул до аэродрома, но они не приземлились, а упали на взлётно-посадочную полосу.

Вадим слышал свист. Ремни безопасности впились в живот, и вот тогда... страх ушёл. На него просто не осталось времени. Сознание уплыло, и Вадим провалился в чернильную пустоту.

Очнулся от толчка. Попытался понять, где он и

что произошло. Тело болело, везде понемногу. Он лежал на чём-то тёплом (двигатель, как выяснилось позже), заваленный креслами, и не мог отстегнуться. Трещало пламя.

Его вытащили пожарные, увезли в больницу.

Единственного выжившего.

В прессе и на телевидении катастрофу разобрали по косточкам. Ужасный удар сломал консоли крыльев и раздавил топливные баки. Задние стойки колёс проткнули салон. Одна из них оторвала Вадима от пола вместе с креслом. Но не убила. Разорвалась обшивка. Кабина пилотов расплющилась...

Иногда ему снилось, что он сам выбирается из-под обломков и куда-то идёт. Оборачивается и видит обуглившегося мертвеца, сидящего в кресле. Вадим горит, но не чувствует боли. Падает на чёрный песок и катается, сбивая пламя. Потом идёт дальше. Отсветы пожара впитываются в крошечную тьму. К его груди приклеился расплавленный ремень безопасности, он не может его оторвать. Кричит, но никто не отвечает.

Он знает, что умер, но не знает, что с этим делать. Во сне он думает над тем, почему обгоревший мертвец остался в кресле и не пошёл с ним. Думает, почему в мире, где каждые пять-шесть секунд успешно приземляется самолёт, в мире, где ежедневно остаются в живых более трёх миллионов пассажиров, — почему в этом мире именно он вытянул чёрную метку? Думает о перуанской школьнице, единственной выжившей после падения горящего самолёта в джунглях Амазонки: она выбралась из-под обломков и девять дней шла вдоль реки, к своему спасению — стоянке рыбаков. Думает о том, куда идёт он.

А потом перед глазами возникает неясная тёмная фигура...

В течение года после аварии он не мог полностью сосредоточиться на чём-либо важном. Постоянно думал о случившемся. Его пугали громкие звуки, летящие самолёты, высокие деревья (в такси, по пути домой из больницы, истекая потом под ремнём безопасности, он испугался, что раскачиваемые ветром тополя вот-вот начнут падать на дорогу).

Несколько раз в больнице при нём звучало слово «чудо», не менее дюжины – «ни одного перелома, только ушибы и растяжения», но на чудо это походило мало – скорее на проклятие.

Его преследовали кошмары. Он стал раздражительным, слабым и подавленным. Он не пил до катастрофы, не запил и после, но хватило других трещин. Постоянные стрессы разладили брак, в конце концов супруга подала на развод.

Он ушёл из журналистики, подрабатывал мелким копирайтом. Редко выходил из дома, погружённый в пустоту нового существования. Пустота – единственная, что не предала, осталась рядом после того, как ушла жена, истлели дурные сны, а страх превратился в точку, на которой не можешь сфокусировать взгляд.

Дом на утёсе вернул его к жизни. В это хотелось верить.

Хорошо, что в поездах нет ремней безопасности.

Вадим открыл глаза и повернулся к окну.

Увидел в отражении седого бородатого мужчину с прелой кожей. Страшную белую кожу избородили глубокие морщины. Он дотронулся до щеки рукой,

ковырнул у скулы — и кожа отвалилась раскисшим треугольным лоскутом, вместе с ней отошли мышцы, открыв белую скуловую кость.

Он закричал и проснулся.

Девушка на соседней полке неподвижно лежала с распахнутыми глазами. Затем облизнулась, словно слизала с губ его дурной сон, и спросила:

— Что это было?

Он молчал, глядя на неё, застрявший между двух кошмаров.

— Фотография? Статья?

Что-то хищное, жуткое, нечеловеческое на секунду поднялось из глубин и проявилось на её нечётком лице.

— Он тебе приснился? — спросила она, не размыкая губ.

Отвернулась и накрылась простынёй.

Я сплю, сказал себе Вадим, я всё ещё сплю.

По коридору прокатились семенящие шаги, и стало тихо, очень тихо, гораздо тише его надсадного сердца.

В четыре утра — было ещё темно, но что-то проклёвывалось, теплилось — поднялся по зову мочевого пузыря. Достал из рюкзака зубную щётку и пасту, накинул на плечи полотенце. Спрыгнул с полки, сунул ноги в сандалии, потянул за ручку сдвижной двери.

Дверь не поддалась.

Он дёрнул сильнее — без результата. Занервничав, Вадим рванул ещё раз. Оглушительно лязгнуло железо, но дверь осталась на месте.

Вадим оглянулся, уверенный, что разбудил попутчиков.

На нижней полке под его местом кто-то лежал

ничком. На дерматиновой обивке, без матраса и постели.

Значит, третий попутчик. И когда успел, на какой станции?

Ответов не было, и Вадим вернулся к двери. Дёрнул раз, другой, его захлестнула паника. Рука безвольно опала, но пальцы по-прежнему сжимали ручку, и она наклонилась в плоскости двери, открывая узкую щель. Дверь во что-то уткнулась. Он разжал потные пальцы, посветил телефоном.

Дверь упиралась в пластинку-стопор.

Вадим задвинул стопор и потянул за ручку – дверь шумно отъехала по направляющим. Путь в туалет был свободен.

Несколько минут ушло на то, чтобы разобраться с умывальным краном. При нажатии на шток из крана текла горячая вода. Вадим крутил одинаковые вентили (ни тебе синего, ни тебе красного), теребил шток, холодной так не допросился, но наконец в узкую чашу умывальника полилась едва тёплая струя.

Он почистил зубы, умылся, затем намочил и намылил голову и пригоршнями стал сгонять с неё мыльную пену. Поколебавшись, напился из крана. На языке почему-то остался солёный привкус.

Настроение улучшилось: скоро конец мучений. Скоро утро – идеальное время для знакомства с чужим городом.

Идя по проходу, слышал монотонное песнопение:

– ...прародитель тверди, даритель скипетра позлащённого, внемли мне... отче могучий, с помыслами превыше разумения человеков и ахуров, внемли мне...

За окнами брезжил рассвет.

Вадим открыл дверь, оглядел купе и вдруг замер, на

мгновение закрыв глаза. Открыл в надежде, что предмет его испуга окажется иллюзией. Не оказался... У окна под его полкой, сторбившись, сидел высокий мужчина. Положив на стол длинные костлявые руки и наклонив голову к правому плечу, он смотрел на Вадима одним мутноватым глазом, второй косился на спящего парня.

Тип с вокзала.

На лице мужчины лежала тень угрюмой улыбки. Лицо казалось остановившимся, застывшим на случайной эмоции.

Как он сюда попал? Поменял купе?

Глаз смотрел страшно, испепеляюще. Затем взгляд смягчился, мужчина отвернулся к окну.

Вадим прошёл дальше по коридору и облокотился на поручень. Смотрел сквозь жиденский лес, сквозь светлеющее широкое небо. Проехали переезд. Возле путей стояла сонная женщина в оранжевом жилете с огромной, размером со зрелую тыкву, морской раковиной в руках. Из устья раковины торчали длинные паучьи ножки.

Вадим сморгнул мираж.

Осознал, что слышит разговор. Голоса доносились из купе.

– Долго, – сказал кто-то. Вадим решил, что это парень.

– Он искал дорогу, – сказала девушка.

– Но не явил себя.

– Ещё есть время.

– Врата пройдены, – сказал третий голос, хриплый и узловатый. – Он с нами.

– Да, он с нами, – подтвердил парень.

– Й'а, – сказала девушка.

– Точно он? – спросил парень.

– Дух луны зрит, – сказал мужчина. – Он меня сразу увидел.

– А что с этим? – спросил парень.

– Он зерно.

– Й'а.

– Й'а.

У Вадима закружилась голова. Деревья за стеклом кренились к поезду. Рельсы соседнего пути раздвинулись. В купе запели на непонятном языке.

Не вернусь, подумал Вадим, так и доеду. Заскочу только за рюкзаком. Но тут же решил, что это глупо, по-детски. И чего он испугался? Мокрое полотенце холодило шею. Он глянул на тюбик зубной пасты и щётку в руке, мотнул головой и вернулся в купе.

Попутчики сидели на нижних полках и выразительно молчали.

Девушка встала, задев Вадима плечом, и закрыла дверь.

Тут же раздалась барабанная дробь – кто-то стучал в дверь со стороны коридора.

Вадим вздрогнул. Мужчина с больными глазами приложил палец к губам. Глянул в окно. Стук повторился, но никто не стал открывать. Вадим почувствовал облегчение по этому поводу. Залез на полку. Мужчина встал – плешивая голова всплыла над полкой, – постоял, будто в раздумьях, и сел.

Девушка стояла и смотрела на дверь. Под её вопросительным взглядом раздалась серия тяжёлых ударов. Девушка постучала в ответ. За дверью слышались чьи-то удаляющиеся шаги.

Вадим лёг лицом к окну.

Его глаза устремились в белёсую пустоту. Из глубин мироздания поднимался великий туман. В молочных испарениях мелькали тени.

Вадим вжался лицом в подушку. Он снова падал, поезд падал в мистической пелене, как если бы она была бездонным небом.

А потом край вселенной стремительно приблизился, остался позади – и показался город.

Состав замедлился, покатил по степной окраине. Протяжно звонили далёкие колокола.

Вадим провожал взглядом промышленные громадины: надшахтные башенные копры с выбитыми окнами из стеклянного кирпича, ржавые транспортёры. Заводские корпуса, змеящаяся сеть трубопроводов. Карьеры, отвалы, пыльные бурые дороги и красные лужи.

Он рассмотрел разрушенную стену, обращённую к рельсовой колее. Внутренние помещения были загромождены кирпичными перегородками и столбами. На этажерках и постаментах высились тёмные идолы. С перекрытий свисали толстые канаты, похожие на лианы; Вадиму почудилось, что они шевелятся.

Он рассматривал строй доменных печей за нитью реки. Каскады прямоугольных строений, расположенные на горном склоне. Серые стены, сетка панельных швов...

Поезд медленно тянулся, стремился по спирали к центру – Вадим всё время видел в окне локомотив. Бурый, точно проржавелый насквозь, с заросшими грязью колёсами.

Он почувствовал себя ужасно старым. Резко свело живот. Он стиснул зубы, чтобы не застонать.

Это всё вода из-под крана, будь она неладна. И проводница, торгующая только кипятком. Резь поутихла, и он вернулся к пейзажу.

Проехали небольшую рошу. Монотонный ряд стволов и ветвей оборвался, и взгляду открылась покрытая туманом низина. Очередной производственный комплекс с выбитыми окнами и фонарными надстройками. Наружные стены из крупных бетонных панелей. Бытовые корпуса выступали через один, образуя архитектурный ритм, в котором было что-то от расчленённой на куски гигантской змеи. А за ними...

Что-то извивалось в белёсом мареве, большое, серое. Обвивало высокие башни и низенькие строения, ползло между складами и инженерными зданиями — длинные серые щупальца с телесно-розовыми кольцами присосок. Они двигались лениво, как если бы имели здесь власть хозяина.

Бурая трава шевелилась, словно ковёр. По ней прокатывали волны. Здания отделялись от фундаментов и кувыркались в безумном течении. До Вадима долетел скрежещущий звук землетрясения. В темноте свежего провала показалось что-то похожее на огромный глаз в аморфном отвратительном месиве. Глаз цвета крови.

Вадима накрыло волной ужаса.

— Господь Ноденс из рода Наксир, воитель Древних! — истошно закричал мужчина с больными глазами. — Явись же и яви себя!

Вскочивший парень стянул Вадима с полки. Пальцы девушки вцепились ему в шею.

Он не видел их лиц. Их будто стёрли, превратив в бледные сумрачные формы. Зато видел кожистые крылья

и белые, как кость, рога.

Желудок снова скрутило. Чёрная молния боли расщепила внутренности.

Здравый смысл кричал на языке пращуров. Они заманили его сюда, они принесут его в жертву неведомому божеству...

Вадим стал оседать в тесном проходе, когти соседки рвали спину, выковыривая позвоночный столб. Парень пытался засунуть пальцы ему в рот. Мужчина пел.

— Я обращаюсь к Тебе, Владыка джинов! Я призываю Тебя! Я заклинаю Тебя!

Боль и страх ослепили — он ударился головой обо что-то твёрдое, возможно, столик — ударился с размаху о взлётную полосу — ударился о яркое чужое воспоминание, о жажду охоты.

Его глаза широко распахнулись.

Нет, не жертва.

Он сжал челюсти — зубы скрежетнули по кости, погрузились в сустав, — надавил и выплюнул на пол извивающийся палец. Парень отшатнулся, опустил на полку, держа перед собой покалеченную кисть, из которой почему-то не спешила течь кровь.

Он развернулся и ударил девушку локтем в ухо. Маленькая голова откинулась в сторону, врезалась в дверной стопор — отвратительно хрустнуло. Он ударил снова, в безобразную маску, размытую мишень.

Развернулся, ухватил мужчину с больными глазами за рукав и рванул на себя. Встретил коленом. Отбросил под столик. Стал избивать ногами.

Поднял голову и упёрся взглядом в грязное стекло.

В призрачном отражении увидел пожилого мужчину

с длинной бородой и седыми патлами.

— Отец звёздных богов, — выдохнуло сидящее на полке крылатое существо.

Он переступил через тело другой твари и выбрался в коридор.

Поезд стоял на конечной станции.

Стены и потолок косого коридора украшали гвозди с квадратными шляпками. В купе проводников на полке лежало высохшее тело в форменной одежде. На лице мумии отпечатался ужас предсмертного видения. Повсюду валялись разодранные пластиковые бутылки, пол был залит водой и напитками, тёмные лужицы стояли в запавших глазницах.

Он спустился на перрон и упал на колени. Его вырвало потоком солёной воды. Спазмы в желудки стихли.

Взвыли панцирные гонги, запели раковины. В голову хлынули воспоминания. Яркие языки утраченной памяти на миг ослепили его, когда он повёл кругом глазами, чтобы поприветствовать тех, кто желал его возвращения. На платформе стояли люди и мверзи, ночные призраки, его безликие слуги.

— Защити нас от Древних!

— Верни смех наших сыновей!

Они хотели, чтобы он снова поселился на утёсе.

Они принесли дары Ноденсу-спасителю. Ему, пять лет назад поверженному в высоком космосе проекцией Даолота и рухнувшему на Землю, где он укрыл искру своей жизни в человеческом теле, угасающем на руинах железной машины.

Мир, скрытый в тени.

И бог, скрытый в человеке.

«В каждом пшеничном зерне таится душа звезды»
– прочитал где-то, когда-то, тот, в чьём теле он вернулся в
затерянный среди пространства город.

Он оглянулся на поезд. Они, все трое, смотрели
на него сквозь исцарапанное стекло – те, кто помог ему
родиться заново, кто пробудил в нём Охотника.

В сердце разгорался огонь.

– Да приду я в мир Луны, – сказал он и поднялся с
колен.

На далёких бакенах протяжно звонили колокола.

Он двинулся на восток, миновал пересохший водоём
и красно-бурую кирпичную башню; прошёл насквозь
притихший город с мешаниной колониальных строений,
церквями и погостами; тропинка вилась по луговым
разливам к скале, на вершине которой стоял островерхий
серый дом.

Дом не желал ему зла, не залучал его в свои сети –
дом искал, звал.

И хозяин вернулся.

В небе неслись пронзительные крики чаек. Впереди
бежал огромный бурый пёс.

Ноденс, бог глубин, шёл к восточному отлогу утёса.
Он нашёл длинную палку и поднял её, нашёл острый камень
и приладил его к палке. Его горящие глаза неотрывно
смотрели на дом, на кольчатое тело, обвинившее его стены,
на выпученные рыбы глаза и гибкие вздувающиеся
щупальца.

Дмитрий Тихонов КОРОНАЦИЯ

Архип явно намудрил с дозировкой. Джерри накрыло быстро и сильно, наполнив все тело колючим теплом. Он шел по Невскому, не сводя глаз с фонарей – их свет был гораздо ярче, гораздо мягче, чем обычно. Это сияла, переливаясь, сама любовь. Она улыбалась ему, и Джерри улыбался в ответ. Любовь отбрасывала цветные отблески на стены домов, подмигивала с оконных стекол, обещала вечное счастье. Он знал, что любовь лжет, но все равно улыбался.

Его настоящее имя перестало иметь значение. Сегодня, сейчас он был только Джерри – как в школьные годы, в честь юркого, неунывающего мышонка. Из-за ушей, конечно. Из-за оттопыренных ушей и маленького роста. Его называли так еще в третьем классе, и приклеилось навсегда. Сначала переживал, потом стало нравиться – подчеркивало непохожесть на окружающих, выделяло из толпы. Впервые уединившись с парнем в туалете ночного клуба, он представился именно так, хотя тот и не спрашивал, как его зовут. Позже, уже в студенческие годы, на бесчисленных сайтах гей-знакомств Джерри никогда не использовал своего реального имени – впрочем, там это было в порядке вещей.

Однажды, устав от двойной жизни, от лжи и самообмана, от обреченности на одиночество, он решил покончить с собой – но не с Джерри. Он рассказал все родителям, с садистским удовольствием наблюдая, как меняется лицо отца; он рассказал все немногочисленным друзьям и

больше никогда не видел ни одного из них; он ступил на дорогу, которая в итоге привела его из угрюмой, верующей в умерщвление плоти провинции сюда, в Питер. На Невский Проспект, полный соблазна и света. Даже ночью. Особенно ночью.

Но старое имя притащилось следом. Оно скрывалось в документах, возникало в письмах из банка, всплыло при устройстве на работу, настойчиво звучало в редких телефонных разговорах с матерью. А сменить его по закону можно было только по месту регистрации. Возвращаться Джерри не хотел, не мог. Он бы просто скопытился в поезде, идущем в родной город.

Хорошо, что в Питере хватало людей вроде Архипа, всегда готовых облегчить страдания. Вот только с дозировкой нужно все-таки аккуратнее — похоже, за первой волной прихода надвигалась еще одна, огромная и тяжелая. Свет фонарей размазывался по поверхности бытия, струился искрящимися нитями на фоне неба. Фасады по обе стороны проспекта сливались в единое целое. Между ними не оставалось ни щелочки, ни единого просвета, и Джерри почувствовал укол паники — где-то здесь ему предстояло свернуть, чтобы добраться до дома, но как это сделать, если сворачивать некуда? Проспект сбрасывал цепи улиц, избавлялся от ответвлений, вросших во внешний мир. Малая Садовая? К черту! Большая Конюшенная? Нахер! Одна дорога, прямая и честная, одна жизнь, без чужих мнений и прочего балласта, ведущая...

Он налетел на кого-то на полном ходу, попытался выдавить извинения, но слова липли к языку, словно густая патока.

— Глаза разуй, чучело! — сказали ему. — Обдолбанный,

что ли?

– Пошел в жопу, – пробормотал Джерри. – Пидор.

Его ударили. Он так и не смог понять, с какой стороны. Кулак оказался здоровенный, тяжелый. Невский на мгновение исчез, все вокруг заполнило черное, черное, черное небо, а когда оно расступилось, Джерри уже лежал на тротуаре. Гранитная плитка гладила его по щеке холодной ладонью.

– Твою-то мать, блять, а! – сказали над ним.

– Оставь, оставь, – произнес второй голос, женский. – Пойдем.

Стало слишком холодно. Приподнявшись на локте, Джерри медленно сел. Владелец тяжелых кулаков сплунул и зашагал прочь, увлекаемый перепуганной спутницей. Кто-то еще возник рядом, помог Джерри встать, отряхнул куртку, поправил сбившийся шарф. Люди. Откуда столько? Он оттолкнулся от их участливых рук, оттолкнулся от участливых слов, свернул за угол. Здесь уже можно было дышать.

Чуть придя в себя, Джерри двинулся вдоль стены – прочь от Невского проспекта. Из окон дорогих ресторанов за ним наблюдали бледные, равнодушные лица. Летом здесь стояли крытые веранды со столиками, за которыми он пил пиво и слушал уличных музыкантов. Теперь осталась только серая мостовая.

Джерри нырнул в темную арку, ведущую во двор. Отсидеться в тишине, переждать, потом искать дорогу домой – таков был план. На самом деле, он жил где-то неподалеку – снимал крохотный номер с огромной кроватью в мини-отеле, названном в честь одного из писателей-классиков. Коренного петербуржца, разумеется.

За месяц набегала солидная сумма, но пока он не жалел денег. Если есть не каждый день, то его новой зарплатой, переводов от матери (о которых отец, разумеется, ничего не знал) и остатков сбережений вполне хватало на жилье и наркоту.

Возможно, ему даже удастся добраться до отеля, не возвращаясь на Невский. Дворами, как и подобает обитателю культурной столицы. Сообразить бы только, в какую сторону идти.

Джерри осмотрелся. С одной стороны за высокой кованой оградой возвышались нелепо раскрашенные сооружения детской площадки, с другой – к стене жались несколько столь же нелепо раскрашенных машин. Между машинами и площадкой чернел жадно распахнутый зев следующей арки, ведущей дальше в лабиринт дворов-колодцев. И оттуда за ним наблюдали горящие зеленым глаза.

– Привет, – сказал Джерри, делая шаг навстречу. – Вот и Том нашелся.

Кот выскользнул из тени, замер на мгновение, изучая человека, затем медленно, не сводя с него взгляда, вернулся во мрак.

– Приглашаешь, да? – усмехнулся Джерри.

Глаза сверкали в темноте зеленым, не выражая ровным счетом ничего.

– Хорошо, Том, – сказал Джерри. – Я иду. Иду, видишь?

Он шагнул под арку, и кот повел его через дворы: убегал, останавливался, оборачивался, терпеливо дожидался человека, снова бросался вперед. Джерри послушно следовал за ним, наполняясь детской, восторженной радостью от встречи с чудом. Сменяли друг друга

дома, различавшиеся только рисунком освещенных окон, проплывали мимо крошечные скверики, лавочки и помойки. В какой-то момент, попытавшись на ходу сориентироваться, он подумал, что следовало бы оставлять за собой след из камешков или хлебных крошек. Сказка, в которую вел его Том, могла оказаться не из приятных.

Но вскоре они пришли, и Джерри перестал переживать.

Кот бесшумно растворился в тенях, однако Джерри этого не заметил.

Небо вверху, сдавленное со всех сторон краями крыш, начало светлеть, но Джерри уже не придавал значения времени.

Знак распластался по стене, желтый, словно палящее солнце, словно пшеница на последнем полотне Ван Гога, словно безумие Климта. Он пульсировал и шевелился, ни на секунду не оставаясь неизменным, но ни на йоту не нарушая строгости и целостности своего узора. Всего несколько простых линий, нанесенных щедрыми, размашистыми мазками. Целый мир, запертый в их переплетении. Черные башни. Черные воды. Черные звезды.

Линии звучали. Они были не только цветом, но и голосом – желтым голосом. От него у Джерри встали дыбом волосы на затылке и мышцы налились жгучей болью. Он застонал, стиснув зубы, но ни на мгновение не отвел взгляда от знака. Желтый голос не приказывал и не просил, а проговаривал реальность, сплетал ее из небытия. То, что было произнесено, существовало, все остальное – нет.

– Ты сгораешь от ненависти, – сказал желтый голос. И это было так.

– Твой мир обречен, – сказал желтый голос. – Чужаки

губят его, пожирают его изнутри.

– Подобно червям, – ответил Джерри, сразу поняв, о чем и ком идет речь.

– Их нужно остановить, – продолжал желтый голос. – Прежде, чем сгореть, ты убьешь чужаков.

– Убью, – согласился Джерри.

Знак ослабил хватку, позволил отвести взгляд. Позволил вдохнуть. Влажный воздух, пахнувший подвалом и плесенью, ворвался в легкие, разошелся по жилам наэлектризованной волной. Джерри с трудом повернулся и побрел прочь. Он знал дорогу. Он теперь знал многое.

Лабиринт дворов разворачивался перед ним, показывал беззащитное палевое подбрюшье, добровольно раскрывал секреты – только в них уже не было нужды. Чем мог Питер, едва протянувший триста лет, заинтересовать того, кто видел меж линий желтого знака шпили и башни другого, куда более древнего города? Скелетами грифонов, сдохших от голода в Аптекарской башне? Посмертной маской императора, похожего на толстую усатую бабку? Уродцами в банках? Джерри отмахивался от проулков, назойливо зазывавших взглянуть на замшелые свои достопримечательности. Его путь лежал на Петроградскую сторону – там в одном из домов находилось логово чужаков.

Он ощущал их присутствие так ясно, словно они притаились в одной комнате с ним, спрятались за диваном и ждали удобного момента для нападения. О да, они давно ждали, очень, очень давно. Терпения им было не занимать. Джерри скрипел зубами от гнева. Ярость клокотала в его груди, пылала, превращаясь в энергию. Он почти бежал. Прохожие испуганно расступались, бросали ему вслед встревоженные взгляды – этот парень явно спешил

навстречу беде.

Набережная Мойки, Миллионная, Троицкий мост – Джерри летел сквозь город, ни мгновения не раздумывая над маршрутом. Улицы сами вели его. Мерзлая, стальная Нева провожала тысячей взглядов – это смотрели из-под ее поверхности те, что уже явились на коронацию. Многие другие придут до полуночи. Король умер, да здравствует король! Сегодня на престол взойдет наследник, и Джерри сможет увидеть его своими собственными глазами! Ему позволят, потому что он докажет свою преданность, сослужит верную службу, убьет, убьет, убьет чужаков посмевших осквернить священное место.

Миновав Дивенский сад, Джерри свернул на одноименную улицу. Еще поворот. Еще один. Здесь ночь заканчивалась, уступая тусклому предрассветному безвременью. В просветах меж строений он различал тяжелые тучи, ползущие с востока. Последние приготовления. Осталось только очистить тронный зал от грязи.

Окруженный дом показался ему смутно знакомым, но вспоминать и приглядываться времени не было. В серых утренних тенях застыли фигуры его соратников, верных роялистов, явившихся сюда по зову желтого голоса. Мужчины и женщины, молодые и старые, стояли на тротуарах вокруг, задрав головы, не сводя глаз с темных окон.

От толпы отделился высокий парень в джинсах и криво застегнутой фланелевой рубашке, сжимавший в посиневших от холода руках небольшой продолговатый сверток. Подойдя к Джерри, он коротко кивнул, сказал:

– Мы ждали тебя, пастух, – и передал ношу. – Буря

приближается. Пора начинать.

Джерри развернул ткань. Внутри оказался электрический фонарик с костяной рукоятью. По молочно-белой поверхности ползли изящно вырезанные символы. Ни один из них не был ему знаком, но, несмотря на это, Джерри знал, что они означают. Желтый голос не скупился на объяснения.

ЛИШЬ СЛЕЗЫ ПИТАЮТ ХАЛИ. ВСЕ СЛЕЗЫ ПИТАЮТ ХАЛИ.

Так называлось озеро, в водах которого отражаются черные звезды. Озеро, на берегу которого высится древний город, где прямо сейчас хоронят короля.

– Буря приближается, – повторил соратник. – Веди нас, пастух.

Джерри взвесил фонарик в руке, поднял над головой, словно угрожая им небу, и направился к парадной окруженного дома. Собравшиеся последовали за ним. Только теперь Джерри заметил, что почти все они вооружены: ломиками, кухонными ножами, отвертками, молотками. У некоторых были топоры, и это заставило его улыбнуться – в Питере человеку с топором не избежать ассоциаций с классикой. Раскольников наверняка находился бы среди этой толпы, раз и навсегда определившись с тем, тварь ли он дрожащая или право имеет.

Вход преграждала стандартная серая дверь с домофоном. Джерри набрал случайную комбинацию цифр, переждал гудки.

– Да? – раздался из динамика сонный старушечий голос. – Кто это?

– Домоуправляющая компания, – сказал Джерри. – Впустите, пожалуйста.

Старуха пробормотала что-то недружелюбное, но дверь открыла. Разве примитивная форма жизни сможет отказать представителю власти? «Домоуправляющая компания» ворвалась внутрь, шумной многоголосой волной покатилась вверх по широким ступеням. На стенах, среди обычных для подобных жилищ оскорблений и признаний в любви, мелькали зловещие символы чужаков, бесформенные, словно их плоть, отвратительные, словно их помыслы.

Выше, выше, пролет за пролетом – тело знало, куда двигаться, и Джерри полностью доверился ему. Фонарик дрожал в его ладонях, предвкушая жестокую схватку. Тьма сгущалась. Приближалась буря.

У нужной квартиры, на четвертом этаже, Джерри замешкался, но только на мгновение. Его смутила заурядность этого места: потрескавшаяся матовая плитка, которой был выложен пол на лестничной площадке, криво наклеенные цифры возле шахты лифта, окурки в консервной банке, прикрученной к перилам проволокой. Показалось, что судьба человечества не может, не должна решаться вот здесь, среди пыльных банальностей.

Однако размышлять времени не было. Чужаки уже почуяли опасность. За дверью, обитой обшарпанным черным дермантином, раздавались шорохи и встревоженные голоса.

– Домоуправляющая компания! – взревел кто-то у Джерри за спиной. – Открывайте!

Лестничная площадка взорвалась злым, кровожадным хохотом. Некоторые неистово матерились, не в силах справиться с возбуждением. За дверью наступила тишина.

– А вот я уже здесь, – пробормотал кто-то позади.

– Уже здесь. Не ломайте только ничего. Дайте пройти, мальчишки...

Джерри обернулся. Толпа расступилась, пропуская к нему невысокую пожилую женщину с коротко стриженными седыми волосами. Хозяйка квартиры. Ничего необычного не было в ней – невзрачная пенсионерка, каких пруд пруди в любом дворе, на любой улице. Но, призванная желтым голосом, она изменилась, обрела смысл, стала ангелом смерти – безразличной и неотвратимой.

– Три месяца назад заехали, – поясняла она, перебирая ключи во внушительной связке. – День в день. Сразу мне показались подозрительными. Да, подозрительными. На людей вроде бы похожи, но вот приглядишься – прозвучало как «приглядися» – и понятно: что-то с ними не ладно. Слишком уж вежливые.

Наконец нужный ключ был найден. Хозяйка, не переставая бормотать, вставила его в замочную скважину и трижды повернула по часовой стрелке. Раздался щелчок. Дверь открылась. Сразу за ней оказалась узкая неосвещенная прихожая, полная густого смрада. Пахло гниющей палой листвой.

Пенсионерка посторонилась, и Джерри вошел в квартиру. Тишина встретила его затаенной ненавистью. Там, в этой тишине, кто-то ждал удобного момента, чтобы нанести удар. Ковер чавкал под шагами, на обоях виднелись темные, влажно поблескивающие потеки. Хозяйка пару раз щелкнула выключателем, но люстра не зажглась.

– Лампочки выкрутили, – сказал один из роялистов на лестничной площадке. – Вот суки.

– Не то слово, – ощерился Джерри. – Просто пидарасы. Он откуда-то знал, что из прихожей можно свернуть

в кухню, а дальше в глубине квартиры находились две больших, почти одинаковых по площади комнаты. К ним вел длинный узкий коридор, дальний конец которого терялся в абсолютной тьме. Чужаки никогда не любили свет. Свет был им непонятен и страшен. Они предпочитали копошиться и плодиться во мраке, скрывать в нем свои членистые конечности и продолговатые мягкие тела. Джерри ясно ощущал их совсем рядом. Одно неосторожное движение – и тень пожрет тебя.

Держа фонарик на вытянутой руке, он заглянул в кухню. Посреди стола возвышалась огромная кастрюля, полная рыхлой субстанции, покрытой тонким слоем плесени. Наверняка, деликатес. На линолеуме виднелись царапины, оставленные чем-то вроде когтей. Плитой, судя по всему, не пользовались давным-давно. Джерри скользнул к холодильнику, потянул на себя дверцу. Внутри не было ничего, кроме пары странных сосудов цилиндрической формы. На их гладких металлических боках виднелись разъемы и надписи, сделанные на языке, переводить который желтый голос не спешил.

Вприхожей завизжала хозяйка. Пришлось возвращаться.

Его появление заставило пенсионерку умолкнуть. Стали слышны доносящиеся из коридора слова, раздробленные, словно пропущенные через мясорубку:

– Договор. Не сразу. Трансатлантический. Экли. Вьюга. Трубы. Третья орбита, – а следом за словами из темноты надвигалась высокая, грузная фигура. Фонарик в руке Джерри пару раз мигнул и загорелся ровным светом. Желтым. Конечно же, желтым. В этом свете стало видно, что фигура принадлежит массивному, едва помещающемуся в коридоре мужчине. Его истинный

размер было сложно оценить из-за мешковатой одежды и непрерывных размашистых, но судорожных движений. Только гладко выбритое лицо оставалось неподвижным, и поэтому казалось ненастоящим, словно вылепленным из воска.

Несколько долгих мгновений понадобилось Джерри, чтобы понять, что именно так оно и было.

– Нойес. Лес. Колодец. Соглашение. Юггот. Следы, – продолжал бубнить мужчина с поддельным лицом. – Вода. Посадочная траектория. Ньярла...

– Снимите маску, господин, уже пора! – воскликнул Джерри, прервав несвязный поток слов. Голос не принадлежал ему. Это был желтый голос, голос знака, голос короля – и мироздание не могло сопротивляться. Мужчина замер в нескольких шагах от Джерри, словно налетев на незримую стену. Огромное тело била дрожь. Восковое лицо его сползло набок, обнажив пучок тонких извивающихся щупалец землисто-сизого цвета. Бока и живот вздыбились, ветхая ткань с треском разошлась, и из разрывов вытянулись длинные конечности, покрытые чем-то вроде хитина. Каждая заканчивалась загнутым когтем.

Вонь стала нестерпимой. У Джерри за спиной кого-то вырвало. Тварь в коридоре яростно избавлялась от остатков человеческого обличья: обрывков ткани, лохмотьев кожи, фрагментов искусственной плоти. Упали на пол восковые кисти рук. Когти скребли по обоям. Сегментированное туловище разгибалось медленно, словно успело затечь во время нелепого, обреченного на провал маскарада. Желтый свет фонаря, похоже, причинял существу боль. Оно не решалось нападать, лишь угрожающе шипело – и в этом шипении не осталось ничего, напоминающего

человеческую речь.

— Взять его, — сказал Джерри, отходя в сторону. Вооруженные ножами и топорами роялисты ринулись в атаку. Стоило их спинам и плечам оказаться между фонарем и тварью, как последняя немедленно воспряла духом: загнутые когти метнулись навстречу наступающим, безошибочно метя в плотки и животы. Ее движения были стремительны и точны — уже несколько секунд спустя один роялист лежал на полу с разорванным горлом, другой истошно скулил, глядя на собственные внутренности, вывалившиеся из рассеченного брюха. Третий успел увернуться и отскочить. Тварь подалась было следом, но свет фонарика остановил ее, заставил скорчиться и отшатнуться.

— Вот так облом, да? — сказал Джерри, ступая в коридор. К тошнотворному запаху чужака примешивался сладковатый аромат свежей крови, и он шумно втягивал ноздрями эту восхитительную смесь. — Ты столько времени сюда добирался, положил всю жизнь на то, чтобы преодолеть черный океан, лежащий между твоим миром и нашим. Ты можешь поделиться множеством знаний о самых удивительных секретах космоса, о его бесконечных, невообразимых чудесах... — перешагнув через мертвеца и умирающего, Джерри медленно приближался к твари, светя фонарем прямо в ее морду, увенчанную непрерывно извивающимися червеобразными отростками. — Ты прибыл сюда, чтобы повелевать, уверенный в своем превосходстве, в своем праве решать судьбы. Но вместо этого ты покончишь с собой. У меня на глазах. Прямо сейчас.

Нет спасения от желтого света и желтого голоса. Все так

же нечленораздельно шипя, существо немедленно впилося когтями в собственное мягкое, бледное подбрюшье. Оно кромсало себя, раздирало на части, истекая пузырящейся слизью. Неистово, самозабвенно. Оно старалось изо всех сил и справилось меньше, чем за минуту.

Джерри оглянулся. Роялисты, столпившиеся в коридоре, смотрели на него с обожанием.

Второй чужак обнаружился в большой комнате. Он напал сразу же, едва роялисты открыли дверь, и сразу же успел оторвать тому, кто шел первым, голову, а следовавшему за ним – руку по самое плечо. Луч фонаря, скользнув по еще висящим в воздухе кровавым каплям, ударил тварь в покрытую слизью сегментированную грудь, заставил пятиться, прижал к стене.

Джерри, стараясь не поскользнуться в растекшейся по полу темной луже, подошел вплотную, нагнулся к пучку мерзких щупалец, заменявшему этому существу морду, и прошептал:

– Не сопротивляйся.

Тварь подчинилась. Когда подоспевшие роялисты обрушили на нее топоры и ломы, она не сделала ни единой попытки отразить удары или атаковать в ответ, только низко, обреченно хрипела. Палачи работали неумело, но вдохновенно – им потребовалось чуть больше минуты, чтобы изуродовать огромное тело чужака, изгнать из него все признаки жизни. Фонарик мигнул и потух. Дело сделано.

– Мне нужны когти, – сказал Джерри. – По четыре от каждого. Постарайтесь полностью очистить их от ошметков. Корона должна быть чиста.

Соратники принялись за работу, а он, прислонившись

к стене, осмотрелся. Из мебели в комнате присутствовала только изрядно побитая советская стенка. И она, и заклеенные черной изолентой окна, и обои с выцветшим цветочным рисунком казались ему знакомыми. Неужели он бывал здесь раньше? Или просто видел это место во снах, когда судьба исподволь готовила его к великим свершениям?

Подошла хозяйка квартиры, сказала, согнувшись в почтительном поклоне:

— Мы обнаружили труп в спальне. Тебе нужно взглянуть, Пастух.

Вторая комнатуха оказалась крошечной, чужаки вряд ли смогли бы поместиться в ней. Она предназначалась для их помощников из числа людей. Именно такой помощник и лежал посреди большой двуспальной кровати на задубевшем от крови матрасе. Тело, еще не тронутое разложением, было полностью обнажено, грудь и живот покрывали изощренные татуировки, изображающие крылатых тварей, явившихся на Землю с темной планеты на окраине Солнечной системы. Но Джерри лишь мельком взглянул на них, куда больше заинтересованный головой этого человека. Верхняя часть черепа отсутствовала, как и его содержимое. словно кто-то снял крышку с кастрюли и выгреб изнутри все до последней крошки.

Однако даже не это зрелище заставило Джерри похолодеть от ужаса. Он не мог отвести глаз от обескровленного, осунувшегося мертвого лица.

Перед ним лежал Архип. Абсолютно голый, абсолютно мертвый Архип. Бездарный художник-акционист, еще более бездарный музыкант, но надежный дилер, с которым он виделся всего несколько часов назад. Всегда подтянутый,

всегда готовый поддержать шуткой и бесплатной дозой – но, к огромному сожалению Джерри, беспросветный, конченный натурал. Этот момент они прояснили в самом начале знакомства.

– Извиняй, друже, – сказал тогда Архип. – Я по бабам. Исключительно. Если хочешь, могу дать контакты ребят с... более разнообразными предпочтениями.

В тот раз Джерри отказался. Он не хотел ребят, он хотел Архипа. Потом, конечно, эти контакты все-таки переключались к нему в телефон, и некоторые из них даже оказались полезны. Но, несмотря ни на что, нелепая обида на Архипа осталась. Его великодушие и щедрость только подпитывали ее, не давали окончательно сгнать под тяжестью многочисленных штормящих – Джерри иначе не умел – романов. И вот давняя, невозможная мечта сбылась – Архип ждал на кровати. Обнаженный. Беззащитный. Готовый на все.

– Ну что ж, – прошептал Джерри, чувствуя, как горячая волна возбуждения захлестывает его с головой. – Стучите, и вам откроют. Так ведь?

Он подозвал хозяйку квартиры и приказал принести с кухни оба металлических цилиндра, хранящихся в холодильнике. Когда это было выполнено, Джерри выгнал из комнаты роялистов и пригрозил им самыми страшными карами, если они посмеют открыть дверь без его разрешения. Все-таки не зря личная жизнь называется личной, верно? Он поставил оба цилиндра, оказавшихся на удивление тяжелыми, на столик у изголовья кровати, а сам взобрался на нее, скинув куртку и шарф.

– Снова здорово, дружище, – сказал он, обращаясь к цилиндрам. – Я не знаю, в каком из них ты сейчас

находишься, и можешь ли видеть и слышать происходящее вокруг. Надеюсь, можешь, ведь у меня есть, что тебе показать.

Желтый голос нашептывал ему на ухо непристойности, подстегивая возбуждение. Тяжело дыша, Джерри провел пальцами по линиям татуировок на груди Архипа, поскреб ногтем изображение одной из крылатых многоногих тварей:

– Вот стопудово ты на такое не рассчитывал, когда соглашался на их предложение. Думал, что узришь чудеса Вселенной, что полетишь к далеким звездам – да? Думал, они покажут тебе истину, подарят ответы на самые важные вопросы? Но вместо этого ты – сюрприз! – увидишь, как насилюют твой труп. Твой богомерзкий трупак. Твою окоченевшую гетеросексуальную жопу. Охереть можно, правда?

Цилиндры ничего не ответили. Джерри подмигнул им. Желтый, желтый хохот наполнил его разум.

Несколько минут спустя он вышел из спальни, тяжело дыша и улыбаясь во весь рот. Хозяйка преданно ждала у дверей, прижимая к груди начищенные до блеска когти чужаков.

– Мы все сделали, пастух, – сказала она, передавая ему драгоценную ношу. – Новому королю не в чем нас упрекнуть.

– Новый король не забудет вашу любовь, – ответил Джерри и поцеловал ее в седую макушку. – Никогда. Разбейте цилиндры.

Он выбежал из квартиры. Запахи гнили и свежей крови тянулись за ним длинным, роскошным шлейфом. Буря уже началась. В окно на лестничной площадке виднелось небо,

бугрящееся свинцовыми тучами. Утро так и не наступило.

Джерри помчался вверх по лестнице. Когти чужаков, зажатые в кулаках, жгли кожу. Скорее всего, они содержат яд, решил он, инопланетный яд, не известный пока земной науке. Только это не имело значения. Времени больше не будет. Его ждал другой, бессмертный город, замерший в вечности на берегу озера слез. Лишь бы не опоздать.

Чердачный люк оказался открыт. Через него Джерри выбрался на технический этаж, а уже оттуда, чуть не подвернув лодыжку в мешанине старых и новых труб, — на крышу.

Ветер ударил в лицо. Здесь, наверху, не осталось ничего, кроме ветра. Черный вихрь явился в Питер и пожирал его, проглатывая дом за домом. В шуме непогоды слышались звуки дьявольских свирелей и скрипок, возвещавших о начале церемонии.

Новый король спускался на крышу, шагая по потокам ветра, словно по мраморным ступеням. Лохмотья его одеяний развевались подобно языкам ослепительно-желтого пламени. Сквозь прорехи в ветхой ткани виднелись темные, давно окаменевшие кости. Едва держась на ногах, Джерри спешил навстречу. В руках он держал уже не когти чужаков, но корону, величие и изящество которой могло позавидовать любое украшение, когда-либо изготовленное людьми и для людей. Момент превращения он пропустил. Возможно, это ветер нашептал когтям особые слова, предупредил о прибытии правителя и возложенной на них миссии.

Рваные полы королевского плаща окружили крышу колышущейся стеной, отгородили ее от остального мира, превратили в тронный зал. Король остановился, повис в

воздух в паре метров от пола. От него исходило обжигающее желтое свечение, превращающее разум в мягкую глину, из которой невидимые желтые руки могли лепить все, что заблагорассудится. Свет в фонарике с костяной рукоятью являлся лишь крошечной частицей этого сияния, но и с ним не смогли совладать чужаки. Никто, сколь бы разумен он ни был, не в силах сопротивляться воле хозяина древнего города, стоящего на берегу озера Хали.

Джерри зажмурился, упал на колени. Спустя мгновение тонкие горячие пальцы коснулись его щеки, заставили поднять голову и открыть глаза. Король нависал над ним, зловещая конструкция из длинных, слишком длинных костей и истлевших торжественных одеяний. На нем была маска, искусно копирующая черты отца Джерри: та же фирменная чуть презрительная улыбочка, тот же прищур, та же вечно приподнятая, словно в немом вопросе, бровь.

– Пожалуйста, – прошептал Джерри. – Умоляю, снимите маску, господин...

– Но на мне нет маски, – прозвучал ответ из-под сомкнутых губ.

– Нет маски? Нет маски?! – закричал Джерри, чувствуя, как разверзается под ним бездонная пропасть, полная голодных черных звезд. Он рыдал, и скрипел зубами, и скулил, но не мог пошевелиться, не мог отвести взгляда от лица короля и своих собственных дрожащих рук, медленно поднимающих корону. Церемония должна была завершиться. Существо, стоящее перед ним, умирало и воскресало неоднократно на протяжении миллионов лет, и каждый раз непременно проводило коронацию, ибо только так могло сохранить власть. Оно знало о власти все.

Корона опустилась на гладко выбритую голову. Пальцы

Джерри коснулись кожи короля — она была сухой и шершавой и ничуть не походила на живую, настоящую кожу. Она напоминала выкрашенную гуашью поверхность папье-маше. Джерри понял, что если сожмет пальцы, то без труда раздавит фальшивую голову, разобьет в мелкую крошку лицо своего отца. И тогда эта мумия, древняя, словно сама вселенная, явившаяся сюда в давно сгнившем парадном одеянии, будет вынуждена отступить — потому что мир не вынесет ее истинного обличья и исторгнет ее из себя, как организм исторгает съеденную по неосторожности отраву.

— Нет, — произнес желтый голос в самой середине его рассудка. — Ты этого не сделаешь.

Джерри знал, что не сумеет. Он был рабом, ничтожной, легко заменяемой пружинкой в сложном механизме, не обладающей правом на собственные решения. Он мог только смириться с приготовленной ему судьбой.

Король выпрямился во весь свой невероятный рост. Корона из когтей чужаков наполнялась внутренним, ослепительным сиянием. По ту сторону плаща победно взвыли демонические флейты и скрипки. В их резкую, безжалостную мелодию вплетались приближающиеся сирены машин полиции и скорой помощи. Какая-то женщина — возможно, хозяйка квартиры — пронзительно визжала неподалеку. Неваревела сотнями подобострастных голосов, выводивших хвалебные гимны на никогда не существовавших языках.

Гулко ступая, король прошествовал мимо, коснулся плеча Джерри невесомыми, высохшими пальцами. Пришлось подняться, следовать за ним. Они остановились на самом краю крыши, взглянули вниз. Там, на улице,

столпились люди, кажущиеся отсюда игрушечными, и показывали пальцами вверх. Вой сирен перекрывал их крики.

– Прощай, – сказал король-в-желтом. У него больше не было лица, и серая, мертвая пыль, сорванная ветром с его высохшей головы, извивалась над Питером невесомыми щупальцами. – Тебя забудут.

Джерри с трудом повернул голову, не зная, что можно на это ответить. Шея немилосердно болела. Рядом с ним никого не было. Он стоял один на краю крыши, над сожженным городом, над полными ужаса воплями, над мертвым Архипом. От рук пахло гнилью и кровью. Тучи рассеивались, обнажая бледное небо, обещавшее очередной день, как две капли воды похожий на предыдущий. Мир снова погружался в сон.

– Пошел нахер, – сказал Джерри в пустоту. – Пидор.

Прежде, чем прыгнуть, он вытер со щек слезы.

Ничего страшного, Хали не обмелеет.

Максим Кабир

РЕЧНОЙ-3

Впервые Тимур Строев увидел Речной-3 в конце восьмидесятых. Ему исполнилось восемь, недавно его семья поменяла место жительства. Не вся семья, отец остался в центре, они же с матерью и сестрой переехали на окраину Красного Лога. Жилым массивом Речной-2 заканчивался город. Микрорайон был тусклым, мрачным и опасным. Насколько опасным, Тимур узнал чуть позже.

Восьмой день рождения он отмечал без друзей, с младшей сестрой Мариной и мамой. Ушёл спать, не дождавшись отца. В новой спальне мальчик лежал, рассматривая потолок. Комнату заливал, мешая уснуть, лунный свет. Тимур встал с кровати, чтобы задёрнуть шторы. Девятиэтажный дом выходил окнами на небольшую речушку, дальше были лишь поля. Но не этой ночью. Освещённый полной луной, необычайно яркой и яростной, за рекой отчётливо вырисовывался микрорайон, которого там не было на самом деле. Вместо низменности, поросшей сорной травой, Тимур видел мираж, будто зеркальное отражение Речного-2. К безоблачному ночному небу поднимались тёмные силуэты высотных домов, странно мерцали жёлтые окна, похожие на кошачьи глаза.

Тимуру стало не по себе, он понимал, что нельзя построить целый квартал за несколько часов, это поняла бы даже дурочка Марина.

Он хлыстнул шторами и попятился к кровати. По какой-то причине он боялся поворачиваться спиной к жёлтым внимательным зрачкам, прожигающим хрупкое

стекло и ткань, стремящимся заглянуть в спальню к имениннику.

В начале девяностых на Речной-2 обрушилась эпидемия наркомании и бандитизма. Проблема общая для рабочих окраин пост-советских городов. Но кроме того, в Речном пропадали дети. Много детей – их фотографии облепили конус станции метротрама, тупиковой станции. Ни одного не нашли. Родители, потеряв надежду, покидали микрорайон, и дождь ночами теребил выцветшие листья, трогал мокрыми пальцами тускнеющие личики, как обезумевшая мать.

Иногда люди старшего поколения кидали обеспокоенные взгляды на противоположный берег реки, но ведь там ничего не было, только поля.

Некоторые знали. Они, эти некоторые, никогда бы не пошли в милицию, не высказали бы свои подозрения даже шёпотом.

Однажды десятилетний Тимур гулял у реки. Стоял август, каникулы подходили к концу. В нагретом воздухе носились разноцветные бабочки, их пытались тщетно ловить Тимур и его школьный приятель Коля. За игрой они не заметили, как отошли далеко от пляжа и углубились в заросли рогоза. Берег здесь был заболочен, кусты оглашались жабым кваканьем, и душно пахли плесенью.

Человек вышел из рогоза, худой и высокий, как стебли. Было в нём что-то неправильное, отталкивающее. Неуловимо чужое. И в то же время Тимур поймал себя на мысли, что не может отвести от незнакомца глаз. Даже моргнуть не может. Он смотрел на человека минуту, но запомнил лишь общие детали: мокрую одежду, стекающий

с удлинённый кистей ил. Бледное лицо. Лысую яйцевидную голову. Жёлтые зрачки, пульсирующие, словно окна привидевшихся когда-то домов.

Человек приближался. Так думал Тимур, на самом же деле это они с Колей приближались к человеку, шли на негнущихся ногах, шажок за шажком, к жёлтым неумолимым зрачкам, к огромному рту, чёрной распахнувшейся дыре...

Кто знает, что случилось бы, не появившись на берегу старичок с удочками, крепкий ещё дядька в камуфляжных штанах. Возможно, Тимур с Колей превратились бы в фотографии на внешней стене станции подземного трамвая, стали бы частью тайны, окутывавшей микрорайон.

Рыбак трёхпало свистнул, и наваждение схлынуло, бабочки запорхали в августовском воздухе, вернулось солнце и запахи реки, и кваканье. Дети удивлённо оглядывались, тёрли лбы, искали ответы. Ответов не было, исчез без следа и лысый незнакомец.

— Ишь ты, чертяка, — ворчливо сказал старик, — Уже среди белого дня заявляется. Не сидится им в своём чертовнике, гадам.

Мозолистый кулак погрозил кустам. В этот момент Тимур подумал, что человек с чёрным ртом, если бы захотел, мог разорвать рыбака на части, пожрать его, слизать, не оставив и фотографии.

«Видно, он был сыт», — решил мальчик.

Коле он ничего не сказал. Они вообще не обсудили случившееся, просто расстались у школы, разбрелись по своим дворам. Коле повезло, через год он уехал в другой город. Тимур остался в квартире, выходящей окнами на реку и поле. А иногда, лунными ночами — на Речной-3.

После девятого класса Тимур бросил школу и поступил в ПТУ. Учился он плохо и всё время проводил во дворе, монотонно метая нож в ствол старого клёна. Появились новые друзья, дёрганые, с мутными глазами и повадками потенциальных зеков. Сам Тимур наркотики не употреблял, разве что покуривал травку иногда. Но без фанатизма. Зелье расслабляло, он же стремился быть собранным, готовым принимать любые удары. Удары не заставляли себя ждать. Часто на Речной совершали набеги пацаны из близлежащих кварталов. Дрались за девочек, за территорию. Отчаянно, как выросшие в подъездах полуголодные волчата. Использовали цепи, отвёртки, взрывпакеты из трамвайных предохранителей. В одной из драк Тимур едва не потерял глаз. Багровый шрам приклеился к щеке, как шнурок.

В семнадцать лет он устроился плотником в небольшое похоронное бюро. Идеальная работа для угрюмого, нескладного подростка. Мать плакала по ночам, он бил ногой в стену, разделяющую их комнаты, скрипел зубами от неизбывной злости на жизнь, такой сильной, какую способны испытывать лишь семнадцатилетние.

Попятницам он ходил на дискотеку в кафе, прозванное в народе «Зелёной». Здесь можно было попрыгать под шум из кашляющих колонок, подцепить девчонку и истечь кровью от молниеносного укуса безжалостной заточки. Тимур не танцевал. Он сидел в углу, мысленно метая в пол ножи, ожидая. Чего? Той самой заточки, возможно, что прервёт его бессмысленное тягостное существование.

Октябрьским вечером в «Зелёнке» было малолюдно, и он сразу приметил её. Девушка не из местных, ровесница Тимура, стояла у противоположной стены, чуть покачиваясь

в такт музыке. Лёгкие, почти незаметные движения, но в них было столько грации и чуждой Речному красоты, что Тимур невольно залюбовался.

Модная мини-юбка и облегающая кофточка отлично смотрелись на стройной фигуре, оставляя открытыми длинные ноги. Густые каштановые волосы были зачёсаны набок, и Тимуру пришла в голову совершенно новая для него мысль: «Интересно, чем пахнут её волнистые локоны?»

Грянул «Скутер». В ритм рейву забилося сердце Тимура, когда он увидел Пашу Кихаева, развязной походкой приближающегося к незнакомке. Глазки сально ощупывают, толстые губы произносят двусмысленный комплимент. В следующий миг ладошка незнакомки взлетела в воздух и обжигаяще шлёпнулась на щёку Кихаеву. Тот отпрянул, изумлённый. Посетители, точно шакалы, предчувствующие кровь, вытянули шеи, облизались.

Кихаев издал рычащий звук, схватил обидчицу за плечо, грубо, без скидок. Она же вперила в него бесстрашный взгляд, хлеще пощёчины.

— Ах ты, сука!

Замах кулака.

— Стоять!

Тимур перехватил руку Паши, оттолкнул его.

— Хватит.

— Ты чо, — Кихаев замахнулся повторно, уже на миротворца, но узнал в нём гроботёса Строева. Кулак медленно разжался.

— Тимка, ты? Мля, эт-чо, твоя баба?

— Моя, — ответ холодный, но внутри у Тимура запылал

ОГОНЬ.

– Так следи за ней, – ворчливо, но без прежней злобы, сказал Паша.

Зеваки обижено разбрелись.

– Ты как? – Тимур повернулся к шатенке. Сердце, пульсирующее под «Скутер», на секунду сбилось с ритма. Лицо девушки, прелестное лицо с тонким ртом и синими арктическими глазами, имело один изъян. От уголка рта до нижнего века расплескалось родимое пятно, цвета чайной розы. Он готов был поклясться, что встречал пятно такой же формы раньше, хотя красивая девушка была ему совершенно незнакома.

– Спасибо, – сказала шатенка, – Он бы мне врезал, да?

– Сто пудово.

Девушка смотрела на Тимура улыбающимися бездонными глазами.

– Потанцуем? – предложил он, изумившись собственным словам. Облегчённо вздохнул, когда она ответила:

– Давай лучше выйдем, прогуляемся.

Снаружи Тимур набросил на плечи девушки свою спортивную курточку и зарделся ещё сильнее. Октябрьский ветер обдавал прохладой, но не избавлял от внутреннего пламени.

– Тимка, – представился он.

– Силена, – произнесла шатенка.

– Врёшь.

– Паспорт показать?

– Я что, на милиционера похож?

– Не очень.

За дискотекой располагалась спортплощадка, и они присели на врытые в землю покрышки, друг напротив друга. Близость девушки с удивительным именем Силена заставляла нервничать. До этого дня отношения Тимура с прекрасным полом ограничивались пьяными поцелуями со Светкой Приходько.

Он подумал, что девушку нужно развлекать, и продемонстрировал отсутствие мизинца на левой руке. Силена взяла его кисть в свою тёплую руку, погладила оставшийся фаланг.

– Фуганком отрезал.

– Красиво, – искренне сказала Силена, – А это?

Тонкие пальчики скользнули по его щеке, как бабочки.

Он объяснил про драку годичной давности и велосипедную цепь, едва не лишившую его глаза. Она слушала, затаив дыхание, а он говорил и говорил, изумляясь, как много слов томилось внутри, как много невысказанного. Точно из тюрьмы молчаливой угрюмости вылетали взбунтовавшиеся слова.

Потом он провожал Силену к метро, и её рука лежала у него на локте, отвлекая.

– Ты, наверное, в центре живёшь?

– Что ты, я близко живу. Одна станция отсюда.

– Парковая, – кивнул он, и подумал, что будет драться с каждым из парковых пацанов за право гулять с ней.

– Нет. В другую сторону.

Тимур вскинул брови.

– Шутишь, да? В другую сторону станций нет.

– Есть, – сказала она без тени юмора в голосе, – Разве не слышал про Речной-3?

Он запнулся. В памяти всплыл далёкий августовский день, огромный рот с чёрными дёснами, жёлтые мерцающие окна.

– Это же байка, – выдавил он, – Детские сказочки.

– А ты был на том берегу? – её глаза странно блеснули, словно лёд отразил солнечные лучи, -- Неужели никогда не хотелось переплыть реку и посмотреть, что за ней?

– За ней поля, – заявил Тимур уверенно, – Мои окна выходят туда.

Она пожала плечами, будто говорила: «на нет – и суда нет». У станции она вернула ему куртку.

– Ну, я пошла?

– Мы ещё увидимся?

– Если захочешь. Пятый дом, восьмая квартира. Сегодня впервые к вам приехала, а так я всегда дома.

Силена наклонила голову, и Тимур сообразил, что она ждёт поцелуя. Он коснулся губами родимого пятна. Кожа в этом месте была бархатистой и нежной.

– Ты не сказала, на какой улице.

– Сказала.

И она пошла к станции, манящая, лёгкая...

– Я приплыву! – крикнул он вслед, сам не зная, подыгрывает шутке, или говорит правду.

Она оглянулась, лицо её озарила улыбка:

– Зачем плыть-то? В двадцать три ходит поезд.

Силена исчезла, и он посмотрел на наручные часы. Циферблат показывал двадцать два пятьдесят пять. Тимур перевёл взгляд на поля, виднеющиеся за рекой.

«А ведь странно, что никто из нас в детстве не пытался туда попасть».

– Слышал байки про несуществующий микрорайон?

Дядя Гриша, плотник, сплюнул в ладонь гвозди, которыми крепил обивку к гробу. Воззрился озадаченно на коллегу.

– Я думал, у тебя вообще языка нет.

Тимур пропустил его фразу мимо ушей.

Плотник вернулся к работе, но, после нескольких ударов молотка, сказал:

– Ты про Речной-3?

– Да, – равнодушно буркнул Тимур.

– А тебе зачем?

– Книгу пишу.

– Книгу, – дядя Гриша усмехнулся, показав пеньки сгнивших зубов, – Речной-3 – проект такой был. Хотели три одинаковых спальных района построить. Туннель копать начали на другой берег, но забросили. Что-то у них там случилось, под рекой, метростроевцы погибли, человек десять. Исчезли в каких-то подземных пустотах. При совке-то скрывали всё, никто правду не сказал. Ну, в итоге третий район остался на бумагах. Когда я сюда переехал, шутка такая ходила. Если кто пёрднул и не признался, говорят, это с Речного-3 приезжали и набздели.

Дядя Гриша расхохотался, закашлялся. Тимур подождал, пока утихнет приступ.

– Ты же рыбак, да?

– А то! В субботу с ночёвкой ездил. Щас расскажу, закачаешься. Сижу я, короче, в лодке...

Тимур перебил:

– А на том берегу ты рыбачил? Там ведь камыша меньше, людей. Был там вообще хоть раз?

Дядя Гриша почесал затылок трёхпалой рукой.

– Был... хотя, нет, не был. А нахрена? Чего мне делать-то там? Писатель Пушкин, чего ты вопросы дурацкие задаёшь?

Тимур промолчал. Зачиркал стамеской по древесине. Мысли витали далеко, и когда крышка гроба была готова, пришло озарение.

Мать удивилась, увидев его дома засветло.

– К чему бы это? Дружки все передохли?

Он был слишком погружён в раздумья, чтобы ответить на колкость.

Мать встала в дверях, наблюдая, как он обшаривает сервант.

– Потерял что-то? Совесть ищешь? Нет её там. Ты зарплату в дом приносить будешь? Я все деньги потратила, чтоб морду твою наглуую заштопать, Маринке ходить не в чем, стыдно перед соседями. Куда магнитофон дел, скотина?

На шум пришла сестра. Стуча об пол китайским мячом-попрыгуном, она встала за матерью. Марина постоянно чем-то шумела: мячом, трещащей игрушкой-радугой, хлопающими пузырями жвачки, велосипедом «Школьник», и кажется, только Тимур сходил с ума от непрерывных сестриных звуков.

– Магнитофон у Лёши, дал полетать.

– Мозги ты свои полетать дал.

Сестра засмеялась, прикрыла рот рукой.

– Ну, что ищешь-то? Помогу хоть.

– Оставьте меня в покое, – отчеканил Тимур, перебирая свои школьные тетради и альбомы.

Мать, ворча, удалилась на кухню, сестра последовала

за ней мерзкой прилипалой.

Альбом с фотографиями нашёлся под грудой календарей «Сад и огород».

Тимур принялся переворачивать толстые картонные страницы, шуршащую кальку. Вот отец перед отправкой в Афганистан, вот он же, усатый, красивый, обнимает маленького Тимку. Новый год, Тимка заглядывает в коляску с новорождённой сестричкой. Вся семья на фоне кинотеатра. Неожиданно вспомнилось, что ходили смотреть «Укол зонтиком» с Пьером Решаром. Мамин заливистый смех, заставляющий папу смеяться сильнее, чем шутки из фильма...

Папа исчез с фотографий к середине альбома. Нужная фотка нашлась в конце.

Тимур выскреб её из фотоуголков и выбежал на кухню. Мама жарила котлеты. Маринка сидела тут же, невообразимо громко перемешивая в стакане персиковый порошок.

– Кто это? – Тимур бросил маме снимок.

Та вытерла руки о передник, приподняла на лоб очки. Всмотрелась в детские лица.

– Твой класс, конечно. Четвёртый. Вон Лидия Тимофеевна, царствие ей небесное. Вон ты в последнем ряду. Гляди, какая у тебя причёска хорошая была, как у человека. Нет же, бритый ходит, вылитый бандит...

Тимур ткнул пальцем в девочку, стоящую рядом с классным руководителем. Каштановые волосы, гигантские белые банты, коричневая форма.

– Это кто, с родимым пятном на щеке?

У мамы была потрясающая память, и сейчас она с лёгкостью отыскала имя. Но не Силена, как ожидал

Тимур. Хотя без сомнения, на фото была запечатлена его вчерашняя спутница.

– Алла Руднева, – уверенно сказала мама, – Точно, Аллочка.

Тимур сел, налил в блюдо подсолнечное масло, посолил и окунул в него хлеб. Прожевав, спросил с деланным безразличием:

– Почему я её не помню?

– Так ведь она всего один год с вами училась.

Марина улыбнулась выкрашенными в «Зуко» губами:

– Любовь твоя, да?

– Пасть закрой, – шикнул Тимур и опередил мамино недовольство вопросом: – Она, что не местная была?

– Местная. У стадиона, по-моему, Рудневы жили. Она же пропала без вести. Горе такое. Пошла гулять и не вернулась. Десять лет бедняжке было. А ты почему интересуешься?

– Да так.

Он встал из-за стола.

– Пообедал, называется? А ну, быстро, котлету съел! Бестолочь!

– Собакам отдай.

В спальне он вытряхнул из томика Дюма пригоршню рублей. Маловато, но на одно свидание хватит. Маринка заглянула в комнату, звеня готовальной с циркулями. Он сжал кулаки. Почему эту шумную тварь не похитят, как прочих детей?

– А мы с мамой съедем, – сообщила сестра доверительно, – К тёте Вале. Без тебя. Тут работы нет. Только гробики делать и можно. Мама говорит, тебя всё

равно зарежут скоро. Или сопьёшься, как остальные.

– Скатертью дорога, – тихо сказал Тимур, хлопая входными дверями.

На улице вечерело, молодёжь сходилась во дворы и детские садики, чтобы выпить псевдо-голландский спирт или плодово-ягодное пойло. Звучал смех, перебиваемый хитами «Сектора Газа». Детвора палила по голубям из шпоночных рогаток.

Рядом со станцией находился холм, увенчанный гаубицей времён Второй Мировой. Когда между микрорайонами началась война, Тимур с пацанами повернули двухтонную махину стволом к Парковой. Мол, перчатка брошена.

Возле пушки Тимур и расположился. Лениво метая в землю складной нож, он то и дело поглядывал на купол станции. Перегон Парковая-Речная-2 был наземным, с холма Тимур хорошо различал служебные пути, выходящие с восточной стороны купола. Рельсы сворачивали к коробкам депо и ремонтным мастерским. Как говорится, поезд дальше не идёт. Ни в двадцать три, ни в другое время.

– Что за бред? – пробормотал Тимур, – Она же развела меня.

Он извлёк из кармана сложенную вдвое фотографию. Прикоснулся к детскому лицу с розовой кляксой.

В половине одиннадцатого Тимур вошёл в вестибюль станции. Метро привычно пахло гидроизоляционной пропиткой и креозотом. Он устроился на лавочке, наблюдая за людьми. Представлял, какого размера гробы понадобятся для того или иного человека. Чьи семьи отвалят кругленькую сумму за ящик, а чьи предпочтут

сэкономить на похоронах.

Стрелки подвешенных под потолком часов ковыляли к одиннадцати.

Состав прибыл без опозданий. Самый обычный поезд с плоской мордочкой и круглыми глазищами фар. Синезелёный, а вовсе не чёрный-пречёрный. Поезд выпустил пассажиров, но медлил отправляться в металлическую люльку.

Тимур встал и подошёл к открытым дверям пустого вагона.

«Меня просто выгонят оттуда», – подумал он.

Поезд загудел, и Тимур сделал шаг в его нутро. Двери закрылись, отрезая обратный путь. Состав тронулся.

«Ну что ж, – решил Тимур, хватаясь за поручни, – Хотя бы побываю в депо».

И поезд въехал в туннель.

Сначала за окнами царила абсолютная темнота. Потом он разглядел рыжую стену подземки в потёках воды, змеящиеся кабели, глубокие трещины. Запах ила проник в вагон, наполнил ноздри. Тимур крепче стиснул поручень, чувствуя себя посетителем рискованного аттракциона.

Поездка длилась три минуты – ровно столько, сколько нужно, чтобы преодолеть реку, которую легко переплыть, да никто никогда не переплывал. По крайней мере, с этого берега.

Медленно и величественно поезд выехал из туннеля. Распахнулись двери. Тимур шагнул на платформу и очарованно завертел головой. Станция находилась ниже уровня земли, о чём свидетельствовала высокая, уходящая вверх лестница. Лампы в плафонах давали скудное

освещение. Тьма сгущалась в углах и подкупольном пространстве, где-то журчала вода, но следы запустения отсутствовали. Тимур постучал по колонне, убеждаясь, что перед ним не мираж. Ощутил холодное, шершавое, настоящее.

Поезд не двигался. Головной вагон погрузился в продолжение туннеля, и темнота спрятала таинственного машиниста.

Тимур прошёл вдоль состава. Шаги отдавался гулким эхом. Он стал взбираться по лестнице, выше и выше. Навстречу двум фигурам, замершим у турникетов.

Никто в Речном не посмел бы назвать Тимку Гроботёса трусом. Окрестные пацаны уважали и опасались его. И сейчас, поднимаясь по ступеням, он контролировал каждый мускул, готовый бежать, а если надо, сражаться. Но капля холодного пота всё же скатилась по его пояснице.

Две пары глаз уставились на гостя. Во взглядах сквозила неприкрытая враждебность. Женщина, судя по одежде, дежурная или диспетчер, куталась в шерстяной платок, так что открытой оставалась лишь верхняя часть лица. Бровей не было, надбровные дуги полукругом нависали над глазами впдинами.

Человек в милицейской форме был именно «человеком в милицейской форме», а вовсе не настоящим милиционером. Одежда висела на нём, как на огородном пугале, фуражка норовила соскочить с яйцевидного лысого черепа. Кожу мужчины покрывал тонкий слой лоснящейся слизи. Рот представлял собой широкую складку плоти, и Тимур не хотел знать, что она скрывает.

Лже-милиционер живо воскресил в памяти встречу с великаном из рогоза.

Тимур, как ни в чём не бывало, прошёл мимо парочки. Его не остановили.

Стену слева украшал барельеф. Он успел заметить счастливых пионеров, марширующих за высокой безобразной фигурой. Понимая, что парочка провожает его взглядами, он не стал задерживаться у стены. Распахнул створки дверей и очутился на улице.

Озарённые полной луной, перед ним высились новостройки, те самые, из далёкого детства. Монолиты темноты, притворяющиеся панельными домами. Ни в одном окне не горел свет.

Тимур повернулся к станции. Гранитные буквы над входом гласили: «РЕЧНОЙ-3».

«Добро пожаловать», – мрачно подумал Тимур и зашагал по аллее.

Тишина давила на барабанные перепонки. Лай собак, пьяные выкрики, музыка остались на том берегу. Он один был источником звука: дышал, точно к диафрагме подключили усилители, топал слоновьими ногами по плитам. Столько шума не издавала и Маринка в минуты вдохновения.

Пейзаж был самым обычным. Тропинка, ведущая между домами, гаражи-ракушки, голые деревья, электрические будки с «невходитьубьёт», ржавая карусель....

И всё же Тимура не оставляло ощущение, что он ходит среди декораций, что вещи вокруг нефункциональны, а лишь кажутся таковыми.

«Речной- 3, 22» – прочитал он адрес на здании. Первый этаж дома был выделен под гастрономом, здесь же висела табличка: «ГЛААКИ».

Резкий шум выпотрошил тишину. Пронзительный писк невидимой гигантской мыши донёлся издалека, струной натянулся в воздухе, и сошёл на нет. Тимур завертелся, ожидая удара в спину, но микрорайон вновь укрылся мхом тишины. Словно истощный писк почудился ему.

Двери «ГЛААКИ» были приглашающе открыты.

«Вы меня не напугаете», – сказал Тимур кому-то и вошёл в магазин.

Эффект нормальности присутствовал в полной мере. Овощной отдел, колбасный, кондитерский, соки и воды. Но чем дольше гулял Тимур по безлюдному магазину, тем больше странностей замечал. Львиная доля товара была порченной. Капуста завяла, картошка зацвела, от прилавка с колбасами исходил характерный сладковатый аромат. Холодильники то ли выключены, то ли сломаны, бутылочки с лимонадом покрылись пылью. Алкогольная и табачная продукция отсутствовала. Зато было много сладостей. Сваленные в кучу пастила, зефир, вафли, батончики «Tupla», «Wispa», сушёные бананы.

Тимуру пришла в голову мысль, что всё это украли или подобрали на помойке, прежде чем принести сюда.

– Тебе чего?

Продавщица, выползшая из подсобного помещения, застала его врасплох. Она напоминала жабу, которую малолетки надули воздухом через соломинку. А ещё она могла быть родственницей лже-милиционеру и лже-дистпечерше. Такие же глубоко посаженные глаза под гладкими надбровными дугами, складки плоти вместо губ, такой же влажный блеск кожи. Прозрачная плёнка киселя покрывала жабье лицо, и руки, поправляющий парик.

– Как ты тут оказался?

Она смотрела на посетителя так, будто он был облезлым котом, забредшим в порядочное заведение.

– Я здесь по делам, – не моргнув, ответил Тимур, и добавил: – Есть

портвейн? «Три топора» или вроде того?

Кожистые складки рта расползлись в ухмылке.

– Вот оно что! Вот что за дела!

Голос продавщицы чавкал, как болото с кикиморами.

Она наклонилась, пошарила под прилавком. Извлекла пыльную бутылку с чернильно-чёрным содержимым без этикетки. Наличие этикетки не имело никакого значения для парней с окраин, но вот глиняная пробка Тимура озадачила.

Он высыпал на стол мелочь и пару мятых купюр. Цена за ординарный суррогат продавщицу устроила.

Она сгребла деньги и произнесла:

– Не заблудись, Орфейчик.

Выйдя из магазина, Тимур взглянул на часы. Циферблат «Электроники» был пуст. Он встряхнул запястьем, нажал на кнопки – тщетно. Луна ехидно скалилась с небес, микрорайон по-прежнему безмолвствовал. Тимур поспешил по тропинке, читая таблички: дом 16, дом 14, дом 12...

Пройдя арку, он очутился в замкнутом кольце новостроек. Посредине располагалась детская площадка, пара турников, кривая горка. На краю песочницы сидела маленькая девочка в белых колготках и дутой куртке. Лицо её пряталось в тени.

Тимур приблизился к девочке, мысленно рисуя её обличье: без бровей и волос, с мокрой кожей и широкой

полоской уродливого рта. Но луна осветила песочницу, и он разглядел миленькое личико, детские глаза, полные слёз. Малышка лет девяти наматывала на пальчик проволоку и всхлипывала.

– Почему ты одна? – спросил Тимур осторожно. – Что случилось?

Девочка утёрла слёзы кулачком и посмотрела на незнакомца. В её зелёных глазах он увидел проблеск надежды.

– Ты поможешь мне?

– Конечно. Разреши.

Тимур деликатно забрал у девочки проволоку. Она не сопротивлялась. Конец проволочного мотка крепился к изогнутой спице, уколотся ею было проще простого. Он отбросил опасный предмет в темноту:

– Это не игрушки. – сказал он, и присел на корточки рядом с песочницей, – Я помогу тебя.

Девочка улыбнулась робко.

– Мой пёсик сбежал. Его надо поймать.

Тимур подумал, что несколько минут назад слышал тихий собачий скулёрж, доносящийся из кустов. Первый звук после кваканья продавщицы и жутковатого писка.

– Я найду пёсика, но ты пойдёшь со мной.

– Он рыжий, – вздохнула девочка, – Мне его папа привёз с того берега. Я хотела играть с ним. Я хотела, чтоб он был моим другом.

– Я буду твоим другом, – Тимур положил руку на плечо малышке. Она больше не плакала, а улыбалась, рассматривая свои пальчики.

– Папа дал мне железную ниточку, – доверительно пролепетала она, – Я хотела зашить пёсику ротик и глаза,

и проколоть бара... барабанные перепонки. Но он убежал от меня...

Тимур отпрянул. Его поразили не столько слова девочки, сколько дьявольский блеск, загоревшийся в её глазах. Настроение ребёнка изменилось, как меняется картинка на стереооткрытке. Тимур передумал быть другом для неё.

– Ты сможешь вернуть пёсика? – девочка глядела снизу-вверх, ухмыляясь.

– Я не...

Писк, высокий, звенящий, выворачивающий наизнанку, прервал его. Одновременно вспыхнуло окно на пятом этаже дома, жёлтое окно. Невыносимо громкий звук летел из распахнувшейся форточки.

Девочка вскочила, радостно захлопала в ладоши:

– Это мой папа! – сказала она и помчалась к подъезду завизжавшей высотки, – Мне надо покормить папу!

Тимур заткнул уши и наблюдал, как девочка скрывается в недрах дома. Прошла целая вечность, прежде чем писк затих. Свечение погасло, и дом погрузился в сытую тьму.

«Я не отступлю», – сказал себе Тимур.

Конечная цель, дом №5, отыскался в примыкающем дворе. Тимур вычислил нужную квартиру, но сперва откупорил бутылку и сделал глоток. Портвейн был сладким и дорогим на вкус. Ничего общего с «топорами» или «Агдамом». Густая жидкость разлилась по венам, добавила уверенности. Он сложил ладони рупором, позвал:

– Силена! Силена, это я!

Окно на втором этаже приоткрылось, и он услышал:

– Я сейчас!

Её голос. Без сомнений, её.

Она выпорхнула из подъезда спустя минуту. Та же одежда, тот же пьянящий запах. Бросилась в его объятия, поцеловала. Мягкие девичьи губы слились с его губами, и сердце Тимура ускорило бег.

– Я боялась, ты не придёшь.

Она нежно коснулась шрама на его щеке. Он перехватил её руку. Мизинец Силены, вернее, фаланга, оставшаяся от мизинца, была перебинтована.

– Кто это сделал? – прохрипел он.

Силена отвела взор.

– Ерунда...

– Ерунда? У тебя нет пальца!

– Я не должна была идти на дискотеку. – произнесла Силена печально, – Мама послала меня найти братика или сестричку. Я стала слишком старой, чтобы кормить маму. Мама пересыхает, ей нужны новые детки. Я глупая, я никого не привела, и мама узнала про танцы...

Пока она говорила, Тимур жарко целовал её изуродованную кисть.

– Мама сказала, чтобы я сама выбрала наказание. Я попросила отрезать мизинец, чтобы быть как ты.... Теперь мы похожи, правда?

– Она тебе не мама, – прошептал Тимур, – Она... монстр!

– Не смей! – замотала головой Силена, – Не надо...

– Что это за место? Кто эти люди?

– Родители, – ответила Силена с преданностью и восхищением, – Последние праведники. Дети Отца Дагона и Матери Гидры. Те, кто вылизывают полную луну, чтобы она блестела. Кормящиеся из города Между.

Он заставил её отпить из бутылки. Насильно влил в горло густую сладость. Она закашлялась:

– Тимка, мне нельзя.

– Теперь тебе всё можно. Ты пойдёшь со мной. Убежим отсюда, убежим из Речного, из всех Речных.... Будем жить в деревне, далеко, вместе...

Она улыбалась непонимающе:

– Бросить маму? Предать её? Тимка, о чём ты?..

Знакомый визг хлестнул по спящему двору. Свихнувшаяся сирена выла из окон второго этажа. Силена затравленно оглянулась. Жёлтое мерцание призывало её.

– Мама проголодалась! – крикнула она, заглушаемая надрывным требующим голодным рёвом, – Уходи! Я совершила глупость! Я знала, ты не так поймёшь...

Она кинулась к подъезду.

– Алла!

Девушка застыла у входа, как соляной столб.

– Алла Руднева!

Он подошёл к ней, заставил повернуться. Поднёс к её лицу групповую фотографию.

– Это я, смотри! А это ты! Алла Руднева! Алла Руднева!

Сирена сводила с ума, вкручивалась в уши дрелью. Мешала думать. Но что-то промелькнуло в синих глазах Аллы-Силены.

Она нехотя оторвалась от снимка, отступила в темноту подъезда.

– Кормить, – отрывисто произнесла она, – М-маму...

Он обхватил голову руками, умоляя, чтобы наступила тишина. Визг прекратился, оставив липкий шлейф эха. Свечение в окне погасло.

— Она моя! — сказал Тимур притихшему микрорайону. Сказал так, словно повернул гаубицу стволом в рожу Речному-3.

И вошёл во чрево подъезда. Пробираясь сквозь тьму, перепрыгивая ступени, он достиг второго этажа и увидел приоткрытую дверь. Из щели лился жёлтый свет, не такой яркий и голодный, как прежде, но он помогал различать дорогу.

Тимур шагнул в квартиру, миновал коридор и оказался лицом к лицу с источником свечения. С мамой.

Она была в два раза крупнее тех, кого он встретил в Речном-3 сегодня. И имела ещё меньше сходств с человеком. Лысый череп раскачивался взад-вперёд, разбухшая туша едва уместалась на диване. Белые груди подрагивали и лоснились. Свет источала кожа, точнее, слизь, выделяющаяся из пор, а также жёлтые глаза, наполовину закатившиеся под веки. Рот твари был открыт, из него свисали языки, целая гроздь толстых мышц, они двигались, переплетались жгутами, липкие щупальца, покрытые крошечными сосочками.

Потрясённый, Тимур не сразу увидел Аллу. Она сидела на полу, привалившись к толстым ногам матери, её голова была откинута на шишковатые колени, волосы, обычно зачёсанные направо, сбились в другую сторону.

Под волосами зияла дыра. Кусок височной кости отсутствовал и в страшной прямоугольной полынне пульсировал голый мозг, серый и сырой.

Языки трогали его, деловито сновали по поверхности, облизывали, впитывали, выискивали что-то в бороздках, проникали вглубь. Но не убивали. Алла была жива, её зрачки закатились, как и у жирного чудовища, воздух

судорожно вырывался из лёгких.

– Хватит! – заорал Тимур во всё горло и швырнул в кормящуюся тварь початой бутылкой. Стекло раскололось, портвейн залил гладкую морду. Языки резко втянулись в пасть. Жёлтые, полные ненависти, глаза, уставились на Тимура.

– Орфей, – прошипела тварь, отталкивая несчастную Аллу. С невероятной для её пропорций ловкостью, мама соскочила с кровати. – Во имя Дагона и Матери Гидры, ты сдохнешь!

Короткие лапы в складках шкуры потянулись к Тимуру. Он опередил существо.

Нож, посланный отработанным движением, впился в переносицу монстра. Рукоять затрепетала между ядовитых, постепенно угасающих глазок. Тварь покачнулась и тяжело рухнула на пол.

Тимур перескочил через тушу:

– Алла!

Она разлепила веки, сонно посмотрела на него. Обнажённый, не отличимый от говяжьего, её мозг покрылся испариной, как росой. Тимур пытался не думать об этом.

– Ты сможешь идти? – задал он глупый вопрос девушке с трепанированным черепом. Но она кивнула:

– Могу.

И сказала, схватив его за локоть:

– Лидия Тимофеевна...

Он посчитал, что она бредит, но в подъезде его осенило:

– Лидия Тимофеевна! Наш классный руководитель! Ты вспомнила!

Она слабо улыбнулась.

Поддерживая Аллу, Тимур вышел на улицу. Луна зорко следила за беглецами, не упускала из виду. Насмехалась. Тимур подумал: «Как там Силена назвала тварей? Те, кто вылизывают полную луну, как-то так. Дети Гидры...»

Он старался идти тихо, боясь потревожить микрорайон. Словно продирался через вольер с дремлющим хищным зверем.

Ноги спутницы заплетались, волосы прилипли к содержимому черепной коробки, голова безвольно падала на грудь. Во дворе, где Тимур встретил девочку, потерявшую пёсика, Алла окончательно лишилась сил. Он подхватил её на руки. Понёс хрупкое тело к тёмной арке.

Чёрные монолиты высоток внезапно потеряли очертания, поплыли. В них, как на засвеченной киноплёнке, расплзались светлые дыры, появлялись сквозные червоточины. Дома таяли, лишались форм. Плиты под ногами стали прозрачными, и Тимур увидел примятую сухую траву. Увидел реку прямо за испаряющимся зданием.

Боль ослепила Тимура. Невыносимая боль выкрутила щеку винтом. Он закричал, но Силена снова вонзила зубы в его лицо, в шрам, оставленный цепью паркового пацана давным-давно. Она жевала мясо остервенело, и даже когда он выпустил её, она повисла, удерживаясь зубами за рвущуюся кровоточащую щеку. Он оттолкнул её. Силена распласталась на асфальте, красные губы дрожали от ярости.

– Ты убил мою мать, – прошептала Силены, – Кто теперь захочет кормиться мной?

Тимур потянулся к девушке:

– Нет, Алла, нет!

Она завизжала. И дома ответили. Дома завизжали в унисон. Одновременно вспыхнули все окна. Речной-3 проснулся. Сотни прожорливых глоток исторгли крик, соединившийся в звуковом торнадо.

Из жёлтого света полезли бледные твари, родители, дети Дагона и Гидры. Они ползли по отвесным стенам, прыгали вниз, вертели головами. Они нюхали воздух. Выблёвывали извивающиеся щупальца. Языки лакали землю, розовыми бородами стекали с подбородков.

– Убийца здесь! – крикнула Силена и указала на Тимура.

Он попятился. Прочь от дикого блеска её синих глаз. Он побежал.

За спиной ревела озверевшая стая, зловонное дыхание погони обжигало затылок. И не было старого рыбака, который бы свистнул, отогнал бы речников.

Тимур перепрыгнул через ограду, пересёк школьный двор, где детей учили... чему? Лучше не думать об этом.

Река плескалась за забором из рабицы. Он вскарабкался по сетке и очутился на пляже. Подошёл вплотную к воде. Он увидел на противоположном берегу потрясающий мираж, коробки панельных высоток, его родной микрорайон. Он увидел собственный дом и отыскал своё окно. Маринка, вредная, шумная, глупая, конечно, спала. Но в маминой комнате горел свет. Что она делает так поздно? Собирает вещи, чтобы уехать из Речного? Тимур надеялся, собирает.

Он посмотрел через плечо. Стая уже взбиралась по забору, хлестали языки, пылали глаза.

У него в запасе было секунд десять.

Он потратил их на то, чтобы ещё раз увидеть окно
материнской спальни. Бесконечно далёкий огонёк.

И когда они навалились сзади, Тимур не зажмурился.

Александр Подольский ТВАРИ ИЗ НИЖНЕГО ГОРОДА

*Вниз взглянула рыбьим оком
Недовольная Луна —
Там, тумана поволокой
Город скрыт, в объятьях сна
Пребывает безмятежный,
Спят спокойно млад и стар.
Только нет уже надежды —
От прибрежных чёрных скал
Рыбы движутся отрядом,
Позабыв извечный страх,
Человек, не жди пощады —
Кровь сверкает на зубах.
Этой ночью вышли рыбы
Человечье мясо есть,
В эту ночь познают рыбы
Что такое злая месть.
«Человек хорош покойным» —
Приговор у рыб таков...
А пока что спит спокойно
Мирный город рыбаков.*

«Рыбье око»

Алексей Грибанов (Вертер де Гёте)

Крысы мешали спать вторую ночь подряд. Пока молнии перечеркивали больное небо Нижнего города, а дождь затапливал подворотни, рядом копошились эти твари. Местное пойло не помогало отключиться, ведь

шорохи в стенах и полу проникали даже в сон, обращаясь новыми кошмарами. Лампы вокруг устроенной в кресле постели горели до утра, и грызуны не показывались. Но я чувствовал их присутствие, как и они — мое. Потому что зверь всегда чувствует другого зверя.

По стеклу сползала мутная жижа, размазывая вид на трущобы. Озеро приближалось. С каждым годом оно увеличивало границы, пухло, пожирало берега, принося в жертву своему главному обитателю рыбацкие бараки. Накинув плащ, я открыл окно, выбрался на решетчатую площадку обрубленной пожарной лестницы и закурил. Дождевые капли заплясали вокруг башмаков, а струйка дыма едва не утонула в потоке воды.

Никаких высоток, никакой техники, никаких верениц газовых фонарей. Все это осталось в Верхнем городе. Здесь властвовал мрак. Заводские трубы выплевывали в небо облака копоти, и над уродливыми домишками нависали черные тучи, не давая выглянуть солнцу. Трущобы напоминали живой организм. Они росли вдоль береговой линии, к ночи расцветая огнями костров и пожаров. Тысячи прижатых друг к другу комнатух, больше похожих на собачьи будки, сплетались в медленно уходящий под воду лабиринт. Где-то там и должен был прятаться убийца Анны.

Пятиэтажная ночлежка в этой части города выглядела настоящим небоскребом. Выплюнув потухшую сигарету, я поднялся на крышу. Флюгер порос ржавчиной, но стороны света на нем все еще узнавались. С юга тянулась единственная нормальная дорога в Верхний город, с которым меня больше ничего не связывало. Не считая пресвятых карточных долгов. Одинаковые здания

топорщились из земли, будто перевернутые кружки на стойке грязного кабака. Бары, притоны, подпольные игровые клубы и сутенерские помойки — всего этого здесь было едва ли не больше, чем обычных жилых домов. Поймав новый порыв ветра, флюгер заскрипел костями и повернулся ко мне. На север.

— Куда пялишься? — спросил я уродца, что напоминал ежа. Хотя дураку понятно, чье изображение поставили на крыше.

Я тоже развернулся и взглянул на темно-синие волны вдалеке. Утренний туман поднимался из низины, где оживали трущобы. Озеро казалось бескрайним, словно и не было остального мира за кромкой воды. Вспомнились кошмары, что начались, как только я заселился в «Морок». Перед глазами встали рыбаки... Фанатики считали, что сказывалась близость к *нему*, не зря ведь Обитателя озера называли еще и Властителем мертвых снов. Если раньше подобная чушь жила только в мозгах рыбаков, то теперь и самые обычные люди верили в этот бред. Газетчики, психи, любители легкой наживы и народная молва превратили спящую на дне тварь в древнее божество. Служители культа Глааки были довольны.

Вторая пожарная лестница спускалась с другой стороны здания, плюс дверь на чердак еле держалась на одной петле. В случае чего, уйти можно было через крышу. Но эти же ходы наверняка пригодятся и незванным гостям, если тем хватит ума искать здесь. А искать они начали еще вчера.

В комнате было тихо, движение в гнилых перекрытиях исчезло с наступлением утра. Разложенная на столе колода вновь предвещала неприятности. Карты всегда помогали

мне заработать на жизнь, от подростковых игр на сигареты с друзьями до закрытых турниров с участием городской верхушки сейчас. Они давали мне очень многое, ничего не прося взамен. Как выяснилось, просто выжидали момент, чтобы забрать все и сразу. Удача, как и любая опытная шлюха, вмиг перекинулась к другому, ведь всегда найдется тот, у кого и кошелек потолще, и член побольше. Но карты все еще говорили со мной, пускай теперь я сам надеялся на ошибку. Черный джокер Глааки приходил раз за разом, исключая возможность совпадения.

Проститутка очнулась. В заплаканных глазах отражался страх, на запястьях под веревкой проступили кровоподтеки.

— Ну что, надумала говорить?

Она послушно закивала, и я вынул кляп.

— Мне нужен великан. Уродец из рыбаков, одноглазый. И у меня мало времени, так что советую переходить сразу к делу.

— Если ты думаешь, что я работаю одна, — процедила назвавшаяся Евой шлюха, — то ты конченный. Знаешь, что с тобой сделают? Знаешь?!

Наряд проститутки ей подходил: молодое тело в нижнем белье пряталось под коротким плащом, который едва прикрывал шикарную задницу. Стройные ноги в чулках, высокие каблуки, чернильные волосы до плеч — для местных уродов слишком хороша. К животу присосалась татуировка в виде осьминога. Верхние щупальца поддерживали крепкие груди, а нижние переплетались друг с другом и заползали под ткань шелковых трусиков. В пупке, который выступал глазом подводного чудища, красовалось серебряное кольцо. Назвать Еву красавицей

мешали только синяки на ребрах да исколотые до черноты вены.

— Меня ищут люди куда серьезнее твоих дружков. Это раз. Я знаю, что несколько дней назад ты с ним виделась. Это два. И если ты не заговоришь, я тебя убью. Это три.

Если у меня с такой легкостью забрали самое дорогое, почему я должен ограничиваться в средствах? Анну разорвали белым днем в одном из переулков Верхнего города. Просто так, ради забавы. Через полгода после нашей свадьбы. Оказавшийся рядом полицейский ничего поделать не смог — ему выжгли глаза кислотой. В последние месяцы это превратилось в странный ритуал, на улицах все чаще встречались люди с ожогами вместо глаз, но шумиху никто не поднимал. Что еще удивительней — калеки не просили помощи у законников, потихоньку привыкая к жизни в вечной темноте. Будто так и надо. Настолько силен был страх. Похоже, чешуйчатые так отвечали на появление молодежных банд, которые отлавливали рыбаков и избивали до полусмерти, запрещая показываться в Верхнем городе. Как бы правительство ни старалось сохранить нейтралитет между людьми и глубоководными, столкновения случались почти каждый день.

— Не хочешь по-хорошему? Значит, начнется моя любимая часть.

Тогда полиция вздернула пару полубезумных рыбаков и закрыла дело. Однако мне этого было мало. Я наведалься к пострадавшему. Полицейский, совсем еще мальчишка, явно недоговаривал. Трясущееся от ужаса тельце выдавало новоиспеченного калеку с потрохами.

Боялся он не только и не столько меня, сколько того, о ком не смел говорить. Но я всегда был мастером переговоров. Крича от боли, полицейский выложил все. Анну убил здоровенный рыбак, больше любого из местных, больше многих людей, и вместо правого глаза на лице ублюдка была отпечатана паутина шрамов. А еще полицейский расслышал последние слова Анны: «Только не ты». С тех пор эта фраза поселилась в моей голове. Неужели Анна знала убийцу? Откуда?

Спустившись к хозяйке, я взял у нее граммофон и пару пластинок. Музыка и слова на чужом языке наполнили комнату, зазвенели под потолком, отражаясь от оконных стекол. Нашарив в карманах плаща Евы губную помаду, я расчертил ее тело короткими алыми линиями.

— Это для удобства. Чтобы ничего не забыть. Потому что теперь я собираюсь по всем этим черточкам пройтись ножом.

Смелости в ней поубавилось.

— Не надо, пожалуйста.

Я достал нож и сделал первый надрез. Ева взвыла, будто передразнивая певичку из граммофона.

— Говори. Мне нужен Циклоп.

Она плюнула мне в лицо и заверещала:

— Сука, сдохни, мразь! Ты сдохнешь! Тут и останешься!

Скучно, раз за разом одни и те же угрозы. Когда я вырвал кольцо из ее пупка, Ева клялась, что ничего не знает. Уже прогресс. Но она врала. В Верхнем городе одноглазого не было. Я облазил все места сборищ рыбаков, посетил передвижные цирки уродцев, сходил в глубоководный театр в Центральном парке. Ничего. С помощью немалых

денег достучался до чешуйчатых из «верхов», ведь теперь эти твари заседали почти в каждой структуре. Дружба народов, мать их за щупальце. Но ни рыбаки, ни полукровки толком не помогли. Они узнали одноглазого и даже вспомнили имя — Циклоп, только вот в Верхнем городе его никто не видел. Тогда я завел целую сеть информаторов в Нижнем городе, чью работу оплачивали влиятельные и очень азартные люди. Правда, догадались они об этом только вчера, до того мошенничество за карточным столом проходило как по маслу. Беда в том, что и в Нижнем городе Циклопа не было. Он просто исчез, будто знал, что за ним открыли охоту. Два месяца тишины и впустую потраченных денег сменились вереницей долгожданных весточек: Циклоп вновь мелькает среди полуразваленных построек Нижнего города. И как бы я ни тянул с визитом в эту загаженную помойку, как бы ни пытался отмахнуться от детской боязни рыбьих лиц, время пришло. В Верхнем городе меня с остатками денег искала каждая собака, а в Нижнем ждал своего часа убийца. Все-таки жажда мести способна перебороть любой страх.

Я продолжал полосовать красивое женское тело, получая все новые проклятья в свой адрес. Девчонка попала не из сговорчивых.

— И ты вот так просто меня убьешь? — От постоянных криков голос Евы охрип. В нос бил запах крови, мочи и пота. — Без причины?

— А что такого? Убийцей я стал, едва появившись на свет. Смотри. — Я показал ей уродливые рубцы на шее. — Петля из пуповины — не лучший подарок новорожденному. Мать была шлюхой вроде тебя, я оказался ей не нужен. Но задушить меня не получилось — она потеряла слишком

много крови. Получается, я убил ее, даже не зная, что она хотела убить меня. Забавно, правда?

— Ты просто больной. Больной сын шлюхи.

— Возможно. Тем хуже для тебя.

Я почти вырезал осьминога, когда Ева сбивчиво заговорила. Простыня настолько пропиталась кровью, что на полу собралась целая лужа.

— Хватит, хватит, прошу, все, хватит... Я его не знаю, и никто из моих не знает... Живет где-то у озера.

— Озеро большое. Точнее.

— Да не знаю я, правда, не знаю... говорят, на одном из островков у северной части, у топей...

— Очень мало информации. Понимаешь? У нас ведь с тобой еще и спина не охвачена.

— Не надо, прошу, — заскулила Ева. — Его долго не было, а недавно появился, да, наркотики искал, у нас тут все на них сидят, даже рыбаки, почти все... Затейник три дня не приезжал, я сама в ломках, а тут ты...

— Затейник — кто такой?

— Умелец один, старик, варит, химичит, делает дрянь всякую, кислоту, все подряд, говорят, прямо из крови Глааки делает...

— Где живет?

— Не знаю.

Я вздохнул, окинул взглядом перечеркнутое ранами тело. Теперь Еве придется серьезно скинуть цену на свои услуги. Если, конечно, она выживет.

— Я правда не знаю, Затейник сам приходит, сам привозит, к себе никого не пускает... Знаю только, что в трущобах где-то...

Отойдя к окну, я достал сигарету. За стеклом свистел

ветер, разгоняя остатки дождя. На улице посветлело, высыпал народ, загудели такси. Обычные будни рабочего квартала.

— Похоже на правду. Только зачем такие жертвы, почему сразу не рассказала? Боялась, что одноглазый накажет? Этот ваш Циклоп, считай, уже труп.

За спиной раздался булькающий смешок.

— Не-е-ет, — с улыбкой протянула Ева. — Скорее, ты труп. Потому что Циклоп — особенный. Ты видел его вообще? Все говорят, что со дня на день Глааки проснется... И разбудит его особенный рыбак... И все изменится.

— Понятно, — выдохнул я, — так ты фанатичка.

— Я просто верю, что скоро исчезнут ублюдки вроде тебя, глаза которым закрывает ненависть. Те, кто не видят среди рыбаков нормальных...

— Они не могут быть нормальными, это грязные мрази, место которым в их болоте. А лучше — в банке собачьих консервов.

— Среди людей мразей еще больше.

Я не собирался ничего доказывать. Десятилетия назад все решили за нас, теперь оставалось просто жить в этом мире. Бок о бок со всеми его обитателями. И ждать, чья чаша терпения переполнится раньше.

— Кляп вставлять не буду, дыши. Если не обманула, перевяжу, как только вернусь из трущоб. Если обманула, то лучше бы тебе сдохнуть до моего возвращения.

На улице меня окружила свора ребятни. Чумазы беззубые оборванцы толкались и пихались, дергая за плащ.

— Добрый человек, дай денег! Помоги! На питание, добрый человек! А, добрый человек?!

— Попрошайек не кормлю, пошли вон, — процедил

я.

— Зачем попрошайек? — удивился самый длинный, с горизонтальным шрамом на лбу. — За газету! Хорошая газета, добрый человек! Сегодня привезли из Верхнего города, да! Хороший город, хорошие новости!

Зверьки заплясали вокруг, а длинный достал из мешка бумажный сверток. Газета была заляпана черными пальцами, но выбирать не приходилось. Не расстреливать же их стаю средь бела дня.

— Давай сюда. — Я схватил газету и швырнул мелочь в лужу у тротуара. Дети кинулись к мутной жиже с такой радостью, будто добывали настоящее сокровище. Хотя для них, возможно, так оно и было. Когда я садился в такси, попрошайки уже вились вокруг нового клиента.

Таксист помалкивал, чувствуя мое настроение. Мимо проносились серые стены домов и серые лица. Это был серый мир, в котором я чувствовал себя чужаком. Люди как-то приспособились к жизни рядом с животными, но только не я. У меня из памяти еще не вытравились времена, когда мы были хозяевами на своей земле. Когда по улицам не ходили сектанты, предлагая бессмертие в обмен на душу, когда рыбаки жили только у водоемов. Когда спящее на дне озера существо привлекало туристов, а не фанатиков.

«Культ Глааки принимает новых послушников».

На первой полосе изобразили самого Властителя мертвых снов. Из чудовищного слизня цвета озерного ила топорщились сотни металлических отростков, шкура из железных волос покрывала тварь, словно броня. Где-то в глубине этой массы едва виднелись глаза Глааки, что росли на щупальцах. Вокруг Обитателя озера скучились люди в балахонах, воздевающие руки к своему повелителю.

Смотреть на эту мерзость было тошно. Недоумки со всей округи в суеверном ужасе падали на колени перед озерным гигантом, но для меня он оставался всего лишь редким животным. И если вдруг когда-нибудь эта штука проснется, ее можно будет убить. Как и любое другое существо.

— Почти приехали, — подал голос таксист.

Дождь закончился. Я полистал газету и завис еще над одной заметкой. Как ни странно, она была посвящена человеку.

«Очередное убийство человека-рыбы. Тридцать восьмой продолжает охоту».

Это был маньяк нового времени, человек, уничтожавший жаберных тварей по всему Верхнему городу уже несколько лет. Трупы находили в парках, у рек, в подворотнях, даже в рыбных лавках. Пресса тут же сделала из него психопата, который разрушает и без того хрупкое перемирие, мол, мы давно научились жить рядом с рыбаками и даже работать вместе. Только продажные писаки отказывались замечать, как эти лягушкоголовые уроды ведут себя с людьми, когда чувствуют свое превосходство. И, разумеется, никто не собирался подсчитывать число жертв с нашей стороны, хотя чуть ли не каждый месяц от перепончатых лап умирали несколько человек. Всем было плевать.

До конца дочитать я не успел — в окне уже виднелась линия деревянных развалин. Рыбаки здесь водились не только глубоководные, встречались и обычные старики с бамбуковыми удочками. Но все же у основной массы можно было обнаружить жабры, и мурашки на спине я почувствовал в тот же момент, когда фонари такси

растворились в дорожной пыли. С самого детства я и боялся, и ненавидел рыболицых, в их присутствии меня начинало потряхивать. Со своей фобией я боролся, как умел, но сейчас на это не было времени.

Повсюду ощущалось дыхание озера, от воды несло прохладой и тленом. Под ногами сновали крысы, ничуть не стесняясь человека, а местные жители лишь на мгновение поднимали ко мне глаза и возвращались к своим делам. Кто-то мастерил сети, кто-то запекал на углях странного вида мясо, голая детвора играла с собаками на дорожке, и матери поглядывали на отпрысков из-за кривых заборов. Часть хижин оказалась сожжена, стекол не было. Тропинки становились все уже, дома жались друг к другу, точно выстраивая неудачную баррикаду, и мне приходилось шагать сквозь чьи-то жилища. На вопросы никто не отвечал, беседовать с чужаками здесь не привыкли.

Я углублялся в лабиринт, путаясь в бараках, натываясь на одинаковые комнатухи и одинаковые лица. Переплетения стен кружили перед глазами, ведь среди исчезающих троп я давно заблудился, да еще и потерял счет времени. Казалось, либо я вот-вот выйду к самому Глааки, либо окажусь у того места, откуда начал искать Затейника.

Наконец я разглядел вдалеке высокий черный столб и двинулся туда, точно сбившаяся с курса шхуна к маяку. Питаемая озерной водой почва кое-где проваливалась, и в очередной луже я раздавил нечто вроде каракатицы. Тварь напомнила осьминога на животе Евы. Я ускорил шаг.

Столб оказался сгоревшей сторожевой вышкой, на площадке возле которой из проволок и арматур собрали памятник Глааки. У железного отродья в два человеческих

роста высотой на четвереньках сидела старуха. Она почувствовала меня, закончила молитву и поднялась.

— Ты не любишь Глааки, так ведь? — с ходу спросила она, обратив ко мне выжженные глаза.

— Я ищу Затейника.

Ведьма протянула руку, на пальцах не было ногтей — только черные углубления.

— Ты не любишь Глааки. — Теперь это было утверждение.

— Ты знаешь, как найти Затейника? Я могу заплатить.

— Глааки дарует тебе бессмертие, но ты должен верить. Должен почитать могущественного Древнего, величайшего из великих. Ты должен верить, и тогда у тебя будет шанс стать слугой Глааки. Затейник не верил, он принес в наш общий дом заразу и погубил себя. Глааки никогда не дарует ему вечной жизни!

— Погубил? Что с ним?

— Он стал жертвой своих деяний. Это кара, кара Глааки!

Чокнутая фанатичка опять рухнула на землю перед статуей, яростно прожевывая очередную молитву. Это скрюченное существо уже мало походило на человека, закапываясь седыми патлами в придорожную грязь. Я подошел и развернул старуху к себе.

— Слушай меня очень внимательно. Сейчас я оторву тебе голову, и никакой Глааки обратно ее не пришьет, поняла? Но ты можешь спастись. Просто скажи, где Затейник.

Старуха тряслась всем телом, только сейчас сообразив, чем ей грозит наша встреча. Сухой рот открывался беззвучно, точно рыбий. Наконец она

произнесла:

— Иди вниз к озеру. Там, где земля становится болотом, найдешь его хижину. Ее сожрала зараза, сожрет и тебя.

— Я рискну.

— Затейника искали три дня назад. Его уже нет, его давно нет!

Я бросил старуху на землю и поднялся.

— Это мы еще посмотрим.

— Я буду молиться за тебя, чужак. Потому что Глааки вот-вот проснется, и теперь он тебя не пощадит. Особенный уже знает, как разбудить его. А ты будешь умолять о простой смерти. Но Глааки не слушает. Он окунет тебя в кошмар!

— Ваш Глааки — это вонючая лужа рвоты, вот и все. Болотная тварь, которую кучка идиотов считает божеством. И скорее вы сами подохнете в своих трущобах, чем эта гниль выползет наружу. Про Особенного уже слышал. Как раз его я и собираюсь убить.

Чем ниже спускалась тропинка, чем ближе становилось озеро, тем мрачнее делалось вокруг. Живой свет уходил из этих мест, и во встречных бараках загорались огоньки. Шлепанье чужих лап за спиной я услышал пару минут назад, но оборачиваться не стал. Башмаки промокли насквозь и мешали идти, и я невольно позавидовал преследователям, которые шли босиком.

Жилище Затейника смахивало на металлическую пещеру — округлой формы здание трубой уходило в землю. Снаружи оставались сплетения проводов и кабелей, которые вращались в серебристые стены. В темноте чудилось, что они пульсируют, будто дублируя удары огромного сердца.

Заходя внутрь, я оглянулся. Минимум четыре тени ползли следом сквозь сумерки, уже ни от кого не прячась. Спички в кармане не промокли, и душную темноту разогнало маленькое пламя. Стальные вены расходились повсюду, вонзаясь в странные образы на стенах. Змеевидные щупальца, сотканые из проволоки конечности, похожие на лица узоры и механические детали с шестеренками и трубками... Помещение словно вылепили из железа и плоти. Я шел вдоль стен и зажигал все новые и новые спички, разглядывая соединения проводов и человеческих тканей. На меня смотрели червеобразные отростки, выющиеся вокруг металлических костей... и тут я увидел старика. Он был сожран стеной и распят на черном кресте. Ноги почти исчезли, руки покрывала масса из проводов, а развороченное туловище словно расплавили кислотой. Запечатанный в алюминиевой бороде рот навсегда замер в крике.

— Он принес в наш дом заразу, — вдруг повторил я за старухой, — и погубил себя.

Рыбаки стали входить. Похоже, им надоело караулить меня снаружи. Я уперся в стол и стал перебирать банки, шкатулки, коробки, открывать ящики и колбы. Ничего, никакой химии. Если тут что-то и оставалось, то все унесли до меня. Не тронули только гору металлолома, из которой я вытянул нож. Потухла последняя спичка.

— Ну что, лягушата, — сказал я, доставая любимый короткоствольный револьвер. Глаза привыкли к темноте, черные фигуры стояли в нескольких шагах от меня, блокируя выход. — Как вы думаете, какого калибра эта штука?

По пещере поползло заменявшее им речь гавканье.

Они разевали рты и издавали звуки, от которых сводило зубы. В пальцах нарастала дрожь. Но на этот раз страха в ней было меньше, чем предвкушения.

— Правильно, лягушата, — прервал я их бляения. — Револьвер у меня тридцать восьмого калибра. Тридцать восьмой! Слышали о таком, мрази?!

Я выстрелил в ближайшего рыбака, и тот с пробитой головой откинулся назад. В короткой вспышке света я прочитал тревогу на их мордах, ведь, конечно же, они обо мне слышали. Выстрел — и на землю повалился второй рыбоголовый. Кто-то бросился бежать, но остальные оказались смелее. Я всадил в рыбаков еще три пули, ощутив склизкую кровь одного из них у себя на лице. С утробным воем из темноты вылетел глубоководный с острой. Я нажал на спуск, но рыбак успел пригнуться. В ту же секунду у выхода согнулась чешуйчатая тварь. Барабан был пуст, все пули нашли новых хозяев. Увернувшись от удара, я ногой воткнул рыбака в стену. Он отбросил оружие и вцепился мне в плечо. Повалил на землю. Зубы-лезвия без проблем разорвали плащ и пустили кровь. Я закричал, пытаясь удобнее перехватить нож. Рыбак, почуяв теплую плоть, стал вгрызаться еще сильнее. Одной рукой я старался не пустить его к шее, а другой нанес удар. Нож вошел прямо в жабры. Несколько сильных рывков — и хватка ослабла. После новых ударов из горла твари потекла вонючая вода, и я отбросил труп. Жилище Затейника превратилось в молчаливый склеп.

Из трущоб я выбирался бегом, насколько это возможно. Плечо ныло и кровоточило, но задерживаться я не имел права. В темноте мерещились нескладные силуэты, над развалинами громыхали крики рыбаков.

Меня спас их собственный страх. Знай эти лягушачьи мозги, что знаменитый Тридцать восьмой не наскребет патронов даже на барабан, — похоронили бы прямо здесь. Угнав грузовик для перевозки рыбы, я не снимал ногу с педали газа до самого «Морока».

В машине пахло рыбой. У входа в «Морок» стоял странный тип в шляпе, слишком хорошо одетый для этих мест. По дороге, огибая пьяниц, носились дети-попрошайки.

Тип в шляпе мне не нравился. Он воровато озирался по сторонам, а руки не вынимал из карманов серого плаща. Грузовик я остановил через дорогу от ночлежки и выходить не спешил. Я мог и не возвращаться в номер, но привык сдерживать обещания. Ева не обманула, хоть Затейник мне ничем и не помог. Самое главное: в номере осталась колода, а ее, в отличие от окровавленной проститутки, я бросить не мог.

Я вытащил из кармана патроны и зарядил револьвер. До полного барабана не хватило одной штуки. Придется наведаться к местному оружейнику. В другом кармане был нож из пещеры Затейника. Теперь, при свете, его можно было рассмотреть. Он вряд ли принадлежал старику, потому что на рукоятке красовалась золотая лампа, идеальная тюрьма для джинна. А такую эмблему я уже встречал.

— Добро пожаловать в «Лампу Альхазреда», вам столик на одного?

Я огляделся. Среди редких обитателей бара на

охранника тянул только один, остальные не смогли бы поднять ничего тяжелее стакана.

— Веди к главному, быстро.

Миловидная блондинка наморщила носик.

— Не поняла.

Я достал револьвер и повторил. В этот раз девчонка оказалась понятливей.

В кабинете было накурено, за столом сидели два жирных борова и играли в карты. От количества перстней на руках рябило в глазах.

— Ты еще кто такой? — спросил лысый, и я заметил у него жабры.

— Меня зовут Тридцать восьмой.

За спиной заскулила дверь, и в комнату протиснулся здоровяк в свитере. Увидев оружие, он попытался схватить меня за руку, но реакции ему явно недоставало. С пулей в груди он осел на пол, разрисовывая дверь собственной кровью. Блондинка прижалась к стене, прикрывая рот.

— Что вы забрали у Затейника?

Ко мне развернулся второй толстяк, борода которого напоминала засохший куст.

— Эй, ковбой, остынь, зачем так нервничать?

Я выстрелил ему в голову.

— Мне некогда. Повторить вопрос?

Полукуровка вскочил с места и отворил шкаф. Вытащил четыре склянки с разноцветными порошками, разложил на столе. Он выворачивал наизнанку все свои схроны, стараясь не показывать перепонки между пальцев.

— Послушай, парень, это очень сильные наркотики. Очень. Мне не жалко, забирай, но с ними нужно обращаться умело. Да и все тебе точно не понадобятся, понимаешь?

— Полукровка вытер испарину с лысины и покосился на мертвого бородача. Блондинка всхлипывала уже из-под стола. — Может, попробуем договориться? Затейник свихнулся, мы просто решили...

— Что еще? Это все, что вы взяли?

Полукровка засуетился, вытрясая из сумки разную мелочь.

— Да все, а что там еще брать, этот псих чуть ли не из себя какое-то зелье варил. Он умер? Мы его не убивали, если что. Там какая-то чертовщина творилась, стенки шевелились, как внутренности какие. — Он бросил взгляд на выросший посреди стола холм наркоты. — Пойми, это очень большие деньги, а я задолжал серьезным людям. Ты, конечно, можешь меня убить...

«Все мы кому-нибудь должны», — мелькнуло в голове. Но вслух я сказал:

— Хорошая идея. Пожалуй, так и сделаю. Если только у тебя нет нужной мне информации.

— Расскажу все, что знаю.

— Я ищу Циклопа. Рыбака. Слыхал о таком? Затейник мог знать, где он живет.

В дверь вломились двое доходяг с обрезами. Один с ходу пальнул. Треснула стена, комната задребезжала. Завопила позабытая под столом девка. Я откинулся на пол и двумя выстрелами успокоил обоих недоделанных снайперов. Второй так и не сообразил в кого нужно целиться.

— Отошел к стене, быстро, — отогнал я полукровку, принимаясь потрошить сумки. — Еще охрана есть?

— Н-н-нет, — произнес он. Затем набрал воздуха в легкие и продолжил: — О Циклопе я немножко могу

рассказать.

Я уже нашел кое-что интересное среди хлама Затейника. Это была карта Нижнего города. С пометками. Очень хотелось верить, что крестиками были обозначены обителища клиентов.

— Слушаю.

Полукровка откашлялся, карябая переносицу длинными ногтями.

— Пару месяцев назад сюда нагрянули люди из Верхнего города. Агрессивный молодняк. Сняли склад, и больше их никто не видел. Ну сняли и сняли, кому они нужны... Но с неделю назад выяснилось, что они там делали.

Девчонка вдруг завывала так громко, что я чуть не выстрелил.

— Эти молокососы отлавливали рыбаков, — продолжал полукровка, — и сажали их в клетку. А потом ждали. Слышал о методе крысы? Это когда крыс запирают в одном месте без еды, и от голода они начинают жрать друг друга. А когда остается одна, то мозги у нее уже набекрень. Она не может есть ничего, кроме крысятины. Ее выпускают, и тварь начинает жрать сородичей.

— Крысиный король, — усмехнулся я.

— Вроде того. То же самое сделали и с рыбаками. Два месяца продержали там. Два месяца они жрали друг друга. Нужный тебе Циклоп как раз и оказался этим крысиным королем. А теперь он убивает всех подряд. Не только рыбаков. И если ты собрался его грохнуть, я даже могу тебе приплатить. И не я один.

Это многое объясняло. Значит, в какой-то степени мы с Циклопом делали одно дело. Что ж, пусть так, но все

равно придется его пристрелить. Убийство моей жены — преступление намного страшнее, чем попытка пробудить древнего бога. Странно, что полукровка не завел речь о божественном предназначении Циклопа. Выходит, даже среди рыбаков не все повернуты на этой псевдорелигии.

— Это встанет вам в хорошую сумму, — пробурчал я. — Очень хорошую. Но мертвого Циклопа вы получите. Только не думай, что я решил на тебя поработать. Просто мне надоело брать деньги просто так. А с одноглазым у меня свои счета, я в любом случае его убью. Как и тебя, если попробуешь обмануть.

В вестибюле «Морока» было пусто. Отперев дверь номера, я застыл на месте. Музыка оглушала так, что крысы должны были удрать даже от соседей. Но все произошло наоборот. Твари слезли с кормушки, только когда я пнул кровать. Повсюду мелькали хвосты, лапки, пропитанные кровью шкуры. Крысы — некоторые размерами напоминали взрослых кошек — разбегались по комнате и уходили через невидимые щели. Глаза и рот Евы были раскрыты и полностью передавали тот ужас, что испытывал обездвиженный человек, пока грызуны отщипывали от него кусочки. Я поморщился. Это было уже слишком. Такой участи для девушки я не желал. Стены затрещали, в полу началась вибрация. Плотоядные обитатели «Морока» не хотели отходить от праздничного стола.

Я наскоро перевязал плечо и разложил на столе карту Нижнего города. Если не считать трущоб, Затейник отметил только один объект у озера. Как и говорила Ева — островок у северного берега. У топей. Один из многих.

Теперь я знал, где искать Циклопа.

В окно постучался дождь, заворчали небеса. Игла давно соскочила с пластинки, погрузив комнату в тишину. Я никогда не жаловался на слух, поэтому шаги на пожарной лестнице тайной не стали. Они приближались. Я спокойно сложил карту, убрал ее в карман плаща и достал револьвер. Когда за тусклым стеклом возник человек, я выпустил в него пулю. На меткость я тоже не жаловался, и гость из Верхнего города свалился вниз. Распахнулась дверь, и в комнату ворвался еще один. Я стрелял и стрелял. Давил на спусковой крючок, целился в голову, в сердце, в пах. Незнакомец лишь улыбался, держа меня на мушке.

— Опустел, как я погляжу? Вот это невезуха, — ощерился он. — Меня зовут Блоха, и ты поедешь со мной.

Он подошел к окну и посмотрел вниз.

— А ты молодец, — похвалил Блоха, почесывая рыжую бородку. — Уважаю. За твою задницу обещают хороший гонорар, а теперь и делиться не с кем. Давай, на выход.

Передо мной стоял худощавый юнец, тот самый тип в шляпе и сером плаще. Револьвер в его руке ходил ходуном. Парень чуть ли не пританцовывал, нервно обводя взглядом комнату. Блоха как блоха.

— Я хочу взять свои карты.

— Карты? — удивился Блоха. — Тебе мало, что ли? Еще поиграть решил?

Я двинулся к столу, и он прилип к стене, давая дорогу. Из-за его поведения казалось, что он вот-вот начнет палить с перепуга. Отражение в стакане тыкало в меня оружием и отходило к кровати. Я стал собирать колоду.

— Мать твою, Тридцать восьмой... Ты чего натворил, мясник гребаный?

Двойки, тройки, пятерки, десятки.

— Ты точно больной. Какая красивая баба была. Получше твоей почившей женушки.

Валеты, дамы, короли, тузы и, конечно же, пара джокеров. Колода была из пластика — бумажными картами я никогда не пользовался, потому что они годились только для подтирания зада. Да и то сомнительно. Отражение поспешило убратся от постели и замерло в двух шагах за моей спиной. В разбитое окно со свистом вваливался дождь.

— Не вздумай что-нибудь прихватить со стола. — Голос Блохи дрожал, зрелище в кровавых простынях его явно впечатлило. — Я все вижу.

— Тебе не следовало этого делать, — сказал я, поворачиваясь.

— Чего?

— Упомянуть мою женщину.

Пятьдесят четыре карты черно-красным облаком полетели Блохе в лицо. Грохнули выстрелы, выбивая щепки из стен. Я пытался отобрать револьвер, но малец не сдавался. Он расстреливал потолок и силился направить дуло в меня. Мы могли танцевать так и дальше, но Блоха скользнул по крови подошвой и стал валиться на пол, волоча за собой. От удара пальцы разжались, и револьвер откатился в сторону. Я схватил Блоху за волосы и бил головой об пол, пока он не перестал сопротивляться. А потом бил еще и еще, пока он не перестал жить.

Я поднялся. Почти вся колода упала рубашками вверх, но в центре кровавого пятна лежал перевернутый джокер. Оставалось только ухмыльнуться. Выпотрошив карманы Блохи, я зарядил свой револьвер, — парень знал

толк в оружии — сунул его тридцать восьмой в карман и отошел к двери. Последний раз опустил взгляд на черного слизняка, что смотрел с карточного рисунка.

— Что ж, Глааки так Глааки.

Топи раскинулись на противоположном от трущоб берегу, поэтому ехать пришлось долго. Бросив грузовик, я приблизился к старой пристани. Постройка терялась в дождевой дымке, капли плясали на заплывшей поверхности озера. Рядом никого не было. Спрятавшись под навесом, я сверился с картой. Заветный крестик притаился в гуще других островков. Моторы первых трех лодок признаков жизни не подали, а вот следующий закашлял от моих прикосновений, и ржавый винт в водной толще даже сделал пару оборотов. Из болотистой жижи, что окаймляла берег, раздалось урчание, точно чей-то вздох. Вспомнились рассказы о том, что это и есть дыхание Глааки. Выбравшись из густых зарослей на весельном ходу, я врубил мотор. Воды бескрайнего озера раскинулись передо мной во всей красе.

Стемнело. По пути встречались мелкие островки, кое-где возвышались постройки, но все было не то. Озеро ворчалло, в днище лодки ударялась рыба. У сожженной водяной мельницы я заглушил мотор. Хотелось устроить одноглазому ублюдку сюрприз.

Остров оказался таким мелким, что кроме дряхлого сарая на нем ничего не поместилось. В грязных окнах плясали огоньки и шевелились тени. Циклоп был на месте. Я привязал лодку к подобию крыльца и перебрался

на сушу. Достал револьвер. Казалось, вся кровь организма сейчас тарабанила в виски. Пальцы, сжавшие ручку двери, покалывала дрожь. Там, за сырыми досками, был убийца.

Отворив дверь, я встретился с ним глазами. Вернее, встретился с его глазом. Двухметровая тварь раззявила рыбий рот, сжимая в лапе металлическую тару.

— Не дергаться, — стараясь не выдать волнения, пробормотал я.

Перед Циклопом на коленях сидела девушка, руки за спиной. Банку одноглазый держал на уровне ее лица.

— Не дергаться, — повторил я, осматриваясь.

На полу были расставлены свечи, у стола росла пирамидка из одежды, рыбьих хвостов и самодельных изображений Глааки. Алтарь. А с потолка свисали крюки с частями тел. Как людских, так и рыбацких. Запах здесь витал, точно на припортовой свалке. Когда с обрубка туловища струйкой стекала кровь, падая на одну из свечей, к стуку дождя по крыше добавлялось шипение умирающего огарка.

Циклоп наклонил банку к девушке, и я выстрелил. Тара улетела в сторону, с пола пополз дымок. Рыбак бросился на меня, хоть я и продолжал стрелять. Сильнейший удар сбил с ног, сверху упал обглоданный труп на цепи. На меня дохнуло замогильной вонью, и мокрая лапа выбила револьвер. Я пытался подняться, но стальная хватка сомкнулась вокруг тела. Над головой поминальными колоколами гремели крюки. Возле лица щелкала рыба пасть. Мне удалось вырваться, оставив Циклопу плащ. Тварь поднялась и зашипела.

— Не трогай его, пожалуйста! — крикнула девушка.

Но Циклоп был другого мнения. Он врезался в

меня и вместе с дверью хижины вынес прямо в озеро. Ледяная вода вцепилась в кожу, поползла в легкие. Я стал задыхаться. Уже не понимая, с течением борюсь или с подводной мразью, я наугад лупил руками и ногами, пока башмаком не угодил во что-то твердое. Выбравшись на поверхность, я догреб до хижины и через лодку заполз на крыльцо. Из воды поднимался одноглазый. Пытаясь откашляться, я услышал его тяжелые шаги. До револьвера было уже не добраться. Рванув в хижину, я схватился за первый пустой крюк и дернул на себя. Сзади скрипнули половицы. Натянувшись на потолке, лязгнула цепь. Я развернулся и крюком прочертил дугу снизу вверх. Железяка размером с крысу из «Морока» вошла Циклопу под нижнюю челюсть. Чешуйчатые лапы подогнулись, вздрогнули, и рыбак повис среди своих жертв.

— Это за Анну, — прошептал я.

Единственный глаз чудовища закрылся навсегда.

Поддев голову Циклопа как следует, я спустил цепь. Предстояло доставить тушку к людям. А потом забрать свой охотничий гонорар. Никого грабить я не собирался, мне нужно было только рассчитаться с долгами.

— Я же просила не трогать его.

Обернувшись на голос, я уставился в дуло собственного револьвера.

— Советую положить, это не игрушки.

Раздались два выстрела. Вслед за ними в небе грянул гром. Далеко в темноте с необычной грустно-вопросительной интонацией закричала какая-то птица. Я упал на колени. В животе поселился раскаленный уголек, а из грудной клетки при дыхании выходили странные хрипы. А еще пузыри.

— Сука, я же тебя спас.

Девушка заплакала.

— Спас?! Лишение зрения — это не наказание, а великая благодать! Они отмечают ожогами только самых достойных!

— Что?

— Человеческий рассудок не выдержит вида Глааки. Они убирают нам глаза, чтобы мы могли приветствовать его, когда он проснется!

— Как... — едва выдавил я.

— Я так долго добивалась его милости, а ты... ты все испортил! Поэтому ты умрешь медленно. А мне без покровителя тут делать нечего. Надеюсь, Глааки примет мою грешную душу.

Фанатичка уперла дуло в висок и вышибла себе мозги. Если бы я сам их не увидел, то никогда бы не поверил, что они у нее были.

Я доковылял до лодки и затащил внутрь пойманного на крючок Циклопа. Мотор закричал почти сразу. Перед глазами кружилось матовое небо, дела мои были совсем плохи. Теперь, помимо денег, кое-кому не помешал бы и доктор. Но для этого нужно сперва не сдохнуть по дороге.

С трудом добравшись до пристани, я вытащил свое дважды пробитое туловище из лодки. С трупом получилось сложнее. И в груди, и особенно в животе не только жгло, но и хлюпало. Я передвигался как налякавшийся забулдыга. Запихнув Циклопа туда, куда и положено, — в кузов для перевозкидохлой рыбы — я ввалился в кабину и оживил грузовик. Руки на руле стали неметь. Вместо дороги перед глазами зависло улыбочивое лицо Анны. Она была мной довольна.

Черные точки, словно назойливые мухи под носом, мешали разглядеть дорогу. Я жал на педаль, проваливался в темноту, опять вдавливал педаль газа, кого-то сбивал, смеялся, харкал кровью, падал на руль, отключался, снова и снова выжимал из грузовика лошадиные силы. Я будто умирал и воскресал в пропахшей рыбой жестяной коробке на колесах. Когда вновь пришла темнота, когда лопнуло лобовое стекло, когда машина перевернулась, я наконец-то с улыбкой закрыл глаза...

...Но это было бы слишком просто. Я не умер. По крайней мере, адская боль внутри лишь нарастала. Дорога привела меня в трущобы. Я выбрался из грузовика и выпрямился во весь рост. Земля с небом то и дело менялись местами, но ничего страшного, можно привыкнуть. Для умирающего — самое обычное дело. Теперь глупо было надеяться на доктора, старая костлявая проститутка запихнула в меня косу уже наполовину. Но перед смертью хотелось показать тварям из трущоб их спасителя. Особенного. Того, кто пробудит Глааки. Того, чей труп оставлял за собой след крови, воды и дерьма.

Ночь сползла с неба и угнездилась в низине. Косой дождь лез в бараки через окна, наполнял ямы, бросался на огонь. Костры жгли под навесами и прямо в хижинах, у заборов под открытым небом и в железных бочках. Я шагал через трущобы, волоча на цепи тушу Циклопа и наблюдая, как повсюду рождается свет. К жужжанию мошкары и лягушачьему кваканью вскоре прибавились голоса чешуйчатых. Они выли и созывали своих, ведь к

ним в дом явился убийца.

— Спаситель прибыл! — из последних сил кричал я. — Вот он ваш особенный. Вот он.

Я шел в черноту, а по сторонам сновали сгорбленные тени. Гул нарастал, к нему добавлялись и людские голоса. Огни зашевелились. Теперь за мной двигались факелы, горящие точки впереди расступались, образуя коридор. Первый камень угодил в спину, и среди рыбаков прошло оживление. Стараясь не обращать на это внимания, я прибавил ходу. Еще один камень рассек губу, с подбородка потекла кровь. Теперь вокруг бесновалась целая толпа. Люди, полукровки, рыбаки... Они размахивали факелами, кричали, ревели, словно звери, и швыряли в меня все, что попадалось под руку. Вставали на пути, новыми ударами указывали направление, не давали покинуть живой коридор, но никто не пытался вырвать мою страшную ношу. Обитатели трущоб вели меня к Глааки. Я оскалился. Карты не обманули, черный джокер сделал свое дело.

— Ну и где ваш рыбий царек?! — закричал я, стараясь, чтобы голос расслышал хоть кто-то, кроме меня. — Где эта кучка говна?!

Меня столкнули в воду. Из живота просачивались внутренности, а из груди — душа. Один глаз заплыл, во рту недоставало пары зубов, а все тело было покрыто синяками. Преследователи не стали входить в озеро, выстроившись на берегу. Волны подхватили Циклопа, меня, и потянули за собой.

Я механически греб куда-то в сырой мрак. Будто там, в озерной темноте, где кончалась реальность, меня ждала Анна. Ждала не с пустыми руками, а с трупом ее убийцы.

Когда силы кончились, я перевернулся на спину.

Берег полыхал огнями. К воде высыпали все жители этого рыбьего края. А я был безумцем, который обеспечил им представление.

Озерная вода была внутри меня. Зрители на берегу замерли в ожидании. Циклоп пошел ко дну, и я отпустил цепь.

— Спаситель гребаный. Крысиный король... Тьфу.

«Я буду молиться за тебя, чужак», — заговорила в голове старая ведьма.

Пусть. Пусть смотрят, как я умираю. Как умирает Тридцать восьмой. Теперь они будут помнить меня всегда. А я буду помнить танцующие на небе звезды...

Изводы показало щупальце, и я чуть не захлебнулся. Оно поднялось над поверхностью озера, из чешуйчатых складок вылупилась глаз. С берега послышались крики.

— Глааки, — проговорил я, едва вспоминая буквы. — Не может...

«Потому что Глааки вот-вот проснется, и теперь он тебя не пощадит».

Второе щупальце было крупнее, толщиной с человека. Теперь на меня глядели два красных глаза с черными овалами зрачков. Подо мной что-то происходило, но я не мог посмотреть вниз — едва хватало сил удерживаться на плаву. По воде пошли пузыри, ударяли в лицо волны. Щупальца нырнули на глубину и подняли Циклопа.

— Не может... — повторил я.

Два огромных отростка оплели труп рыбака и рванули в разные стороны.

— Да, — хмыкнул я, запивая кровь озерной водой. — За Анну...

Руки и ноги переставали слушаться, но боль не

отступала. В живот пробралась мелкая рыбешка. Огнем пульсировали рубцы на шее.

Щупальца исчезли в воде, оставляя на беспокойной поверхности разорванное тело. Берег ожил ревом сотен глоток, и меня окатило огромной волной. Я чувствовал, как за спиной поднимается нечто. Запах мертвечины и стоялой воды ворвался в ноздри, в отражениях замелькали металлические шипы. Брызги валились со страшной высоты, а дыхание чудовища заставило упасть на колени всех обитателей суши. Казалось, застыли даже огни.

— Не может...

Рубцы на шее открылись, всасывая воду. Надо мной вились щупальца, запах резал глаза. Потекли слезы. Я окунулся в воду с головой. Стало легче дышать.

Жабры. Никакие не рубцы... все это время...

Я вынырнул. Присоски опустились на голову, щупальца обхватили живот.

«Ты будешь умолять о простой смерти. Но Глааки не послушает. Он окунет тебя в кошмар!»

Как бы я ни хабрился, оборачиваться не хотелось. Моя роль в этой истории оказалась слишком неожиданной. Я молил только о том, чтобы достойно встретить конец. И, кажется, кто-то меня услышал. Спасительная пустота пришла чуть раньше, чем я взглянул на Властителя мертвых снов...

Я открыл глаза и вытер с лица кровь. Нос был сломан, кружилась голова. Передо мной все расплывалось, я видел будто сквозь мутное стекло. На мне сидел рыбак

и шипел. Озеро исчезло, мы находились в городской подворотне. Слева раздался крик, и я увидел высокую фигуру, выливающую что-то на лицо парня в полицейской форме. Бедняга ревел и трясся в конвульсиях, но, кажется, смеялся. Я попытался ударить рыбологовую тварь, но тело было слабым, точно чужим. Меня припечатали к земле, и резкая боль вгрызлась в затылок. Надо мной нависли еще двое рыбаков. Под их гавкающую болтовню я попытался рассмотреть себя. Вьющиеся каштановые волосы свалились в грязь, разорванная лямка обнажала грудь, туфли лежали в паре шагов от мусорного бака. Я схватился за лицо, но не нащупал никакой щетины. Зато увидел покрашенные ногти. В голове все перемешалось. Двое рыбаков держали мне руки, пока третий лез под платье и срывал трусы. Я кричал что было сил, лупил их ногами, но добился лишь очередной пощечины. Ублюдки сорвали с меня одежду и куском сети перевязали запястья, прицепив к штырю у забора. Я вырывался, но они были гораздо сильнее.

Слева послышалось хихиканье. В этом звуке было столько безумия, что я едва нашел в себе силы повернуть голову. Ко мне полз полицейский. За его спиной удалялась двухметровая тень.

— Я отмечен, — радовался полицейский. — Я должен. Я должен доказать верность. Должен доказать на человеке. И докажу...

Рыбаки отступили. Зрение начинало возвращаться, но теперь я не хотел смотреть. Холодные пальцы ухватили за ноги и потянули в разные стороны. И только когда я почувствовал на бедрах липкие руки, только когда на меня навалилось трясущееся тело, только когда картинка

окончательно прояснилась, и из размытого морока проступило знакомое лицо с выжженными глазами, из меня вырвалось бесполезное:

— Только не ты...

Алексей Жарков

ЧИСТОКРОВНЫЕ АРКХЕМИАНЕ

Да, в наше время, побывать на другой планете не сложнее, чем съездить в отпуск на море. Люди расплзлись по галактике, как любопытные тараканы. Хотя и не похожи. Но мы к ним, а они к нам. Так Земля стала другой, населённой не только людьми. Впрочем, это никак не уменьшило моего пожизненного одиночества, объяснение которому нашлось совершенно случайно.

Я возвращался по старой Ярославской дороге. Со навигационными спутниками опять что-то случилось и небо закрыли. Жителей опустили на землю, их автопилоты выпустили шасси и направили машины по вековому асфальту старого подмосковного шоссе. Москва мигом потеряла две третьих своей пропускной силы. Не управляй машинами роботы, столица Земли задохнулась бы в пробках. Никто бы и не подумал менять свой маршрут и планы только из-за того, что все дорожные ветки намертво забиты присевшими на них, словно огромная стая птиц автомобилями. Но у роботов свой протокол и другой разум. Мой автопилот объявил, что дальше двигаться не будет – ни по воздуху, ни по земле – и предложил переждать непредвиденные обстоятельства в ближайшем населённом пункте. Точнее – в старом Переславль-Залесском. Лет сто никому не нужный городок, полумесяцем прижавшийся к огромному озеру, сверху похожему на кукольное зеркальце.

Я выбрался из салона, указательным пальцем оплатил номер (с завтраком и бесплатной парковкой) и спросил у Робота, чем убить время до вечера? Или до утра, как пойдёт.

Робот предложил пять музеев, три ресторана, египетскую сауну и галерею инопланетных художников, по какой-то неведомой случайности обосновавшуюся именно в этой провинциальной глуши. Всё показалось мне скучным, и я принялся мучить Робота сложным выбором между египетской сауной «Птах и Бухис» и рыбным рестораном «Империя селёдки». С детства обожаю рыбу и люблю сауны.

Однако, после обновления данных Робот сообщил мне, что всё найденное уже давно не работает, музеи, сауна, всё закрылось после какого-то «Иннсмутского инцидента». Галерея осталась, но виртуального тура по ней нет, так что осмотреть картины можно только физически присутствуя в здании. Меня, обгоном, заинтересовала отнюдь не галерея, которую Робот зачем-то принялся навязывать, а упомянутый им «инцидент», так сильно повлиявший на благополучие местного музейно-ресторанного огонька. Я попросил рассказать мне об этом больше, но не услышал в ответ ничего интересного. Сухая статистика дат и бесконечное перечисление имён из списка пропавших без вести иностранцев.

– Вас интересует Иннсмут? – неожиданно прохрипел чей-то дремучий голос прямо у меня за спиной, – Извините, если вторгся в ваше общение с радиаторной решеткой...

К слову сказать, выйдя из салона, я присел на скамейку перед своей машиной и беседовал с Роботом используя фейспалм (микрофон, камеру и динамики), установленный у неё под капотом, за радиаторной решеткой. Человек в серой ветровке и сандалиях, очевидно кто-то из местных, скорее всего, не знал, что подобные лицевые интерфейсы уже давно устанавливаются не только в салонах.

– Слышал, вы говорили что-то про Иннсмут, – продолжил мужчина, смущенно поглаживая карманы своей ветровки.

– Говорили, – неприветливо подтвердил я.

– Дело в том, что это совсем недалеко отсюда, на другой стороне озера, так назывался... эмм..., – он прочистил горло и, слегка понизив голос, продолжил, – коттеджный посёлок, это очень странное место, однако, если бы вы меня спросили, ради чего людям стоит приезжать в Переславль, я бы не раздумывая назвал Иннсмут. Настоящий город-призрак. И это вам не какая-нибудь Старая Губаха или Постзомбийск. Знаете, говорят, будто в заброшенных городах обитают души погибших там людей, но что касается Иннсмута, то в нём таких душ особенно много, и не только людей, но и других, как бы сказать... невиданных существ, но только там...

– Неужели? – фыркнул я раздраженно.

Мужчина сделал шаг, выпучил глаза, и, слегка наклонившись, захрипел еще гуще, переходя на злобный шепот:

– Только там, в отличие от других подобных мест, чудовищ можно увидеть.

– Понятно, – кивнул я, стараясь скрыть злую улыбку. Мне удалось разглядеть у него глубокие морщины, старческие открытые мешочки под глазами, гнилые ржавые зубы, и сизую, полупрозрачную кожу на щеках. Ему было лет девяносто, не меньше. Из рта воняло так, что летевшие оттуда брызги показались мне мухами.

– Конечно, – продолжил старик, раскачивая слова в вызывающей интонации, – это место не для девчонок. Не для трусов.

Ах, старики. Как дети. Решил взять меня на слабо.

– Вы сами-то их видели?

– Разумеется, – рассердился старик, – стал бы я говорить о том, чего не видел? Но второй раз я бы не хотел, потому что...

– И что же там случилось, что за инцидент? Что-то взорвалось? – спросил я.

– Как, – крикнул старик. – Взорвалось?! Чего это там могло взорваться? Нет, ничего там не взрывалось, просто однажды...

– Тогда что же?

– А вы меня послушайте, я вам расскажу, что случилось. Вы меня не перебивайте. Не надо меня перебивать и торопить. Не хотите слушать, так и не слушайте. Зачем мне с вами тратить время? Как будто дел других у меня нет...

Только теперь до меня дошло, что я вступил в контакт с наполовину сумасшедшим персонажем. Старик стал возмущаться, надувать щеки, таращиться и дёргать руками, рассказывая про каких-то чудовищ, в которых, якобы превратились все узбеки и таджики из коттеджного посёлка на дальнем берегу озера, и будто бы те, кто не захотел вовремя уехать, тоже теперь превращаются во что-то злое. Потому что зло, которое поселилось в этом треклятом Иннсмуте, обретает новые формы, и что правительству, как всегда, на всё наплевать, на народ, на дороги, на пожары, на пенсионеров и вообще.

Я устал это слушать, захотелось срочно убежать. Я забрался в машину и направил автопилот в город. Удивительно, насколько субъективно люди воспринимают реальность. Взять этого старика – будь в сотне километров

от Москвы какое-нибудь заражение, превращающее землян в чудовищ, об этом прозвенели бы все официальные каналы и робоблогеры. Откуда я знаю? На Земле полно самых разных пришельцев, и конечно не все из них белые и пушистые, или похожие на говорящих котиков. Были и такие, из-за которых на карантин закрывали не просто коттеджные посёлки, но и большие многомиллионные агломерации. Старик просто отстал от жизни. К тому же, моя машина – моя крепость. Хотя дело даже не в безопасности, так здорово высвобождавшей моё туристическое любопытство, а в том, конечно, что мне вдруг стало безумно скучно. Жизнь показалась холодной серой рекой, которая проносится мимо, забирая тепло, а взамен оставляя тяжелую накипь, от которой грубеют чувства и стынют желания. Что раньше вызывало предвкушение и радость – теперь лишь холодная картинка, унылый повтор, не обещающий даже обмана.

Я остановил машину, увидев мелькнувшую в просвете между домами воду, то самое круглое озеро, что было сверху похоже на зеркало. Направил автопилота к нему, и вышел. Рыбный ветер с примесью тины окатил меня, словно из ведра. Многие не любят этот запах, когда в нос тянет цветущей над мягким илом водой и прибрежной сыростью пресного водоёма. С таким, знаете-ли, робким привкусом железа и металлического холода. Я вышел к воде и, осмотревшись, чтобы никто не видел, достал сигареты. Это моя слабость, примитивные дымные сигареты. Страшно вониючие, с настоящим никотином и кисловатым щипанием в носу. Повсюду запрещены, а я – закурил. Подошел совсем близко к воде, к самому берегу, где в черной измятой грязи плескались жалкие озерные

волны. Здесь, видимо, было неглубоко и по сторонам от меня росли мангры. Ах, эта черная грязь, серое небо и зелёные стебли, точно штрихи ленивого художника, это цвета моей печали и скуки. По большому счету, именно тогда всё и началось. В этих мангровых палках я впервые заметил что-то странное.

Издалека это походило на мокрую кошку, большая круглая голова, блестящая от прилипшей к ней мокрой шерсти, небольшое хлипкое тельце, незаметно переходящее в лапы. Однако, это была не кошка. У выброшенного на берег мёртвого существа, а в том, что оно было мёртвым я не сомневался ни секунды, были черты и признаки разумности. Это, конечно, был не человек, возможно пришелец из тех, с которыми я еще не сталкивался. Я установил мысленную связь с Роботом и запросил расшифровку зрительного образа. Для получения более четкой картинки, мне пришлось подойти к телу и вытянуть его на сухую часть берега. Для этого я использовал сухие мангровые палочки. Вытащив мёртвое существо на траву, я раскидал ногами его конечности, и начал старательно всматриваться в его лицо. Удивительно, но я уловил в нём что-то рыбное, словно это была пародия какого-нибудь морского гуманоида на человека. Большие раскосые глаза, толстая, в широких жабровых складках шея, вдавленный, слегка приподнятый, совсем небольшой нос, и почти полное отсутствие подбородка. Ах, да, зубы. Огромный широкий рот, усеянный множеством мелких треугольных зубов. Я насчитал три ряда этих жутких зубов, похожих на вросшие в черные дёсны осколки коричневого стекла.

Робот не мог сравнить данные. Поиск едва работал. В такой глуши всегда проблемы со связью. Наконец он выдал,

что для идентификации пришельца ему недостаточно визуальных данных. Тогда я снова склонился над трупом, стараясь еще лучше рассмотреть его со всех сторон. Заметил оборванные уши и утолщение на затылке, напоминавшее шлем велогонщика и несколько небольших отверстий в теле. Робот, однако, по-прежнему не мог ничего найти.

В конце концов, мне это надоело. Сигарета давно закончилась, я обстучал ноги об траву и вернулся в машину. Возвращаться в отель не хотелось, поэтому я направил автопилот бестолково вертеться по городу, а сам подвинулся ближе к окну. Через пару минут передо мной проплыл огромный серый щит с анонсом выставки в местной галерее. Не то, чтобы он чем-то особенным выделялся на фоне прочих, (провинциальный арт одинаково убог вне зависимости от содержания), но на пестрой безвкусной вставке чернело изображение существа слишком сильно похожего на то, которое я только что с отвращением ворочал, разглядывая на камеру. Сходство было настолько пугающим, что у меня по спине пробежал холодок. Надпись на щите гласила: «Центральная Художественная Галерея г. Переславля-Залесского. «Тень над Иннсмутом». Выставка картин инопланетных художников, посвященная Иннсмутскому инциденту. С 12 сентября по 20 декабря. 12:00 – 18:00, Пн – вых.»

Здесь сошлось сразу всё. Не сомневаясь ни секунды, я направил свою ослепительную машину по указанному на плакате адресу. Сказать по правде, если бы я знал, чем для меня закончится эта автопрогулка, я бы ни за что на свете не выбрался за пределы гостиничной парковки, позволил бы тому странному старику болтать про недостаточную пенсию, чудовищ и заброшенные города хоть до самого

его протрезвления.

Галерея встретила меня заброшенной пустотой и весёлыми глазами робота экскурсовода, которые на фоне окружавшей галерею вязкой сырой серости, смотрелись как свежая вишенка на протухшем торте. Выставка состояла из нескольких десятков картин, сюжет которых вертелся вокруг одного и того же туриста, зачем-то явившегося в город и столкнувшегося в нём с чем-то загадочным и агрессивным. Этого туриста окружали люди с невнятной отталкивающей внешностью, похожей на ту, что я нашел у озерного трупа. Разодетые в странные инопланетные наряды, они гнались за ним по ночным улицам, выслеживали вдоль дорог, ломали двери в его гостиничный номер, пока, наконец, он сам не сделался таким же уродливым, как они. После чего, видимо, был совершен некий инопланетный ритуал, вызвавший то ли извержение вулкана, то ли падение метеорита, то ли разрыв магистрального газопровода. На завершающей выставку картине художник так отчаянно пытался написать этот потрясающий Переславль-Залесский катаклизм, что произведение вышло сумбурным и совершенно неразборчивым. Вблизи это была полнейшая каша, а издали мне виделись то рога, то щупальца, то огромная женская грудь.

Запросив у Робота дополнительную информацию о коттеджном посёлке Иннсмут, я узнал, что в это поселение сейчас занимает колония аркхемиандагонцев. Они прибыли с планеты Аркхем и являлись приверженцами тамошнего Дагонизма. Робот услужливо построил маршрут до Иннсмута, рассчитал время в пути. Оказалось, что, заглянув туда на часок-другой, я дотянусь до начала ужина в тамошнем аркхемианском ресторане.

Им оказалась уже знакомая мне «Империя селёдки». Удивительные совпадения следовали одно за другим, туристические находки словно вели меня за руку, появляясь исключительно вовремя. Мне как раз хотелось каких-нибудь лёгких приключений перед едой. Случайностей. Но вся наша жизнь, вся цивилизация, вся история и вся наша Вселенная – это одна гигантская, многомерная, умопомрачительно случайная случайность. Я забрался в машину и направил автопилот в Иннсмут.

Пока мы тряслись на ухабах провинциальной квазидороги, меня одолевали размышления о вечном, о настоящем. Например, про то, что жить, вообще, вполне безопасно. Все инопланетяне, которым правительство разрешает посещение страны, проходят тщательную всестороннюю проверку на предмет вредоносности, заразности, психологической и биологической совместимости с «хомо сампиенсом», сдают сотни разнообразных тестов и анализов. Поэтому, даже если на свободной кассе Крошки-картошки меня встречает страшнейший рептилоид, от вида которого запросто может пропасть даже самый сильный аппетит, я его не боюсь, и аппетит не теряю. Потому что знаю наверняка – если этот крокодил здесь работает, значит он безопасен. Два пирожка с сыром, пожалуйста. Будьте добры, спасибо, пожалуйста, приложите ваш палец, вот ваши пирожки. Приятного аппетита, приходите еще.

Именно поэтому, когда я вновь увидел существо с раскосыми рыбьими глазами, совершенно такими же, какие были у трупа в манграх, я не испугался. Вместо этого я подумал, что всё сходится – то, значит, несомненно был аркхемианин. С точки зрения местной деревенщины

— настоящее чудовище, пугающее своим искаженным сходством с человеком.

Впрочем, все инопланетные гуманоиды именно такие.

Я бросил машину у закрытого на обеденный перерыв ресторана и решил устроить себе прогулку с таким расчётом, чтобы вернуться ближе к вечеру, когда «Селёдка» откроется. У всякого ресторана инопланетной кухни обязательно найдётся специальное человеческое меню, или хотя бы его раздел с человеческими закусками. По пути я приметил церковь и решил начать своё знакомство с Иннсмутом с неё. До церкви было чуть больше километра. На улицах мне встречались аркхемиане. При виде первого я снова вспомнил о своей находке у озера, мне следовало сообщить о ней в полицию. Но это пришлось отложить, потому что Робот пожаловался на отсутствие связи. Коттеджный посёлок выглядел как настоящий город. В нём была центральная улица с магазинами и заведениями из сферы услуг, центральная площадь и парк, а также здание в стиле североамериканского Капитолия, которое являлось, видимо, резиденцией вконец зажавшейся администрации посёлка. Шагая по улице, я обратил внимание еще и на то, что Иннсмутцы на меня как-то странно косятся и при виде меня замедляются, озираясь. К слову, их манера передвижения лишь отдалённо напоминала обычное человеческое хождение, все они будто волочили ненужные им ноги, едва ли вообще их поднимая, а некоторые так и вовсе подскакивали, точно огромные человекоподобные жабы.

Кроме этого, сам Иннсмут произвёл на меня двойственное впечатление: с одной стороны, в городе не было никаких признаков разрухи или последствий

изображенного на картинах катаклизма, с другой – в нём всё же ощущался кисловатый привкус общественного упадка. Бродившие по улицам существа были неприветливы, все машины, что мне попадались, выглядели так, будто являлись частью музейной экспозиции, а не средством передвижения. Кроме этого, сама архитектура посёлка вызывала чувство безнадёжности и упадка. Кирпичные дома с высокими окнами и симметрично расположенными по краям крыши трубами, напомнили мне «козу» – рогатый жест из мизинца и указательного пальца. Штукатурка порыхлела и растрескалась, палисады заросли бурьяном, а все без исключения окна были закрыты и зашторены изнутри. Особенностью посёлка были прорытые в нём по примеру петербургских каналы, которые я заметил не сразу, а лишь перебравшись через третий или пятый по счету мостик. Каналы были узкими, шли по задворкам улиц и были наполнены какой-то вонючей и непрозрачной водой.

Я прошёл к церкви, дверь её была заперта, хотя я услышал, как внутри что-то ухало и гремело. Решив, что там проходит служба, я присел на скамейку у входа и запросил у Робота карту. До машины было не больше километра по прямой, но Робот не отвечал. Прямая связь с Интернетом тоже не работала. Меня это расстроило, но не испугало. В тот день с самого утра наблюдались какие-то перебои со связью, не говоря уже о подозрительном происшествии на орбите, обрубившем воздушное сообщение с городом.

Небольшая площадь напротив церкви выглядела пустынно. Мне снова стало скучно и одиноко. На ней не было никого, кроме мрачного мешкообразного существа, которое, заметив меня, сменило курс и неровными

галсами, прихрамывая и покачиваясь на кривых ногах, направилось в мою сторону. Приблизившись, существо не представилось, обратившись ко мне с обескураживающим вопросом:

– А ты, кхम्म, чего здесь забыл?

Я не ответил, но желание быстрее покинуть место, убежав от наглеца, у меня почему-то исчезло. Его голос показался мне как будто знакомым. Знакомым на уровне тайных внутренних форм, которые душа иногда примеряет, выбирая себе укромное место под градом неразрешимых жизненных вопросов. Словно этот человек был одной из таких форм, одним из вариантов существования моей души. Словно он был послан мне самой судьбой. К сожалению, последовавшие за этим события подтвердили это предположение.

Я промолчал, прислушиваясь к скрежету открытой его голосом двери, за которой меня как будто ждало объяснение некой дурманящей тайны.

– Валил бы лучше, пока светло, – произнёс подошедший.

Это был пожилой человек примерно пятидесяти лет, одетый в хорошие, но порядком изношенные вещи. Куртка висела на нём, словно худой картофельный мешок, брюки напоминали растянутые спортивные штаны с белыми лампасами, роль которых выполняли протёртые до светлой прокладки боковые швы. На замусоленной рубашке, вцепившись в краешек кармана прищепкой-крокодильчиком, висел невзрачный бейджик с именем Садок А.Л. В правой руке словно прилипшая, болталась длинная непрозрачная бутылка квадратного сечения с аккуратно отбитым доньшком.

– Валил? – переспросил я, – почему?

– Хех, я живу здесь уже четверть века и цел только благодаря этому, – он продемонстрировал бутылку, – им не нравится запах, кажется. Или что-то еще. Но они меня не трогают.

– Кто? – спросил я. – Аркхемиане? Разве они опасны?

– Аркхемиане? О, нет, никакие это не аркхемиане. Ничего такого. Эти твари, – Садок А.Л. неожиданно прихватил свободной рукой мою рубашку, и подтянул к себе, шепча, – никакие они не аркхемиане, это вообще... не пришельцы.

От этих слов у меня мороз пошел по коже. Станным образом я ему верил и не верил одновременно.

– К тому же, – продолжил он, – твари поклоняются Дагону, а ты, наверное, уже нагуглил, что никакого дагонизма на Аркхеме нет, и никогда не было.

Я осторожно кивнул.

– На Вики сказано – дагонцы. Так вот послушай, что я скажу. Нет на Аркхеме никакого Дагона, и никаких дагонцев там тоже нет. Ни один из них не поклоняется никакому Дагону. У них вообще нет религий, понимаешь? Я проверял, загуглил как следует, ага... пока тут со связью не начались проблемы. Храмы! Да уж. Как ты себе представляешь вот это, – он обвёл взглядом возвышавшуюся за нами церковь, – на другой планете, а? Все эти купола с трезубцами, рясы из золотой чешуи, и... наши моря на иконах. На иконах, да. Наши моря! Не-е-ет, дружище, это всё своё... местное.

– Кто же это? – спросил я, чувствуя, как во мне зарождается страх.

Вместо ответа, старик еще раз приложился к своей бездонной бутылке, облизал губы, будто ему оттуда что-

то перепало, и произнёс ясным, точно помолодевшим голосом:

– Вот что я тебе расскажу. Был у меня тут дом. Зарабатывал я неплохо, купил и въехал с женой. Алина её звали. Хорошая была, – Садок А.Л. вздохнул, – Алина. Так вот, заехали мы сюда как раз по весне. Здесь повсюду белые деревья, яблони цвели. Да... Мы начали приводить в порядок участок. Деньги были, и нам захотелось оформить подводный сад. Такой, знаешь, чтобы из подвала было видно, с подсветкой, гротами, рыбками, и со всякими такими делами. Сидишь у камина, а кажется, будто на подводной лодке опустился. Красота. Я, как увидел видосик, сразу решил. В детстве у меня аквариум был, но что этот жалкий аквариум по сравнению с таким? В общем, коттеджная администрация сообщила, что их делает только авторизованный подрядчик. Я не спорил, мне какая разница кто делает. Нарисовали проект, составили план, всё красиво, стильно, лучше даже, чем хотели, и прислали двух... этих... – Садок А.Л. махнул в сторону улицы, – для проведения подводных работ. Сказали, что аркхемиане будут. Ну мы же не расисты, и не видисты, нам что? Аркхемиане, так аркхемиане. Знаешь, раз компания, а там инопланетяне, значит всё по закону. Легально, безопасно. Так вот, первые дни эти рыбные черти ничего не делали, валялись как тюлени на солнце, грелись, типа у них акклиматизация. Потом натянули над водой плёнку, чтобы видно ничего не было и вроде как делом занялись. На плёнке той был какой-то важный кальмар нарисован, в рясе и с необычной короной на голове, с таким как бы гребнем, а под ней, как у евреев пейсы – щупальца. С присосками и глазами. Те двое сказали, что это Дагон –

бог, которому они там якобы у себя поклоняются. И еще сказали, что скоро будет религиозный праздник, и к нему нужно как следует подготовиться, соблюдать что-то вроде поста...

Я мысленно проверил часы, Сеть по-прежнему не отзывалась. Связи с Роботом тоже не было. Небо, между тем, стемнело, а уличные фонари не спешили загораться. С озера еще сильнее потянуло холодом и тиной. Я пожалел, что не взял с собой тёплых вещей, свитер или куртку. В одной рубашке становилось прохладно и неудобно. К тревоге, которую вызывал рассказ подозрительного мужика со странной фамилией Садок, добавилось еще и неприятное чувство призрачной бездомности, будто я уже никогда не смогу быть дома, в тепле, в комфорте привычной, понятной жизни. Как оказалось, чувства меня почти не обманывали, но обманывало другое. Садок А.Л. продолжал:

– Работали они по ночам. Днём сидели под навесом. Ели рыбу. Воняло от них. Однажды встал ночью и увидел, как они лежат в бассейне и булькают по-своему, вернулся в кровать и дошло, что их было не двое, а трое...

Садок А.Л. облизал бутылочное горлышко и продолжил:

– У Алины стали появляться золотые украшения, которые я не дарил, не покупал, я такие вообще не видел нигде, не встречал ничего похожего. Эти рыбные гастеры ей золото дарили. Представляешь, они у меня наёмные батраки, можно сказать, а жене моей дарят золото. Каково? Знаешь, как меня тогда накрыло. Сейчас то я знаю, что третьей в ту ночь она была. В темноте не разобрал. После этого она стала меняться... Срок подходил.

– Срок? – уточник я, однако Садок А.Л. пропустил мой голос мимо ушей, продолжил так, словно я не сидел рядом. Возможно, ему просто надо было выговориться.

– Алина стала меня избегать. То у подружки, то на выставке, то еще где. Тогда я понял, что уже много дней тупо не видел свою жену. Понимаешь? Записки утром, звонки вечером, я ухожу она спит, зарывшись в одеяла, прихожу – её нет, и так один день, другой, десятый. Как было у кого-то, мы живём, под ногами не чуя страны. Да уж. Вот и я так жил, рядом, но не чуя своей Алины. А потом вдруг вернулся домой из-за автопилота. Объявили пробку, всех завернули в область, я перенёс дела и вернулся... оказалось очень не вовремя...

Садок А.Л. облизал губы, нахмурился и с тревогой посмотрел на церковь.

– Ты не поймешь. Представь, что ты смотришь на себя в зеркало, и видишь там *почти* себя. То есть не точно себя, а *почти*... понимаешь? Это почти намного страшнее любого чудовища. Ты видишь свои глаза, но они не такие, как обычно, они искажены, совсем незаметно, незаметно, *почти*... но ты видишь их и понимаешь эту разницу, ты не можешь её описать, потому что это всё еще твои глаза. Теперь представь мой ужас, когда я вернулся на три часа раньше и застал дома *почти* Алину.

Сказать честно, от этих слов мне стало не по себе. Кроме этого, я наконец понял, что меня беспокоит в Инстмуте, с каждой минутой мне всё меньше хотелось оставаться здесь на ужин.

Я перевёл дух и взглянул на небо.

Весь день в небе словно пузырились огромные пепельные облака, но к вечеру у горизонта появилась сочная

светлая полоса, и солнце, добравшись до неё, положило на землю свои густые предзакатные лучи. Всё кругом стало рыжим и глиняным. Тени от столбов вытянулись в бесконечные черные линии, и колонны на фасадах, наконец, признались в обмане. Они не отбрасывали тени – они были нарисованными. Возможно, обманом в Иннсмуте были не только они. Эта странная дымка с непонятным запахом, что, будто чья-то спящая душа, гуляла по посёлку, тоже показалась мне лживой. Когда тени вытянулись и легли на землю черными полосами, я понял, что солнце садится как раз у меня за спиной, со стороны церкви, и огромное черное пятно передо мной – это тень от церкви. И тогда, поняв это, я впервые испытал настоящий страх – справа и слева от этой тени, вытягивались другие, не такие длинные и ровные. Они двигались, копошились, ворочались и клубились – беспокойные клочки мрака, отбрасываемого кем-то, притаившимся справа и слева от нас за углами церкви. Их было слишком много по сравнению с пустыми безжизненными улицами, слишком много, чтобы не вызвать во мне чувство гнетущей тревоги и животного инстинктивного страха, какой я обычно испытываю при большом скоплении непонятных мне разумных существ.

– Тогда я решил, что со мной что-то не так, что у меня психоз, стресс, наваждение, глюки, в конце концов, – продолжил Садок А.Л. – Я напился. Я как следует напился. Тщательно, знаешь ли, как разведчик. Это было за день перед их праздником. Потом весь день на работе. С трудом, понимаешь. Когда такое происходит – работать тяжело. Я начал искать, снова гуглить, и нашел. Нет никакого Дагона, понимаешь. У аркхемиан. Нет. Ну ладно, это что... выглядят они совсем не так, не как эти... мои гастеры.

Ничего там нет от рептилии, настоящие аркхемиане – это инсектоиды, считай большие тараканы. Таких на стройках полно. И я решаю тогда – вернусь и разгоню эту кодлу к чертовой матери, и в администрацию Иннсмута жалобу напишу, что они людей обманывают, нелегалы работают за подрядчиков и всё такое. Но в тот день я поздно вернулся, из-за вчерашней пробки пришлось навёрстывать, в час ночи только. Алины нет нигде, и этих нет, я подвал смотрю – вроде нет, а свет выключил и в окне, что в бассейн выходит... вижу, понимаешь, вижу! Тащат эти двое мою Алину под воду, ко дну, там черное отверстие еще глубже куда-то уводит – дыра, а в ней ворочается что-то... я тогда хватаю из сейфа пистолет, заряжаю его...

Садок А.Л. снова приложился к бутылке, а моя тревога относительно толпившихся вокруг запертой на богослужение церкви существ достигла апогея, когда они стали издавать громкие гортанные звуки, не имевшие ничего общего с человеческой речью. Если верить услышанному мной рассказу, и это были не сертифицированные миграционной службой пришельцы, тогда что это было? И, опять же, судя по рассказу, они были настроены враждебно. Садок А.Л. тоже услышал эти мерзкие бульканья, точнее, он обратил на них внимание, отвлекшись от своего рассказа, и сразу же побледнел, руки его затряслись, и, оттолкнув меня, он бросился прочь, рассыпая проклятия и ругательства, которые я не смог бы повторить.

Порыв ветра качнул воздух между строениями в мою сторону, и я почувствовал морской запах такой плотности, какой бывает разве что на огромных рыбных базарах, да и то лишь под вечер. Впрочем, к моему удивлению, он не

показался мне противным. Наоборот, в нём чувствовалось солёное тепло моря и нежная, уютная сытость. В животе у меня заурчало, ноги сами направили тело к оставленной у «Империи селёдки» машины.

Поразмыслив немного по дороге, я пришел к выводу, что истории мужика чересчур эмоциональна. Скорее всего, с ним случилась обычная женская измена, подробности которой весьма замысловатым образом исказились в его измученном городскими стрессами сознании. Всем известно, что отношения на стороне меняют женщин, и они действительно могут становиться *почти* такими, к каким привыкли их мужья. Ничего необычного в этом нет, а в голову обезумевшего от ревности мужа могут забраться и не такие фантазии. Мы все прекрасно знаем, что женщины способны на всё, чтобы свести нас с ума. Особенное, если мы состоятельны и претендуем на независимость.

К машине я подошел, когда солнце скатилось за горизонт, раскрасив пышные облака над Иннсмутом огненными оттенками золотого и красного. Облака светились так ярко, и переливались таким сочным кровавым светом, что заодно с цветом всё кругом как будто изменило и форму. Блики на моей машине казались незнакомыми, непривычными и недобрыми. В луже под капотом отражались пламенеющее небо и переливалась едва различимая серая ртутная плёнка.

Через минуту мои опасения насчет этой плёнки подтвердились. Что-то в машине протекло, и она перестала работать. Робот объявил мне, что запаса его резервного питания осталось на сорок пять минут, что он пытается отправить сообщение в службу транспортной поддержки, но связи с ней почти нет.

После этого цепь странных совпадений продолжилась, моя машина и живущий в ней Робот добавили очередное звено. А следующим должен был стать ресторан, который был по-прежнему закрыт – внутри него, за широким мрачным стеклом ничего не светилось. Свет не горел, в духовке не готовилась селёдка. Мой голод снова напомнил о себе, настроение заметно ухудшилось. Мне стало холодно и некомфортно. Улицы стремительно тонули в сумерках, а фонари хранили убийственное световое молчание. Город, словно огромная подводная лодка, медленно погружался на дно, а заполнявший его воздух пропитывался чернотой утробных морских глубин, холодел и уплотнялся, становясь каким-то скользким и вязким одновременно.

Осмотревшись, я заметил, что за мной наблюдают из ближайшего дома. Свет в окне не горел, но я заметил две пары искрящихся глаз, сопровождавших мои рассеянные движения вокруг машины. Я подошел к ним и знаками попросил помочь найти связь. Через некоторое время дверь открылась, и я сделал робкий шаг в жилище инопланетян. В то, что они не инопланетяне, как пытался убедить меня своим рассказом Садок А.Л., мне по-прежнему не верилось.

В доме у аркхемиан со связью был полный порядок – я позвонил в экстренную службу, передал свои координаты и, поблагодарив хозяев, вернулся к машине ждать скорого приезда спасателей.

Время тянулось медленно, и на улицу вернулся тот странный туман, что я заметил в самом начале своего визита в Иннсмут. Вокруг меня стало теперь не просто темно, а непрозрачно темно. Туман закрыл небо, отправив меня на самое дно Иннсмутской бездны. Я забрался в машину,

запер двери и попробовал найти, чем можно согреться. Однако, вещей у меня не оказалось, ведь я не собирался ночевать ни вдали от дома, ни в гостинице, тем более не думал, что придется сидеть в сломавшейся машине.

Через некоторое время туман за окнами сгустился настолько, что стекла казались закрашенными с обратной стороны черной краской. Когда мои глаза привыкли к темноте, я заметил, что в окнах что-то блестит. Во всех по периметру. Искры, большие и маленькие, но, когда я приблизил свои глаза к стеклу, чтобы лучше их рассмотреть, меня отбросило назад, словно ударом тока – да еще и скрючило от ужаса – все эти искры, это были глаза аркхемиян, облепивших мою машину словно мухи. А когда я увидел так близко их лица, множество, множество их *почти* человеческих лиц, я почувствовал страх. Что если они задумали что-то ужасное? Что если они причастны к поломке моей машины? Ведь она прежде не ломалась ни разу. Что если они действительно не пришельцы? Тогда кто? Меня колотил озноб, коленки буквально тряслись. А что если меня на найдут в таком тумане спасатели? Как я выберусь из этого замороженного Иннсмута, если в следующий раз мне откажут в телефонном звонке? Кто меня будет искать, если искать меня некому? Ни родителей, ни собственной семьи, ни настоящих друзей. Кому я нужен со своими страхами и жизнью, наполненной лишь стремлением стать еще более одиноким?

Совладав кое-как со своим страхом, я принялся разглядывать лица окружавших машину пришельцев. Что-то подозрительно знакомое было в них всех. Словно я видел их уже где-то, но не мог вспомнить где. Как будто в новом, незнакомом запахе вилась одна бледная, но

знакомая нотка, своим присутствием старавшаяся что-то рассказать, выдать, что-то подсказать. Я не сразу понял, что именно, но, когда понял, мне стало еще страшней – потому что Садок А.Л. оказался прав. Меня окружали не пришельцы – это всё были люди. Странные, измененные, очень похожие на обычных, выглядящие *почти* как пришельцы. Замаскированные под них, видимо, чтобы ни у кого не возникало подозрений. Но я не сразу понял это, потому что база, от которой отталкивались эти изменения, лежала за пределами европеоидной расы. Осознав это, я ужаснулся еще сильнее – кто же это, и что привело их к такому?

От окончательного помешательства под угнетающими сознание взглядами сотен черных глаз меня избавила мигалка спасательной машины. Мрак тут же расступился, а заодно с ним исчезли и осадившие меня иннсмутцы. Облегченно вздохнув, я осторожно выбрался из машины. Спасение было совсем близко. Если моя машина не включится, меня просто доставят в гостиницу, где я смогу согреться, поесть и выспаться.

Механик-спасатель вышел из своей машины, и, обратившись ко мне по имени, попросил описать ситуацию. Рассказывать было особенно нечего, я показал его фонарику лужу, разрешил Роботу сообщать ему любые технические данные, разлочил гнездо для зарядки.

– Всё ясно, исправим за минуту, – бодро объявил мне механик-спасатель, поправляя форменную кепку, – но данный тип поломки не входит в вашу базовую страховку, потребуется дополнительная оплата.

О, как я был счастлив тогда, что всё вот-вот закончится. Как я надеялся на это. Даже был в этом уверен. Спасатель

выудил из кармана терминал и протянул мне:

– Ваш пальчик, пожалуйста.

Я приложил палец, но экран загорелся красным, а не зелёным, как обычно. Я подышал на него, вытер о штанину и проложил еще раз. Мне отлично запомнился тот момент, замечательно, как я прикладывал палец пятый раз, шестой, десятый, а терминал лупил меня своими красными пощечинами. Когда я уже по несколько раз перепробовал все свои ручные пальцы, спасатель, до этого терпеливо стоявший в сторонке (на втором пальце он отошел, положив терминал на капот), наконец, предложил воспользоваться запасным терминалом.

Мне захотелось его ударить. Я мёрз и нервничал, а у него был запасной терминал, ведь ежу понятно, что этот сломался. У меня нигде ни разу не было проблем с оплатой покупок и авторизацией с помощью отпечатка.

Однако, с другим терминалом всё оказалось точно так же. Ничего не изменилось, мы только тратили время. Это погрузило спасателя в некоторое замешательство. Он попросиллюбыедругиедокументы,ноуменяих,разумеется, не оказалось. Тогда он попытался сфотографировать меня и отправить фотографию в датацентр – ослепил меня вспышкой, но связи не было и ему не удалось ничего никуда отправить. Тогда он решил просто сверить моё лицо с тем, что отражалось в его заказ-наряде. Для этого он направил на меня фонарик, и тогда я почувствовал кожей, как он вздрогнул, едва не выронив свой источник света.

Не говоря ни слова, он ошалело бросился в свою машину и умчался в темноту. Я так опешил от этой стремительной смены поведения, что не сразу понял, что произошло. В какой ужасной ситуации я оказался.

Убравшись, спасатель оставил меня наедине с темнотой и толпой азиатов, зачем-то маскирующихся под пришельцев.

Робот сообщил, что его резервный аккумулятор разряжен. Я потребовал включить свет в салоне, хотя бы на секунду, а сам поднёс лицо к зеркалу над рулём. Свет включился – я увидел себя.

Почти себя.

А вокруг, вокруг меня в машине, весь салон – они. Кругом они. Я почувствовал, как мой собственный страх глотает и пережёвывает меня, впиваясь зубами в мою мыслительную плоть и душу. Перед глазами закружились уродливые пятна, чужие рыбные лица. Повинуясь инстинктам, я бросился прочь, на улицу. Здесь, где в отступающем тумане копошились и перекатывались громоздкие тени, всё произошедшее стало казаться мне сном, безумным кошмаром. И я будто плыл в нём, сам того не желая. Кто-то дёрнул меня за ногу, и в голове загудел колокол, оглушая меня ударами обезумевшего сердца. Я бросился прочь от машины, от всех этих странных лиц. Ноги понесли мимо искаженных улиц, будто струившихся и перетекавших из одной в другую морд, с огромными, мокрыми, как у живых рыб, глазами. Впереди показалась вода, и пробудилась надежда на спасение – Плещеево озеро должно быть таким мелким, что по нему можно запросто обойти этот чудовищный Иннсмут. Я побежал к воде, ныряя в её запах, который был как морской, сладковато-солёный с привкусом ржавчины и водорослей.

Однако, на берегу меня ждало разочарование – озеро так быстро набирало глубину, что я едва ли не с головой ушел под воду, сделав один единственный неловкий шаг. Выбравшись, я развалился на песке, стараясь отдышаться.

Когда дыхание восстановилось, я почувствовал страшный холод. Вся моя одежда промокла. И вот тогда, когда я был на волоске от гибели, моё лицо пригрел красноватый отблеск загоревшегося где-то вдалеке окна. По черному силуэту здания я догадался, что это та самая церковь, что возвышалась у берега и у которой мне встретился Садок А.Л.

Я встал и, трясаясь от холода, побрёл на этот свет. За спиной что-то хлюпнуло, точно выходя из воды, и, с трудом втягивая воздух, потащилось следом. Холод усилился. У входа в церковь меня уже колотил сильнейший озноб, руки тряслись, зубы стучали, ноги едва слушались. Но, вопреки моим наивным надеждам, внутри церкви оказалось еще холоднее, чем снаружи. Надо же, мне казалось, что я шел в церковь за спасением, но там, глядя на возвышавшееся у алтаря огромное каменное чудовище, я вдруг понял, что могу рассчитывать, в лучшем случае, на пощаду.

Церковь выглядела странно даже если представить, что её устроили инопланетяне. Представьте иконы, где в сюжетах люди сдвинуты на роль чертей и демонов, а их прежнее возвышенное место занимают уродливые рыбообразные существа. При этом борьба с этими людьми в роли чертей ведётся с помощью поднявшегося из морских бездн огромного монстра, напоминающего рассерженного мускулистого караса с грозно оттопыренными плавниками. Впрочем, у меня не было ни времени, ни желания разглядывать эти безобразные художества. За мной пришлёпало в церковь нечто мокрое и отвратительное, с лицом человека по имени Садок А.Л.

В том, что это было его лицо я не сомневался, но вот тело... теперь оно было похоже на комок слипшихся

водорослей внутри которого что-то ворочалось, хлюпало и причмокивало. Будто оно ело Садока А.Л., пока тот смотрел на меня своими бледными глазами, а рот его шевелился как у рыбы с болезненно вырванными жабрами.

– Садок? – произнёс я, стараясь быть как можно приветливей.

– Дх`а, – отозвался тот, вращая белыми глазами.

– Рад вас снова встретить, – сказал я.

– Мнх`е нх`адо закончить, – проскрипел Садок А.Л. – самое интх`ересное в моей истории, там дх`альше... про тх`ебя.

– Про меня? – удивился я, чувствуя, что теряю контроль над окончательно замерзшими конечностями.

– Дх`а, про тебя. Про то, что пх`отом назвх`али инстмутский инцидх`ент. Моя Алинх`а не умерла. Я не смх`ог помешать, не смог её убх`ить. Её принх`если в жертву. И озеро... озеро лишилось днх`а, стало частью вх`еликого подземного моря. Которым правит Дх`агон. Он поднх`ялся из глубин и взх`ял её... а зх`атем...

Удивительным образом мне удалось запомнить эту странную речь Садока А.Л. почти до самого конца. Или мне показалось, что это был её конец, потому что сам я почти утратил сознание, когда услышал его слова, они добили меня окончательно. Слова, после которых, он, кажется, умер, или был окончательно съеден. Так, в стенах этой странной церкви, посреди зловонного мрака, поднимавшегося от земли словно дым, и струившегося вокруг гигантских статуй, ронявших тяжелые скользкие тени между полосами синего света из оскалившихся витражей, я услышал то, что совсем не хотел услышать, и узнал то, что мне не нужно было знать. Садок А.Л. открыл

свою выморочную пасть, задрал полупрозрачный язык, словно собака ногу, и произнёс, шипя и харкая:

– А зх`атем... онх`а родила тх`ебя...

После этих слов я, кажется, умер. Точнее, хотел бы умереть, но, видимо, просто отключился, и увидел сон, в котором передо мной пронеслась история целого народа, существовавшего на Земле с незапамятных времён, намного дольше, чем люди. Его представители считают людей такими же пришельцами, как нынешние люди считают остальных инопланетян. Этот народ живёт в море, в огромном подземном море, которое намного больше всех континентов и островов с океанами, в которых эти континенты плавают. Этот народ уже много раз успешно избавлялся от пришельцев задолго до появления людей и прочих инопланетных форм жизни. И собирается проделать это снова, теперь. Для реализации плана ему нужны метисы, такие, как я – наполовину люди, наполовину истинные земляне. Нас таких должно быть много, а само очищение начнётся с Плещеева озера. Верховный повелитель этого народа выбрал это озеро в качестве своего главного калибра. Люди назвали тот день «Иннсмутским инцидентом». Дно озера опустилось, а рыбаки начали вытаскивать из него морскую рыбу. Ядовитую, как и воды самого озера. Как и водоросли, что растворяли их лески, крючки, сети и лодки, и сами их кости. В Переславле-Залесском закрылся последняя «Крошка-картошка», и город тут же пропал со всех туристических карт. Скрылась в безмолвной серости электронных пустошей и необитаемых зелёных многоугольников, словно её и не было. И тогда из посёлка Иннсмут сбежали все кроме наёмных работников из

средней Азии. После чего туман, покорный слуга Дагона и великого подводного народа, истинных первородцев планеты Земля, день за днём принялся менять их внешность, их культуры и мировоззрения. Превращая их в своих покорных, безмолвных, словно рыбы, слуг. Такими я их и увидел – азербайджанцев, узбеков, киргизов, армян, грузин, туркменов, таджиков – когда они показались мне пришельцами с огромными рыбьими ртами и глазами, отливавшими зелёной морской слизью. Во сне я узнал и многое другое, о чем не в праве писать. Мой сон был длинным и сложным, но закончился.

Из цветастых окон церкви било солнце, пыльные лучи падали на пустые скамейки и алтарь с изображением истинного бога Земли. Вокруг никого не было, и даже воздух, казалось, очистился от липкой памяти вчерашнего кошмара. Я встал и, проверив работоспособность своего тела, направился к выходу. За дверью меня встретил яркий тёплый день, запах моря, и приветливый голос Робота, сообщившего мне время, прогноз погоды и заряд аккумулятора. Всё было так, словно и не было вчера никаких ужасов и оживающей тьмы. Словно не приезжал на закате механик-спасатель, принявший меня за инфицированного трояном, эпидемия которого превратила цветущий Мухосаринск в депрессивный Постзомбийск. Я забрался в машину и направил автопилот на гостиницу. Мы поднялись над Иннсмутом и через пару минут я уже сидел у себя в номере, собираясь с мыслями. Первым делом, мне захотелось записать всё, что со мной произошло, что я и сделал.

Теперь, прежде чем запостить свой странный рассказ в блоге, я должен уточнить, что мне в этой истории теперь

всё ясно. Моё загадочное одиночество и неприятие других форм жизни нашло своё объяснение. Паззл сложился, и, даже если из моего, местами путанного описания, вам не всё понятно – так я же не писатель, не срываю огромные тиражи и не получаю гонорары. К тому же, вам не обязательно сейчас всё понимать, потому что вы всё равно скоро умрёте. Все.

Вчера я попал в Иннсмут потому что по всей планете отключилась спутниковая связь. Небо закрыли, роботы опустили хозяев из закрытого полицией неба. Теперь я знаю почему. Всё это часть великого плана, в котором у меня одна из ведущих ролей. И этот план – наш первый шаг к избавлению. Избавлению от пришельцев. От всех пришельцев на Землю.

От вас.

В'у-эн н'кгнат фха'гну н'аэм'н.

В'наа-глиз-зай в'наа-глиз-зн'а килт.

Ай'а ри'гзенгро, Ай'а Дагон.

Андрей Миллер ЗАКОНЫ ГЕОМЕТРИИ

«Если вы возьмете десяток любых домов, которые были построены до 1700 года и впоследствии никуда не перевозились, то готов поклясться, что в подвалах восьми из них я отыщу что-нибудь пикантное: во всяком случае, такое, что заслуживало бы самого пристального внимания»

Г.Ф. Лавкрафт, 1926 год

Из ненаписанного дневника

Я полагаю вполне допустимым предположить, что каждый из живущих или когда-либо живших хотя бы изредка (по меньшей мере несколько раз на протяжении жизни) погружался в размышления о том, где и при каких обстоятельствах он скончается. То могли быть как мрачные думы, исполненные суеверного ужаса перед смертью и тем, что ожидает нас после неё, так и лишённые всякого мистического волнения упражнения для пытливого ума.

Безусловно, и я сам не раз размышлял на эту тему, всякий раз находя сравнительно приемлемые варианты: по меньшей мере не внушавшие тоски или ужаса, а скорее даже некоторым образом тешившие самолюбие. Я определённо никогда не допускал мысли, что умру в тесноте захламлённого помещения, напоминающего чердак, да ещё расположенного в таком месте — причём

пребывая в столь странном и отвратительном состоянии, которое давно уже стало мне привычным.

Тем не менее вынужден признать: я вполне отдаю себе отчёт в том, что цепь невероятных событий, приведших к такой жалкой кончине, преимущественно состоит из мною же выкованных звеньев. И я был бы рад записать историю своей жизни, имея технически такую возможность. К сожалению, мне мешает не только отсутствие в этом проклятом месте пера, чернил и бумаги, но также более существенные факторы, которые стали бы для вас абсолютно очевидны, взгляни вы на меня сейчас.

Перед лицом смерти, затхлое дыхание которой уже явственно ощущается, могу лишь выразить робкую надежду: возможно, до сих пор столь яркие в моей памяти события (а ведь с тех пор прошло много лет) опишут другие их участники. Вне всяких сомнений, таковые авторы, если они найдутся, выразят в своих произведениях самое нелестное мнение обо мне. И это, если постараться взглянуть на ситуацию объективно, будет довольно справедливо.

Возможно, нынешняя моя внешность некоторым образом отражает заключённое в брэнной телесной оболочке содержание?..

I

Пабло Руис был мужчиной уже немолодым, но весьма физическим крепким, и кулак его по-прежнему напоминал пушечное ядро. Когда этот кулак с размаху ударил по столешнице — вздрогнул, затрещал и задребезжал весь большой дом. Слуга ворвался в комнату сию же

секунду, будто ошпаренный.

— Которая нынче дата?

— Ну... ммм... год тысяча шестьсот одиннадцатый от Рождества Христова, сеньор!

Пабло тяжело вздохнул.

— Я, конечно, в последнее время пью много. Но не настолько, чтобы забыть, который идёт год! Я спрашивал о дне, дубина!

— Ах... десятый день августа, сеньор.

— Вот как... значит, кем бы ни были люди, столпившиеся за воротами — я их не ждал сегодня. Это незваные гости. Тебе известно моё отношение к незванным гостям?

— В полной мере, сеньор.

— Так спровадь их.

— Боюсь, сеньор, что не могу. Это люди из Логроньо.

— И что? Да будь они хоть из самого Мадрида!

— Я имел в виду, сеньор, что в Логроньо работает трибунал Святой Инквизиции, как вы знаете... и среди гостей есть человек, связанный с трибуналом.

Это уже становилось интересным, хотя и явно пахло неприятными вещами — но за свою долгую военную карьеру капитан Пабло Руис нанюхался всякого. Но инквизитор инквизитору рознь! В дни молодости капитана эти люди занимались реальными проблемами: скрытыми мусульманами и евреями, тогда ещё весьма многочисленными. От иноверцев постоянно исходила угроза бунта, они помогали берберским пиратам — и Бог знает, какие ещё грязные козни строили против великой и прекрасной Испании.

А вот творящееся в Логроньо... ведовские процессы, серьёзно? Это что, немецкие земли или страна вшивых

протестантов? Вздор! Ну, по крайней мере, сам капитан не был ни в чём обвинён. Ведь ворота до сих пор не вынесли.

— И какое отношение этот человек имеет к Инквизиции?

— Не могу знать, сеньор. Но с ним прибыл капитан Алонсо де Алава: смею полагать — это значит, что дело достаточно серьёзное.

Тут хозяин дома вспыхнул. Он вскочил со стула и затряс пудовыми кулаками в воздухе, чем вынудил не на шутку перепугавшегося слугу отпрянуть.

— Приехал Алава, а ты мне не сообщил?! Я должен сам высматривать людей у ворот и спрашивать тебя, кто они такие???

— Но... сеньор! Вы же велели никого не пускать и ни о ком не докладывать! Ещё третьего дня...

— Ах, да... и правда. Велел.

Капитан Руис вытер вспотевший лоб рукавом камизы. Память ни к чёрту — то ли нужно меньше пить, то ли дело в возрасте. Впрочем, именно из-за запоя он и велел полностью оградить себя от любых посетителей.

Уже очень скоро Пабло Руис разливал по стаканам пачаран, который готовила супруга — для крепкого агуардьенте час был слишком ранний, а пить вино капитан считал уместным с женщинами. Не в компании серьёзных мужчин.

— Выходит, я снова потребовался Богу и королю Испании? Ох, грехи мои тяжкие...

Алонсо де Алаву хозяин дома не видел уже много лет — однако это был тот случай, когда годы не имеют никакой власти над отношениями между людьми. Бывают настоящие друзья, с которыми можно не общаться сколь угодно долго, но стоит встретиться вновь — и словно не

было разлуки. Руис с Алавой ещё четверть века тому назад сражались плечом к плечу в Нижних Землях. Они были среди солдат, с которыми случилось Чудо при Эмпеле, после которого сами злейшие враги католической веры говорили: «Кажется, Господь — испанец».

Капитан Алава внешне постарел меньше, чем Руис. Это был статный светлоглазый мужчина с аккуратной бородкой — в противоположность косматой растительности на лице Руиса. И совсем без седины. Даже в том, как Алава просто сидел на стуле, чувствовалось высокое достоинство. Настоящий идальго-де-сангре, сошёл бы и за гранда!

— Всё верно, мой добрый друг. В нашем нынешнем деле, посмею сказать, каждый человек на счету: а ты один стоишь полудюжины, и это не говоря о прославленных способностях командира, описать которые возможно лишь в самых восторженных выражениях. Я просто не мог не обратиться к тебе.

Инквизитор, как и положено при его должности, производил мрачное впечатление. Это был скромно одетый человек огромного роста, однако очень худой. Он брил голову так же тщательно, как лицо. Возраст определить казалось невозможным. Никаких подробностей о себе человек из трибунала не сообщил, лишь назвался: Иньиго. Отчего-то Руис сразу заподозрил, что имя может быть вымышленным. А ещё почувствовал — Алава наверняка знает о церковнике немногим больше...

— Что за дело?

— Дело, угодное Господу. — заговорил Иньиго вкрадчивым голосом, от которого становилось слегка не по себе. — Милостью свыше удалось не только искоренить колдовство в Логроньо, но и получить массу

сведений о бесовстве, охватившем горы на севере нашей благословенной страны. Сейчас многие служители Инквизиции, подобные мне, расследуют обстоятельства. По всем баскским землям, по всей французской границе. Лично меня особенно интересуют дела подле Сугаррамурди.

— Сугаррамурди?.. Слышал, там был большой ведовской процесс. В прошлом году.

— Большой, вы правы. Сотни арестованных, десятки осуждённых... несколько костров.

— И что, этого не хватило?

Вопрос, конечно, риторический. Раз инквизитор с целым военным отрядом и в сопровождении Алавы вновь направился туда, да ещё потребовалось участие Руиса — то ясно, что пары-тройки костров не хватило.

— Боюсь, ситуация тяжёлая. По многочисленным свидетельствам, которым есть все основания доверять, одна из горных деревень неподалёку от Сугаррамурди охвачена... даже не обычной ведовской ересью. Рассказывают о бесовском культе, что существует в тех местах очень, очень давно. Говорят, будто в горах живёт особый народ.

— Это какой? Беглые иудеи?

— Неуместная шутка, капитан.

— И правда, Пабло. Пересказ сеньора Иньиго вышел коротким и сухим, но можешь поверить: я лично слушал показания. Звучит очень недобро и, великому моему сожалению, столь же убедительно. Слишком много мелких деталей совпадает в речах людей, которые, в чём я всецело уверен, никаким образом не могли сговориться.

— Значит, культ существует давно. Насколько?

— Быть может, он даже старше христианских королевств.

Пабло Руис присвистнул и освежил скатаны. Свой опорожнил мгновенно, залпом, пролив немного на бороду.

— Еслитак, то его давно пора искоренить. Всё начинается с безумцев в горах, поклоняющихся деревянным членам и ещё Господь ведает, чему... а заканчивается Реформацией!

И при слове «Реформация» Пабло смачно плюнул на пол, пусть это и был пол его собственного дома. Алава улыбнулся. В этой улыбке было заметно некоторое смущение.

— Вот видите, сеньор Иньиго! Я говорил вам, что мой друг Пабло — самый ревностный католик в здешних местах. Этот человек понимает, чего хочет Господь, и всегда готов к решительным делам на благо нашего великого королевства.

— Именно такой человек, как капитан Руис, нашему небольшому отряду необходим.

— Тогда следует выступать на рассвете. — решительно заявил Пабло, будто уже сделался тут командиром. — А этим вечером мы хорошенько выпьем за будущий успех. И с тобой, Алонсо, за встречу. Я не пью вина в походе, а вернёшься ли из него — никогда не знаешь наперёд. Поэтому без выпивки, сеньоры, нам сегодня нельзя.

Как и следовало ожидать, инквизитор отказался от участия в лихой попойке, которую Пабло уже очень скоро организовал. Он уединился в комнате для гостей ещё засветло. А на втором этаже капитанского дома гуляли полночи — отчего недовольство жены Руиса, и без того весьма расстроенной очередной авантюрой мужа, усилилось.

— Мало я за тобой шаталась по Нидерландам... хочешь вдовой на старости лет оставить, подлец?

Она картинно заламывала руки и сверкала чёрными глазами. Такая же знойная женщина, как двадцать лет назад! Кажется, именно в злости Мария остановилась особенно красивой.

— Н-н-не волнуйся... — отвечал капитан, пытаясь поцеловать её в щёку. — В-в-во Фландрии не отдал Богу душу и в этих горах н-н-не отдам! На святое дело идём: веру католическую защищать... САНТЬЯГО!..

— САНТЬЯГО!!! — отозвались пьяные голоса.

Мария уворачивалась от поцелуев, а желание влепить мужу пощёчину явно сдерживала только из-за гостей.

Пили они, конечно, не вдвоём с Алонсо: за стол сели все офицеры отряда. Особое внимание сразу же обратили на себя двое.

Во-первых, странно смотревшийся среди испанцев рыжий бородач имени Дженкин — его Алава представил ревностным католиком из Ирландии, ветераном знаменитого полка Генри О'Нила. Руис имел некоторое предубеждение относительно всяких иностранцев на испанской службе, даже из Португалии или Италии. Что уж говорить о таких? Невозможно доверять ирландцу, так скажет любой человек в здравом уме. Однако капитан решил не судить о Дженкине раньше времени. Думать, будто Алава привёл сюда ненадёжного человека — оскорбление по отношению к старому другу.

Во-вторых, нельзя было не заметить Хосе — айюданте Алавы.

— Т-т-так, а ну-ка скажи, Хосе: ты мориск? Новый, ик, христианин?

Восточные черты во внешности Хосе были очевидны, отпираться он не стал. Бербера напоминал он куда больше, нежели испанца.

— Это правда, капитан. Но мои предки отринули ислам и приняли истинную веру ещё в год падения Гранады. Не сомневайтесь во мне!

Надо сказать, Хосе был буквально дьявольски красив. Стройный, с очень смуглой кожей, тонкими усиками над чувственно изогнутой губой, ясными глазами и роскошной шевелюрой. Если собрать всех девок Амстердама на одной площади и показать им Хосе — мятежные провинции тотчас затопит, несмотря на все дамбы!

Руис ещё даже представить не мог, какую роль каждый из этих людей, столь друг на друга не похожих, сыграет в завязавшейся истории. Но отряд ему нравился, хотя в глубине души капитан ощущал тревогу. Отчего-то он вспоминал давно прочитанную книгу, название которой напрочь забыл, как и имя автора: в памяти остался лишь сюжет по походе римского квестора Луция Целия Руфа по античным Пиренеям. Никаких подробностей похода капитан тоже припомнить не сумел, как ни старался.

Он даже не был уверен, что действительно читал такой труд, но побоялся себе в том признаться. Иначе вышло бы, что смутное воспоминание о Луции Целии Руфе пришло откуда-то со стороны. С той стороны, куда лучше не смотреть.

II

Дорога шла спокойно, если не считать довольно пугающих подробностей о культе, которые рассказывали на привалах. Это очень редко делал сам инквизитор

Иньиго, предпочитавший молчать у костра, проводить время в молитвах или за книгами. Трепался в основном Дженкин: он оказался более-менее посвящён в детали.

Нёс ирландец, конечно же, окоlesiцу: иногда казалось, будто сочиняет на ходу. Он вёл речи о сохранившемся в диких горах древнем народе, ещё более чуждом всем окружающим, чем баски.

Якобы люди эти — какие-то желтокожие и с раскосыми глазами, напоминают азиатов, а языка их не знает никто. Будто они издревле совершают обряды, наводящие на окрестности такой ужас, что до сих пор никто не отваживался даже донести о подобной дикости Святой Инквизиции. Но при том народ этот, как ни странно, охотно торгует с местными — и так тоже повелось ещё многие века назад.

Кто-то у костра пошутил: мол, всё-таки похоже на типичных басков! Шутка вышла не очень, потому как среди солдат хватало горцев. Алава в тот момент отлучился на нужде, Иньиго опять уставился в книгу, так что Пабло Руис счёл своим долгом навести порядок.

— Отставить!.. В скольких кампаниях ты был? Вот я сражаюсь ещё со времён, когда был жив дон Хуан Австрийский, светлая ему память. И всё, что скажу о басках — они прекрасные солдаты! А кто будет сеять рознь в отряде, того я лично огорчу до невозможности.

Позднее Дженкин рассказывал более рациональные вещи: о том, что угнездившийся в горах культ почитает некоего Чёрного Человека, причём хоть божество и чернокожей — оно нисколько не напоминает мавра или негра. Эти сведения охотно подтверждал и Хосе, причём на несхожести демона с маврами делал особый акцент — по

понятным причинам.

Руис, Алава, инквизитор и Хосе ехали верхом, а Дженкин шагал во главе строя вооружённых алебардами и мушкетами солдат. Пока отряд двигался по хорошим дорогам, этот строй оставался совершенно образцовым — плотная, ровная колонна. Но вскоре местность начала делаться более пересечённой: холмы становились всё выше, переходили в невысокие горы, а вдалеке виднелись и настоящие вершины, за которыми лежали французские земли. На каменистых тропах многие солдаты всё-таки отставали, отряд растягивался. Пабло в очередной раз убедился, что прав насчёт басков: теперь ясно виделось, кто здесь вырос в горах.

К счастью, погода не была особенно жаркой, солнце в основном пряталось за облаками. Людей отряд почти не встречал — только изредка видели вдалеке пастуха или одинокого путника. Руис заключил, что эти места всё-таки не должны быть настолько безлюдны, и местные просто не горят желанием встречаться с инквизиторами. Учитывая события прошлого года, трудно было их за это осудить.

— Сеньор Иньиго упоминал о евреях?

Вопрос Хосе явно не был продиктован желанием начать праздную беседу. Прозвучал он именно в тот момент, когда айюданте с Руисом немного оторвались от остальных.

— Нет, о евреях не слышал.

— В Логроньо мы его обсуждали. Это учёный, известный среди марранов... особенно среди подозрительных марранов, если вы понимаете, о чём я.

— Ещё как понимаю. Марранам доверять нельзя.

— Вынужден согласиться, хоть я и сам из морисков. Этот человек, Симон, скрывается в горах, потому что не

хочет даже делать вид, будто исповедует христианство. По слухам, Симон дружен с тем странным народом, хотя некоторые утверждают обратное. Он выдающийся математик и астроном, а также автор исторического труда о некоем римлянине Луции Целии Руфе.

— О, ты читал эту книгу?

— Точно не припомню, но я определённо слышал о ней.

Руис задумчиво пригладил бороду.

— Вот и у меня похожее ощущение... и что, еврей — также цель нашего похода?

— Не могу знать, однако сеньор Иньиго расспрашивал людей о нём. Не очень часто, но такие вопросы звучали. Я подумал, вам стоит знать об этом. Вероятно, сеньор инквизитор сильно устаёт в дороге, ему сложно излагать все подробности...

— Алава в курсе?

— Я полагаю, что да.

А вот Дженкин, видимо, ничего о еврее Симоне не знал. Иначе точно проболтался бы: ему усталость абсолютно не мешала чесать языком. С рациональной точки зрения информация не казалась капитану Руису важной: один иноверец — не повод для таких решительных мер, даже если он имеет влияние на марранскую общину, бывших иудеев. Однако слова про Луция Целия Руфа обеспокоили. Это имя и смутные воспоминания о книге, содержавшей его, всё никак не оставляли Пабло в покое. Действительно ли он читал подобный труд? Может быть, читал очень-очень давно?

Удобное объяснение, однако капитану всё сильнее казалось, будто он видел книгу загадочного Симона

во сне. В грёзах, почти полностью забывшихся после пробуждения.

Сугаррамурди давно остался позади. Отряд углублялся в горы. Здесь дули сухие ветра, зато было ещё прохладнее, а это облегчало путь. Проводников так и не нашли, однако в одной из деревень удалось получить некоторые сведения. Местные указали на тянущуюся вверх тропу: дескать, это и есть дорога к поселению странного народа, к очень старому городу, название которого никто не помнил или не хотел сообщать. Свернуть, мол, особо некуда — не ошибётесь.

Во время одной из ночёвок в горах Руис видел удивительный сон: весь отряд предстал в римских доспехах, знамя с бургундским крестом превратилось в античный штандарт, но никто не обращал на эту перемену внимания. Все вели себя как обычно.

Понадобилось ещё два дня с той ночи, чтобы достичь поселения в горах, которое едва ли было обозначено хоть на какой-то карте. К тому времени лёгкая тревога Пабло Руиса перешла в весьма сильную, её едва удавалось скрывать.

И он даже не удивился, когда дело приняло дурной оборот. Удивительное началось позже.

III

Хосе ворвался в тёмное помещение последним и захлопнул за собой тяжёлую дверь.

— Нужно подпереть! Нужно чем-то подпереть!

— Заколотить!..

Странно, что среди укрывшихся в доме наибольшее спокойствие сохранял инквизитор Иньиго — ведь только

он здесь не был военным.

— О Матерь Господа! Что это было?!

— Не, ну ты это видел? Ты это видел???

Крепкий каменный дом, явно древний (даже по сравнению с теми, что встретились прежде), стоял на самом отшибе — с противоположной стороны от места, где отряд вошёл в городок. Одному Господу ведомо, как Руису, Алаве, Иньиго, Дженкину, Хосе и нескольким солдатам удалось пробиться сюда. Если бы кто-то попросил Пабло описать пережитое, он сказал бы одно: пробиваться пришлось через настоящий ад. Или даже Ад.

Городок ему сразу не понравился. Он, наверное, не понравился никому — разве что мрачный и почти лишённый эмоций инквизитор не подал виду, да Дженкин сохранил весёлое настроение. Местечко ничем не напоминало селения подле Сугаррамурди, как и прочие испанские городишки, а если уж совсем начистоту — вообще что-либо, виданное Руисом прежде. Эти дома строили те, чьи архитектурные традиции не имели ничего общего с христианским или исламским миром. Даже трудно было внятно описать впечатление: искривлённые формы и косые углы складывались в откровенно безумную картину.

Жителей отряд не встретил, хотя они не покидали городок: двери и ставни на пути испанцев резко захлопывались. Из щелей тут и там сочился свет, который иногда напоминал обычный свечной, но чаще имел тревожные оттенки красного, зелёного и фиолетового. Последний цвет встречался особенно часто.

А потом стал легко различим звук многочисленных барабанов, идущий невесть откуда. После чего и началась настоящая вакханалия.

— Что это за твари?

Вряд ли кто-то из уцелевших мог ответить.

Пока в живых оставались не только добравшиеся до дома: из центра города до сих пор слышались крики и выстрелы, однако помочь тем солдатам уже не было никакой возможности. Руис даже не понял, причиняли ли пули какой-то вред летающим тварям, рассмотреть которых во тьме он толком не сумел.

— По крайней мере, кровь из нанесённых нами противнику ран течёт, что весьма убеждает в реальной природе существ, с которыми мы вынуждены иметь дело. — заключил Алава.

— Это не очень-то похоже на кровь.

Действительно: на клинках и доспехах хватало вязкой, липкой жидкости. Однако она явно была не красного цвета — точно определить его в тьме возможным не представлялось, но Руис прекрасно знал, как выглядит в ночи кровь. Насмотрелся в энкамисадах... нет, она смотрится иначе. К тому же сия жидкость была значительно более густой, навроде нефти.

— Демоны! Это сами демоны из Преисподней, говорю вам!

— Вряд ли из демонов вытекает хоть что-то. — рассудил более-менее успокоившийся Руис, хотя знатоком демонологии точно не являлся. — Интересно другое. Где мы?

Поначалу немногие поняли смысл вопроса. Однако он был не риторическим и не обращённым ко всем испанцам: Руис пристально смотрел лишь на одного из них. На инквизитора. И тому имелаась веская причина, только что капитаном осознанная.

— Это вы мне, сеньор Руис?

Голос Иньиго звучал совершенно ровно: будто не случилось ни явления ужасающих существ, ни гибели большей части отряда в бою с ними, ни погони.

— Именно.

— И почему вы спрашиваете об этом меня?

— Потому что вы знали, куда бежать.

Все взгляды скрестились на Иньиго. Наверное, прежде никто не задумался — но ведь и правда: убегая от страшных тварей, военные следовали за инквизитором. Прямо до дверей дома.

Прежде, чем эта неприятная беседа получила развитие, Руис заметил ещё кое-что. Да и остальные тоже заметили.

Снаружи дом выглядел столь же странно, как все остальные в городишке, но ещё более необычным он оказался изнутри. Во-первых, здесь почти не было нормальных прямых углов и ровных поверхностей: пол, стены, потолок — косые, наклонные, создающие вкупе абсолютно ненормальную геометрию пространства. Трудно было даже вообразить, чтобы человек в здравом уме построил подобное.

А свет единственного сохранившегося факела выхватывал из темноты рисунки на стенах. Капитан не удивился бы сатанинским символам, но здесь речь шла об ином. Повсюду были начертаны разнообразные геометрические фигуры, причём не отдельные, а как-то связанные между собой. Они составляли то ли причудливые орнаменты, то ли безумные чертежи.

Несмотря на весь ужас ситуации, солдаты уже пришли в себя и спешно баррикадировали дверь попавшейся под руку мебелью.

— Что это за чертовщина?! Потрудитесь-ка объяснить!

— Руис сильно поднял голос, почти выкрикнул это, и даже угрожающе шагнул в сторону инквизитора.

— Вы всерьёз полагаете, что я могу это объяснить?

Иньиго ни капли не стусевался, хотя гнев Пабло Руиса мог напугать кого угодно — тем паче что в его руке оставалась обильно запачканная чёрной жидкостью эспада. Сдерживать капитана никто не пытался. Большинство не решилось бы, а Алава взглядом дал понять: нажать на инквизитора сейчас самое время.

Иньиго так и не ответил: он просто стоял в совершенно спокойной позе, вытянувшись во весь свой огромный рост, свободно опустив руки. И взгляда от Руиса не отводил. Ответ прозвучал не из его уст — он донёсся снизу, с лестницы в подвал.

— О, поверьте: он может объяснить. Ещё как может, сволочь!

Голос явно принадлежал старику. Рассмотреть его вот тьме было нельзя, но затем незнакомец шагнул вперёд. Лицо стало легко различимым, и два плюс два капитан сложил моментально.

Старик был невысок, худощав, носил пышную седую бороду и длинные волосы. Но главное — он совершенно очевидно был евреем, в этом не возникало ни малейших сомнений. Самый типичный сефард: иудейское происхождение на лице читалось ещё ярче, чем берберское — в образе Хосе.

Старик навёл крючковатый палец на Иньиго так, будто держал в руке пистолет.

— Ты всё-таки припёрся ко мне? Шельмец! Этого стоило ожидать... рано или поздно. Что ты наплёл людям,

которых привёл на погибель? Каким именем ты им, скотина, представился? Хуаном, Педро, Энрике... может быть, Иньиго? О, готов поклясться, что именно так!

Иньиго раскрыл рот, но так ничего и не произнёс прежде, чем еврей продолжил тираду.

— Я знаю настоящее имя этого человека. И знаю, чем он на самом деле занимается. Знаю, зачем он привёл вас, глупцов, в мой дом! А вы все не знаете, верно? Ха-ха-ха! Эта скотина одурачила вас, потому что боялась идти ко мне в одиночку. Подлец знал, как это опасно! Ха!..

— Замолчи, Симон. Ни одному твоему лживому слову тут...

— О, речи о лжи! Многим ли из своих людей ты поведал обо мне? О том, что хочешь найти в моих бумагах? Бьюсь об заклад, ты наплёл им сказок о еретиках, о ведьмах... точно не о законах геометрии!

— Именем Господа, немедленно схватите этого человека! — закричал инквизитор.

И солдаты бросились исполнять, но замерли на полушаге: ведь Алава и Руис даже пальцем не пошевелили.

— Я приказываю!..

— При всём уважении, приказы здесь всё-таки отдаёте не вы. Я считаю уместным разобраться в ситуации и абсолютно убеждён, что мой друг разделяет данное мнение в полной мере.

Руис возразил бы инквизитору гораздо грубее, чем это сделал Алава — высокородный, а потому куда более утончённый и дипломатичный.

Еврей широко улыбнулся. Зубы у него были на удивление ровными и белыми.

— Как твои изыскания в геометрии и формулах, сучий

потрох?..

— Успокойтесь оба! — гаркнул Алава. — Сеньор Симон, сеньор Иньиго: кто-то из вас желает толком объяснить нам, что здесь происходит? Я полагаю весьма своевременным перевести нашу беседу именно в такое русло! Незамедлительно!

— Я ничего не поясню, пока вы не схватите этого человека!

— Да поздно объяснять... глупцы!

Снаружи послышалось хлопанье крыльев, что-то тяжёлое врезалось в дверь. Крепкое дерево и баррикада за ним выдержали, но сразу стало ясно — абсолютной защитой дом никак не является. Не является даже надёжной: жуткие твари очень скоро окажутся внутри.

Поначалу у Руиса мелькнула мысль: возможно, еврей каким-то образом повелевает монстрами. Но Симон был напуган не меньше, чем испанцы. Людей-то он не боялся совершенно — а вот едва в дверь начали ломиться, как вся спесь иудея испарилась.

Он бросился вниз, через косо́й дверной проём, по искривлённой лестнице — туда же, откуда появился.

— За ним!

Пабло скомандовал так не потому, что решил подчиниться требованию инквизитора, доверие к которому сильно пошатнулось. Просто он рассудил здраво: хозяину дома виднее, где лучше укрыться от летающих чудищ.

Да и дом был слишком странным, чтобы возникло желание исследовать его самостоятельно.

Судя по топоту и гроыханию доспехов, за евреем и Руисом в подвал последовали все. На хаотично изломанной лестнице, где ступеньки имели совершенно разные ширину

и высоту, немудрено было переломать ноги. Но баррикада позади уже всю трещала — вариантов осталось немного.

На лестнице стоял мрак, зато в тесном подвале — напротив. Но фиолетовый свет, заполняющий его пространство, не исходил от свечей или чего-то подобного. То было нечто вроде очень прозрачного, лёгкого тумана, который светился сам по себе.

Имея достаточно времени, этот подвал можно было бы изучать долго. Его стены полностью закрывали стеллажи, уставленные книгами, диковинными статуэтками, самыми разнообразными сосудами и прочими вещами загадочного происхождения. Однако прежде всего внимание привлекала другая деталь.

— Сеньор Симон! Подождите!

Старый еврей стоял у треугольного люка, окружённого такими же чертежами, какие украшали стены наверху. Совершенно тёмный провал — как будто здесь вырезали проход в абсолютную пустоту, в Ничто.

— Мы не причиним вам зла!

Еврей на слова Алавы не купился.

— Идите в жопу! — выпалил Симон и сиганул в люк.

Чёрная бездна поглотила его.

Мгновение спустя инквизитор, растолкав солдат и офицеров, решительно последовал за иудею — даже не сказав остальным ни слова. Ух — и его долговязая фигура скрылась во тьме, лишь блеснула напоследок бритая макушка.

Военные замерли вокруг люка в нерешительности.

— Что будем делать?

Алава зашевелил губами: он как бы уже начинал говорить, но на самом деле ещё подбирал слова. Наверху

раздался грохот —преследующие испанцев монстры пробились через баррикаду. В этой ситуации капитан Пабло Руис рассудил, что на дискуссии нет времени.

Он тоже шагнул в Пустоту.

IV

Сколько прошло времени?

Капитан не мог определить. Случившееся с момента прыжка в люк до этой минуты запомнилось скорее как сон, нежели как объективный опыт. А мы никогда не можем судить о длительности событий во сне.

Руис помнил нагромождения объёмных фигур, помнил изменчивое, пребывающее в постоянном движении по всем осям пространство. Его словно наполняли светящиеся газы: сияние без видимого источника, но казавшееся осязаемым. Сквозь полупрозрачные нагромождения кубов, сфер и пирамид можно было различить далёкие звёзды.

А потом звёзды предстали перед взором Руиса в обычном своём облике. Да, это определённо было чистое звёздное небо — именно такое, каким оно выглядит с земли в северном полушарии. Капитан лежал на спине, вытянувшись по струнке. Кажется, под ним мягкая трава. Или это был мох?..

Руис с трудом повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую. Лес? Точно. Высокие, но растущие довольно редко деревья тянулись к звёздам.

А ещё здесь оказалось неожиданно холодно. Не мороз, конечно, но и речи о приятной прохладе не шло. Как будто ранняя весна в проклятой Фландрии... так не окоченеешь, но легко заработать воспаление лёгких.

Нужно скорее подниматься.

— Алава! АЛАВА!!! Ты здесь?

Никакого ответа.

— Сеньор Иньиго?! Хосе!..

Без толку. Руис был здесь один. Что же — по навязчивой болтовне Дженкина капитан точно не скучал. Пусть бы проклятый ирландец и сгинул где-то, а вот остальных необходимо разыскать.

Оружие осталось при нём, как и кираса, а на голове до сих пор находился шлем. Это уже неплохо — без железа жизнь часто оказывается слишком непродолжительной.

— Алава!..

Возможно, и не стоило так орать в незнакомом лесу: услышать могут не только друзья. Но надо же что-то делать!

Вскоре он окончательно убедился — звать Алаву и прочих бесполезно. К счастью, была отлично видна Полярная звезда: можно уверенно идти на север, не рискуя начать описывать круги по лесу. Астролябии у Руиса при себе, конечно, не имелось — однако на глаз высота звезды осталась прежней. Значит, и географическая широта примерно та же... по меньшей мере, Пабло не перенесло куда-нибудь в Англию.

К сожалению, долготу так просто не определишь. Тут уже нужны инструменты и знание формул, а Руис не был моряком. Поэтому возможности убедиться, что он всё-таки до сих пор именно на севере Испании, нет. Пускай... остаётся двигаться на север.

Идти пришлось недолго. Пабло Руис был слишком рассеян после странного пробуждения — или просто слишком часто сверялся со звёздами. Он не заметил человека, который наверняка долго крался поблизости,

ожидая удобного момента. Острие длинного клинка оказалось прямо перед носом — а собственная рука была слишком далеко от оружия.

— Не двигайся, если желаешь сохранить свою жизнь хотя бы на некоторое ближайшее время.

По-испански. И голос... чёрт возьми!

— Алава?..

— Руис?..

Узнать капитана Алонсо де Алаву, человека прекрасного рода, сейчас было чрезвычайно трудно: разве только по голосу. Руис читал о том, в каком жалком виде возвращались из своих походов конкистадоры, даже если начинали путь при самом лучшем снаряжении. Пожалуй, вид Алавы оказался нынче ещё печальнее тех описаний.

Старый друг Руиса сохранил доспехи и оружие, однако безобразно оброс, был ужасно грязным — словно лесной дикарь. Одежда его сильно износилась. Гордая осанка дворянина уступила место совершенно недостойной зажатости, скрюченности, будто Алонсо давно привык прятаться. О том же говорил и беспокойный, бегающий взгляд.

— Я уже не думал, что когда-нибудь увижу тебя, мой друг... — даже голос Алавы полностью утратил былую силу.

— Ты быстро отчаялся.

— Быстро?.. Ох! Пойдём, я познакомлю тебя с одним человеком, если возможно выразиться именно таким образом... Тебе многое предстоит узнать, и перед этим будет лучше присесть у костра, потому что на ногах вынести груз этих удивительных сведений в высшей степени затруднительно.

«Костёр» — это громко сказано, конечно. Самый слабый огонь, тщательно замаскированный: он едва был способен согреть, и уже по этой детали Руис понял — его друг действительно скрывался от кого-то или чего-то.

У огня сидел ещё один человек, в котором легко узнавался испанский военный, но точно не простой солдат... и не офицер из разгромленного чудовищами отряда. Крупный мужчина с такой же густой и пышной бородой, как у Руиса — только абсолютно чёрной, без всякой седины. Его лицо хранило следы многих ранений; ещё Пабло заметил, что у незнакомца недостаёт пальцев на левой руке. Как минимум двух.

— Нашёл друга?..

— Да. Познакомься: это капитан Пабло Руис, храбрейший сын Испании из всех, кого мне прежде довелось знать. Руис, друг мой, это — Иаго Карвасса.

— Каталонец?

Руису не нравились каталонцы: сплошь бандиты, воры, нахлебники и смутьяны. Совсем не похожи на басков.

— Каталонец. Но это давно не имеет значения. И вообще: мы говорим по-испански, это нынче главное.

Выглядело намёком на...

— Мы не в Испании?

— Нет. Это Новый Свет. Английская колония, неподалёку от Бостона.

Руис понятия не имел ни о каком Бостоне. Он знал о Вирджинской колонии — первой со времён сгинувшего Роанока попытке англичан закрепиться севернее Новой Испании. Там стоял город Джеймстаун, кажется.

— Конечно, ты ничего не знаешь о Бостоне. Вижу, тебя не удивило перемещение в Новый Свет... но тогда удивит

другое. В те времена, откуда ты вы с Алавой прибыли, никакого Бостона ещё не существовало. Здесь вовсе не было белых, одни красножопые.

— Да, мой друг... Не только место иное: год Господень теперь тоже совсем другой.

Руис сам удивлялся своему спокойствию. То ли диковинные видения подготовили его к чудесам, то ли просто не прошли последствия недавнего с его точки зрения боя... Кажется, Алава оказался куда менее стойким в этом вопросе. Его произошедшее не сломило окончательно, но сильно пошатнуло.

— И который идёт год?

— Тысяча шестьсот девяносто второй.

— Шутишь?!

— Нет. Твой друг подтвердит, он убедился.

Алава кивнул.

Выходит, прошло больше восьмидесяти лет. Целая жизнь — и не из коротких. Наверняка все, кого Руис знал, уже мертвы. А англичане успели освоиться в Новом Свете, вот что самое мерзкое!

— Современем тут вообще непросто. — снова заговорил Алава. — Похоже, в этот год прибывают все, кто прыгнул в проклятый люк... но это весьма удивительным образом происходит с разной скоростью. Не удивляйся, что застал меня в настолько жалком состоянии, друг: я здесь уже несколько месяцев. И постоянно был вынужден скитаться по лесу, что не замедлило сказаться на моём внешнем виде и состоянии духа. А ты, смею предположить, добрался совсем недавно?

— Не больше часа назад.

— Да, около часа назад я тебя и услышал... Некоторые из

наших прибыли уже давно, некоторые так и не появились, а тебя мы дождались только теперь. И это даёт надежду.

— Вы тут вдвоём. Что с остальными?

— Смею утверждать, мой дорогой друг, что Иаго объяснит это значительно лучше. Тем более что история, мягко выражаясь, не из пары слов: излагать её следует весьма обстоятельно, со всеми подробностями.

Судя по удручённому виду Алавы, каталонец едва ли мог рассказать на эту тему нечто радостное. Но плохие новости в ситуации, когда абсолютно ничего не понятно, также обретают ценность. Лучше знать, насколько всё дурно, чем не знать ничего.

— Сначала рассказать бы, чего я сам здесь делаю. Чтоб ты понял: я давно уже не совсем человек. Я был обычным человеком, солдатом. Записался в терцию ещё до вашего с Алонсо рождения, при короле Карлосе, а потом... слышал ведь о Хулиане Ромеро?

— О маэстре-де-кампо, командире Сицилийской старой терции? «Испанская ярость» — тот Хулиан Ромеро?

— Он самый.

— Конечно же, я слышал о нём! И более того... — в Руисе вдруг проснулась типичная для испанских военных тяга к фанфаронству. — Видел его своими глазами! В первый год своей службы, ещё мальчишкой. Кажется, вскоре он умер... великий человек!

Иаго саркастически захихикал, его злодейская чёрная борода зашевелилась.

— Я знал Ромеро задолго до того, как он стал маэстре-де-кампо и великим человеком. Когда о нём не писал Лопе де Вега... и Эль Греко свою картину ещё не намалевал. В тысяча пятьсот сорок четвёртом мы служили Генриху

VIII на шотландской границе. Странное времечко, когда испанцы и англичане ещё дружили.

О том, что знаменитый полководец в начале своей карьеры успел послужить англичанам и дрался с шотландцами (извечными союзниками ненавистной каждому уважающему себя испанцу Франции), Руис слышал. Но не понимал, к чему всё это, когда вопрос был задан на совсем иную тему.

Однако же: 1544 год... отец Пабло Руиса тогда ещё не овладел грамотой, пожалуй. И едва ли знал, откуда берутся дети. Капитан не слишком хорошо считал в уме, да и дат не хватало, но выходит — его каталонскому собеседнику уже недалече до двух веков возраста. Чудеса.

— На шотландском фронтире я попал в плен к бандитам из горного клана и... с тех пор немного изменился. Детали пропущу: можешь не волноваться, этому вашему Чёрному Человеку я не слуга. Со мной иначе. Но признаться, недолюбливаю гэльских горцев и подобную шваль. За то, что они со мной сделали, сволочи... это поначалу только казалось даром. И вот к чему речь-то...

Да уж, пора было переходить к сути. Алонсо смотрел в сторону и, кажется, не слушал. Всё равно он уже знал эту историю. А вот Руис слушал очень внимательно.

— ...я давно брожу по Новому Свету. В основном убиваю, это лучшее развлечение. Англичане обо мне легенд насочиняли... слышал про Роанок, пропавшую колонию? А, ладно, не будем об этом. В принципе-то мне плевать на англичан. Но недавно заглянул в городок поблизости: он называется Салем. У них нынче весело — ведовской процесс, представляешь! Такое пропустить было никак не можно. Заведует всем хлыщ по имени Коттон Мэзер,

лживый бостонский проповедник. При нём ирландец, военный, а ирландцы — такая же сволота, как шотландцы, разницы не вижу. Но хрен бы с ним... кабы не увидал я людей, которых этот рыжий притащил к Мэзеру. Мол, «слуги Дьявола».

Иаго улыбнулся, и улыбка эта вышла весьма зловещей. Руис уже начал догадываться, что в этой истории к чему. И догадка ему совсем не понравилась.

— Верно, Руис, верно. Ирландец и его головорезы схватили испанских солдат. Так сказать, вдовесок к ведьмам с колдунами. Испанцев, невесть как сюда попавших и не знающих ничего о колонии Массачусетского залива. Вот тут мне стало очень, очень любопытно!

— А теперь, мой дорогой друг... — Алава тактично вклинился в разговор. — ...ты вполне можешь предположить, как зовут этого нечестивого ирландца.

— Дженкин, шлюхин сын!

— Не возьмусь строить суждений о чести матери Дженкина, но в одном ты прав, дорогой Пабло: это Дженкин. Он служит англичанам и настроен к своим недавним сослуживцам в высшей возможной степени недобро.

— А какого рожна?!

— Вот это и любопытно выяснить. — инициатива снова перешла к Иаго. — Я, конечно, сразу же решил поискать скрывавшихся в окрестных лесах испанцев... пока гэльский говнюк всех не выловил. Нашёл только твоего друга. Что с остальными — он не знает, я не знаю. Зато знаю кое-что другое, вернее — предположить могу, со слов Алавы...

Вся эта история так увлекла Руиса, что он почти

перестал видеть в ней нечто иррациональное. А ведь пару часов назад его жизнь текла в общем-то обычным для военного порядком: он входил в испанский городок во главе военного отряда, вместе с другом и инквизитором. Да, не каждый день доводилось выступать для подавления богомерзкого культа, но ничего фантастического.

Теперь не было испанского городка, не было отряда — а было совершенно другое место и другое время. Был странный каталонец, утверждающий, что является не совсем человеком и воюет ещё со времён молодости Карлоса, короля и императора. Инквизитор, тот еврей — что с ними? А подлый ирландец оказался предателем! Касательно же друга — тот перенёс суровые испытания и, вполне возможно, находился теперь в не совсем трезвом рассудке.

Хорошенькое приключение.

— Излагай же, Иаго.

— Я более-менее представляю, что за кашу заварил ваш инквизитор и ради чего. Я знаю кое-что о Чёрном Человеке и всей этой истории про законы геометрии. «Кое-что», то есть мало. Но мало — лучше, чем ничего.

— К сути?..

— Не торопи его, мой друг.

— Верно, не торопи меня. Итак. Мы с твоим приятелем успели кое-что обсудить: вариантов у вас немного. С нынешней-то охотой на ведьм в этой колонии странным испанцам никак не светит счастливо сесть на корабль до дома. Можете попробовать доковылять до испанских колоний, но это очень далеко. Трудный и опасный путь, а главное — с вашей историей недолго и там попасть на костёр. Логично?..

Оставалось лишь кивнуть.

— Ну вот. Я понимаю: вы мужчины серьёзные, риск вас не пугает. Но если так — не лучше ли попытаться взять за задницу этого вашего инквизитора и вернуться, откуда пришли? Как пить дать, он разбирается в магических фигурах и формулах. Неспроста ведь искал еврея. Алава согласился, что такой вариант лучше: он только хотел прежде найти тебя. Дождаться твоего, Руис, появления. Так что теперь сам с ним решай.

В самом деле, любой вариант выхода из этого положения предполагал знатную авантюру. Попасть в руки к Дженкину, Мэзеру или другим протестантам — точно плохая перспектива, а именно это наверняка и случится, если попытаться добраться до порта и сесть там на корабль. Насколько отсюда далёко по суше до испанский владений — Руис даже не представлял, но охотно верил, что путь неблизкий. И там инквизиция тоже держит ухо востро: пришельцам с безумной или кое-как выдуманной историей могут задать слишком неприятные вопросы. Ведь Руис и Алава даже не смогут сказать, кто нынче король Испании. Пусть каталонец поможет в составлении легенды, но при малейшем подозрении их разоблачат на раз-два. Всего не предусмотреть.

А то, что предлагал Иаго, хоть и было совершенно безумно — но сулило возможность вернуться к своей семье. Ведь в этой реальности жена Руиса, его милая Мария, давно умерла. И его дети состарились, вероятно — тоже умерли. А кто знает, как теперь дела в Испании? Может статься, что здесь уже не за что воевать.

Наверняка Алава руководствовался той же логикой.

— И ты знаешь, Иаго, где искать инквизитора?

— Я знаю один дом в Салеме. Дом, в который сам Коттон Мэзер боится войти... А трусливый пёс Дженкин и подавно! Я говорю о ведьмином доме: проповедник с ирландцем хватают всех подряд, кроме настоящих колдуний. К ним-то и нужно идти. Уверен: своего общего, кхе-кхе, друга вы встретите там.

V

Всего-то сутки прошли с тех пор, как Пабло Руис ступил на порог проклятого дома в Пиренеях (если судить с его стороны — ведь для мира минул почти век). Теперь предстояло посетить ещё одно место, явно недружественное доброму христианину. Ведьмы есть ведьмы: они природные враги и истинному католику, и поганому протестанту. Раз уж проповедник Коттон Мэзер учинил ведовское судилище в Салеме, но зайти этот дом боялся... то всё серьёзно.

Руис, Алонсо де Алава и Иаго Карвасса пустились в путь с таким расчётом, чтобы достигнуть Салема под утро. Самый тёмный и тихий час, когда опасность минимальна. Каталонец уверял, что их пустят в дом охотно — или хотя бы охотнее, чем на любой английский корабль в Бостоне. И если первое предположение звучало как-то чересчур смело, то в резонности второго сомнения отсутствовали напрочь.

По дороге Иаго пару раз заводил истории о своих похождениях — он хотел приободрить как-то спутников, показать им, что повидал всякое. Каталонец рассказал, как ещё до своей метаморфозы в плену (суть которой так и осталась для капитанов загадкой) встретил в Италии старый корабль с греческим названием, капитаном которого была

жуткая женщина в красном саване. Корабль, что призывал из морской пучины затонувшие турецкие суда с мёртвыми османскими пиратами. А ещё была история о том, как Иаго помог врачу-конкистадору истребить жестокое индейское племя на другом краю Нового Света, в патагонской пампе.

Звучало не лучше болтовни Дженкина. Но Дженкин, как теперь уже не приходилось сомневаться, о древнем народе и Чёрном Человеке говорил правду. Так что...

Ведьмин дом выглядел не настолько странно, как строения из безымянного городка в горах, но от прочих жилищ в Салеме явно отличался. Двускатная крыша сходилась криво, углы между стенами тоже не были прямыми, окна имели самые разнообразные размеры и формы. Ко всему прочему, дом оказался выкрашен в чёрный цвет, из-за чего выглядел откровенно зловеще.

Любого дурака спроси, где в городе живут ведьмы — именно на такое жилище он и укажет.

По счастью, на улицах Салема не встретилось ни души. Если их и патрулировали, то людей для этого Мэзеру с Дженкином не хватало, а жители просто не показывались снаружи затемно. Дойти до места не составило труда.

— Насколько мне известно, ни в одной военной кампании не снискал я репутации трусливого или малодушного человека... — произнёс у порога Алава. — Однако если бы не те отчаянные обстоятельства, в которых мы волею свыше или в силу козней Дьявола оказались, я бы ни за что не вошёл в такой дом.

— По приказу я бы хоть в Ад спустился. — ответил Пабло. — А сейчас бояться вовсе поздно.

— Ты мало знаешь про Ад, раз так легко говоришь об этом. — буркнул Иаго и постучал в дверь.

Голос изнутри дома раздался мгновенно, словно только стука одна из его обитательниц под дверью и ждала в столь ранний час.

— Чего надо?

Это был грубый, скрипучий, старушечий голос. Ещё более противный, чем у еврея.

— Мы враги Коттона Мэзера.

— Так идите, вспорите ему брюхо. Здесь вам делать нечего!

— Мы ищем испанского инквизитора!

— Поищите в Испании.

Всё пошло не по плану Иаго. Он даже выдал некоторую растерянность, хотя и очень быстро сумел вновь придать себе уверенный вид.

— Не очень-то нам здесь рады, Иаго. Похоже, ты ошибся.

— Если не хочешь переться до Флориды на своих двоих, то лучше помолчи. Я разберусь.

Каталонец ещё раз постучал в дверь, на этот раз куда громче.

— Меня зовут Иаго Карвасса, кто-то в вашем доме наверняка обо мне слышал!

Никакой реакции.

— А имя Ньярлатотепа вы уж точно знаете!

Вот теперь за дверью послышалось движение. Собеседница Иаго поспешила в глубину дома — не иначе как советовать. Загадочное имя определённо имело вес.

— Что за Нярла... Ньярла... тотетеп?.. — прошептал Руис.

— Радуйся, что его имя тебе незнакомо. Это знание из тех, которых лучше не иметь.

Жизненный опыт научил Руиса: даже в обычном мире бывают знания, без которых спится куда легче и риск преждевременной кончины снижается. Так что настаивать он счёл излишним.

Дверь отворилась, но разглядеть за ней что-то не удалось: плотный мрак. Приглашения войти Руис не стал дожидаться, уступать дорогу Иаго — тоже, хотя то и другое могло показаться разумным. Он с присущей себе решительностью шагнул внутрь первым.

Немногое теперь уже могло удивить капитана, но подобного он всё равно не ожидал.

Косые углы повсюду и геометрические фигуры на стенах — это роднило ведьмин дом с жилищем еврея Симона, но поражала обстановка совершенно иным. Помещение, в котором оказался Руис, было перевёрнутым: вся нехитрая мебель висела над головой испанца, будто приклеенная к потолку, в который превратился здесь пол. Свечная люстра качалась у его ног: тянулась вверх, опровергая законы гравитации, и только натянутая цепь не позволял ей взлететь. При том ни одна свеча не горела. Тут вообще не было видимых источников света, однако Руис непостижимым образом всё равно мог различить даже мелкие детали обстановки. Как будто обрёл способность видеть в темноте.

— Интересный у вас интерьерчик....

В углу капитан заметил лестницу, что при нормальном положении комнаты вела бы в подвал, однако теперь стала, выходит, путём на второй этаж. Кроме того, он увидел женщину — она стояла рядом, также на потолке, занявшем место пола.

Женщина была молодой, красивой и абсолютно

голой. Длинные каштановые локоны закрывали её весьма внушительную грудь, но зато волосы на лобке представляли взору — и ведьму это никак не смущало. Вошедший тоже не смутился: чего он там не видел, спрашивается?

— Меня зовут Пабло Руис! — нужно ведь было как-то завязывать знакомство, пусть ситуация не из тривиальных.

Только теперь капитан задумался, что не понимает, на каком языке Иаго говорил с ведьмами и на каком он сам представился обнажённой женщине. Тут английская колония — и все вроде бы должны говорить по-английски... Руис неплохо владел этим языком, но не настолько, чтобы так свободно перейти на него с испанского.

Ой, мелочи. Нашёл о чём задуматься...

— А меня зовут Кеция Мэйсон. — произнесла женщина тем самым скрипучим голосом, столь не соответствующим её прекрасной внешности. — Это последнее, что ты узнаешь, если твои друзья не поторопятся войти.

К счастью, Иаго и Алава не промедлили. Кеция кивком велела идти за ней — и направилась к той самой лестнице, что должна была вести вниз, но на самом деле тянулась вверх. Пабло не отказал себе в удовольствии проследить, как соблазнительно двигались упругие ягодички ведьмы, пока она поднималась по ступенькам. Это точно лучше, чем гоняться за старым иудеем!

В небольшом помещении, куда Кеция привела испанцев, мебель уже стояла на полу — всё как положено. Однако Руис удивился ещё сильнее, чем при виде комнаты-перевёртыша.

Стены второго этажа также были размалёваны геометрическим чертежами, и свечи по-прежнему не требовались — видеть позволяло уже знакомое Пабло

фиолетовое свечение. Обстановка снова оказалась в целом скромной, но центральным её элементом была огромная кровать. Похоже, из дуба, и очень искусной работы.

— Матерь Божья!..

Конечно, Матери Божьей на кровати не было — было ещё три ведьмы, тоже голых и ничуть не менее обольстительных, чем Кеция. Помимо абсолютно идеальных тел (не каждая античная статуя таким сложением похвастается), они ещё и составляли прекрасную цветовую гамму: пшеничного оттенка волосы у одной, угольно-чёрные у другой и буквально огненного рыжего цвета у третьей.

Однако столь эмоциональную реакцию Руиса вызвали, конечно, не эти три красавицы.

— Капитан Руис? Капитан Алава?..

Из-под прекрасных женских тел на вошедших смотрел никто иной, как Хосе. Айюданте Алавы, разумеется, нежился с ведьмами в постели без одежды — так что при виде командиров торопливо прикрыл срам.

— Алонсо, а твой парень устроился на новом месте получше нашего! Да нет, Хосе, не волнуйся: сам же говорил, чтобы я в тебе не сомневался. Орёл, ничего не скажешь!

Молодой мориск, конечно, пребывал в сильном смущении — а Руис так развеселился от нервов. Они всё-таки не железные, даже у него... С каждым часом, с каждым своим новым витком история всё больше напоминала горячечный бред. Это уже даже не сон: нормальному человеку подобная ересь не приснится.

Ведьмам всё было нипочём, конечно: блондинка даже попыталась продолжить ублажать Хосе ртом, что он пресёк не без труда. Наверняка Алаве сделалось

обидно: он несколько месяцев спал на сырой земле в лесу, питался неведь чем, прятался от людей Дженкина — а его помощник тем временем предавался удовольствиям в полной безопасности и сравнительном уюте ведьмино дома.

Руис даже не знал, какое чувство могло бы оказаться сильнее: нежелание перенести выпавшие на долю Алавы опасности и лишения — или желание оказаться на месте Хосе.

— Присоединяйся, Иаго. — Кеция указала взглядом на кровать.

— О, теперь мне здесь рады! — проворчал он в ответ. — Спасибо, но я воздержусь. Мы пришли поговорить. По делу.

— Должен признать, сеньоры, что это удивительное зрелище определённо обещает нам самую увлекательную историю...

— А я предпочитаю самую простую: про инквизитора.

Несмотря на игривые протесты троицы ведьм, Хосе всё-таки предпочёл натянуть подштанники, прежде чем продолжить беседу. Выбраться из объятий мориску всё равно не удалось — вокруг него словно змеиный клубок заплёлся, но хотя бы какие-то приличия оказались соблюдены.

Субординация, как говорится. Без неё в терции — абсурд и антикатолические настроения.

Между тем Кеция, отчаявшись хоть как-то взволновать Иаго, усадила в стоявшее рядом кресло Алаву и сама расположилась у него на коленях. Благородный друг Руиса густо покраснел от смущения, но возражать не стал. Даже слегка приобнял красавицу, будто невзначай.

Интересно, почему никто не оказал подобного внимания Пабло? Он что, слишком старый или недостаточно хорош собой? Вздор! Но капитан вспомнил о супруге и благодаря тому успокоился. Мария, конечно, в этом мире давно умерла, однако всё же...

Да и вообще, они действительно пришли сюда для разговора.

— Выходит, насчёт Коттона Мэзера и Дженкина вы уже знаете? — начал Хосе. — Мэзер будет посуровее нашей Инквизиции. Развернулся он в Салеме на всю катушку, но что касается этого дома... скажем так, конфликт зашёл в тупик.

— Если не считать дурёхи Пикман. — поправила его Кеция, поудобнее устраиваясь на коленях Алавы.

— Да, это единственная настоящая ведьма, которую он всё-таки арестовал. Почти даже не ведьма, как новобранец по-нашему, вот. Но с Дженкином ситуация непростая. Мы точно не знаем, что именно случилось с ним по дороге сюда. Ну... вы поняли, по какой дороге. Вы ведь тоже видели после люка... это?

Руис и Алава кивнули.

— Дженкин прибыл сюда каким-то не таким, это точно. Полагаю, нечто страшное и безумное случилось с ним по пути. Дженкин настиг в местных лесах еврея и убил его. Или говорит, что убил. Или думает... не суть. Он отобрал у Симона некую книгу, но она оказалась написана на латыни.

— Которую этот ирландский овцелюб не знает, ясное дело.

— Именно так. Потому он и связался с Мэзером. Дженкин... он стал одержим теми же поисками, которые

вёл наш инквизитор. Возжелал сам раскрыть тайны иудея Симона, как нам кажется. С этой целью он охотился на всех испанцев, оказавшихся в округе: ради информации об Иньиго.

— Ему удалось в итоге схватить инквизитора?

— К сожалению, да. Несколько дней назад.

Руис с досады хлопнул себя по коленям.

— Вонючая ирландская скотина! Небось, выдаёт себя за протестанта... предал товарищей ради проклятого колдовства! А я говорил, я всегда говорил: союзники — сволочи! Полагаться можно только на испанцев! Магия-херагия...

— Судя по всему, речь скорее о науке.

— Один хрен. И много наших попало в руки англичан? Помимо инквизитора?

— Как минимум трое.

В комнате на какое-то время воцарилось молчание. Руис, Алава и Иаго размышляли, Хосе ждал их слов. Три ведьмы продолжали гладить и целовать его, а Кеция почти забыла об Алонсо: она тоже задумалась.

Первым заговорил Иаго.

— Вы тут до утра телиться будете... я вижу ситуацию вот как. Сеньоры капитаны хотят вернуться домой. А вашему ковену, дамочки, наверняка хочется решить проблему с Мэзером и кое-что узнать о законах геометрии, так? Похоже, вы увлечены теми же исследованиями.

— Знание — сила. — согласилась Кеция Мэйсон.

— А ещё нужно наказать ирландскую падаль и вызволить наших!

— И это правда. Ну а лично мне всегда в охотку развлечения, уж больно долго живу. Похоже, наши

интересы сходятся.

— Коттон Мэзер боится войти в этот дом. Он боится тех, кто способен проникнуть за пределы обыденности... хотя и сам того желает. Каждое его деяние или слово — сплошной обман. Но и мы сами не можем прогнать его просто так. Всё устроено довольно сложно.

Тут к обсуждению наконец-то подключился Алава, рука которого уже уверенно расположилась на упругом бедре ведьмы.

— Я полагаю, что самым разумным решением, учитывая все вскрывшиеся обстоятельства и более-менее прояснившуюся диспозицию, будет объединить усилия и нанести... визит Коттону Мэзеру. Мы должны сами захватить инквизитора и книгу, чтобы удовлетворить общие интересы. Затем освободить испанских солдат и госпожу... Пикман, кажется? А также, что не обязательно, но очень желательно — наказать Дженкина, который проявил себя подлецом и нарушил клятвы, данные пред лицом Господа самому королю Испании.

Алонсо де Алава бы сколь по обыкновению многословен, столь и прав.

— Известно ли, где держат пленников? Сколько у Мэзера и Дженкина людей, хотя бы ориентировочно? Как они вооружены? Необходимо оценить, способны ли мы справиться с подобной задачей имеющимися... силами.

— И не такие задачи решали. — заявил Иаго.

— Ваш каталонец не врёт. Мы-то знаем, уж мы-то знаем... с его помощью возможно многое.

— Я буду всецело повиноваться приказам законных командиров, как велит мой воинский долг. — в Хосе сомневаться не приходилось.

Ну а Руис всегда мыслил просто:

— Главное — ввязаться в драку. А там посмотрим.

VI

По дороге к дому, где проповедник Мэзер обустроил и свою резиденцию, и тюрьму, Пабло Руис мучился лишь одним вопросом. Тот же вопрос определённо занимал и Алаву, потому как при первой возможности оба командира ненавязчиво притёрли с боков Хосе.

— Нам с капитаном Алавой нужны все подробности.

— О чём?..

— Шутишь?! О том, как тебя полюбили ведьмы. Это что вообще такое случилось, морискская твоя морда? Ты у них устроился, аки инкуб!

Хосе замялся. Он явно хотел утаить какие-то детали, хотя и не мог отказаться отвечать вовсе.

— Это, сеньоры, сложно объяснить... я боюсь, что со мной тоже нечто случилось по дороге. Понимаете, я... ну... как бы это сказать... я видел Чёрного Человека. Я некоторым образом с ним общался. Я... возможно, получил что-то. Или стал кем-то немного другим. Я не знаю. Однако эти... дамы... они заинтересовались. Они очень заинтересовались.

— А ты и рад, конечно.

— Полноте, мой добрый друг. Довольно затруднительно осудить Хосе за то, что он счёл вполне допустимым воспользоваться подобной удачей. А что до его сомнительного опыта по дороге сюда и возможных долгосрочных последствий, то боюсь — нынче всем нам прямая дорога на ауто-да-фе, если обстоятельства этого удивительного приключения вскроются. Посему я

предлагаю не задавать друг другу вопросов, на которые лучше не знать ответов.

— Ты прав, пожалуй.

В компании четверых испанцев к дому проповедника направилась только Кеция. Почему именно так — уточнять никто не стал. Руис рассудил: раз со времён Генриха Крамера считалось вполне возможным арестовывать и казнить ведьм — то они едва ли на столь уж многое способны, когда речь идёт о грубых прямых действиях. Вероятно, конфликт салецкого ковена с Коттоном Мэзером пришёл к патовой ситуации: обе стороны заняли отличные оборонительные позиции и не имели представления, как друг друга атаковать. Случается такое на войне.

А возможно, всё было иначе. Кто знает? Сейчас не до того.

Больше интриговала уверенность Иаго. Его вообще не смутило описание довольно серьёзных сил под контролем Мэзера. Вкупе с недавними словами Кеции это ставило любопытный вопрос о пределах способностей каталонца. А ну как байки про вырезанное племя и пропавшую колонию — не байки на поверку?

Пабло считал, что умеет отличить пустую самоуверенность от обоснованной. Иаго Карвасса казался ему именно вторым случаем.

— О, сюрпризы не заканчиваются!

Возможно, Иаго и Кеция предвидели то, что теперь могла наблюдать вся компания — и именно потому попытки Руиса с Алавой заранее обсудить план действий не встретили особого интереса. Перед воротами Мэзера, дом которого был окружён высокой каменной оградой, стоял солдат. На стволе его аркебузы болталась большая

белая тряпка.

Других людей поблизости не наблюдалось, однако это не означало, что их нет: до сих пор не рассвело.

— Они готовы к переговорам?

— Хорошее решение. — спокойно отозвался Иаго. — Коттон Мэзер явно поумнел от добытой Дженкином книги, общения с вашим инквизитором... и так далее. Дошло, с чем имеет дело.

— Вы полагаете, что существует возможность достигнуть взаимовыгодной договорённости?

— Да пёс его знает, я же не провидец. А ты, Кеция?

— Я не очень-то хочу с ним говорить.

— Но придётся, если не желаешь до Страшного Суда куковать в своём доме.

Пабло Руис уже даже гадать не хотел, что ещё может произойти — пусть будет как будет. Он лишь приложит все усилия, чтобы «было» получше.

— Мистер Мэзер желает говорить с вами! — объявил солдат.

— Тогда пусть выйдет! — Руис снова подивился тому, как бойко заговорил по-английски. — Вы не пустите нас в дом с оружием, а мы не войдём туда без него.

Раз уж англичане так серьёзно отнеслись к визиту — они едва ли считали гостей идиотами и ждали согласия войти в дом проповедника. С другой стороны, если сам Коттон Мэзер не был дураком — выходить на улицу он бы не стал. Как выяснилось, компромиссное решение здесь очень простое.

По ту сторону решетчатых ворот из темноты показалась ещё пара вооружённых солдат, а за их спинами — немолодой полноватый человек, от внешнего вида

которого Руис едва не рассмеялся в голос.

Он понял, конечно — так изменилась мода за более чем восемьдесят лет. Но какой срам, прости Господи! Нелепый пышный парик на голове проповедника казался испанцу родом из начала семнадцатого века чем-то совершенно несусветным. Что же, теперь и в Испании такое носят? Тогда точно надо возвращаться домой — иначе ведь и самого заставят напялить эту дрянь...

— Я полагаю, эти джентльмены — Руис и Алава, о которых я наслышан от сеньора инквизитора! Ха-ха, чудесно! И о личности того мужчины с завидной бородой догадываюсь, хо-хо! Такая честь! А кто этот юноша? Впрочем, неважно, ха-ха, он ещё слишком молод. И мисс Мэйсон здесь, как это прелестно, ха!

Коттон Мэзер искренне хохотал, будто был в восторге от сложившейся ситуации и совершенно не относился к ней всерьёз. Руис ожидал от охотника на ведьм абсолютного иного поведения. Всё походило на встречу старых друзей, а вовсе не на начало напряжённых переговоров.

Добрый знак? Или дурной? Пабло склонялся ко второму варианту. Что-то здесь не так. Что-то просто обязано пойти не так.

— Ох, не будем терять времени. Я всё знаю, и вы всё знаете, да? Хо-хо! У меня есть предложение, которое позволит, ха-ха, разрешить возникшую напряжённую ситуацию! Я, можно сказать, только и ждал вашего визита, чтобы это предложение изложить!

— Ну что, пусть излагает?

— Раз уж там обернулось, то я полагаю разумным и справедливым...

— Не верьте ни одному его слову.

— Давайте послушаем. Эй! Мы готовы выслушать предложение!

Коттон Мэзер опять расхохотался, да так, что ему пришлось извлечь из кармана платок и утереть пот с лица. Только теперь Руис обратил внимание: проповедник держит подмышкой книгу. Явно не случайно: это книга, с которой он не желает расстаться ни на миг.

— Вы знаете, хо-хо... знание! Знание — это сила, верно, мисс Мэйсон? Право слово, я должен благодарить испанских джентльменов, да! Я благодарю вас, хо-хо-хо! Испанское издание «Некрономикона» в средневековом латинском переводе Оле Ворма... начало семнадцатого века! Это же настоящее сокровище! Ха! Потрясающая книга, потрясающая. Рекомендую прочитать, если вы найдёте ещё один экземпляр где-нибудь, мда, ха-ха-ха... величайшая редкость, право. Мой отец... вы знаете моего отца? Инкрис Мэзер, он там этим интересуется, ха! Одного колледжа имени Гарварда этой благословенной земле мало, истинно говорю вам, хо! Он жаждет создать университет. Где-нибудь... в Архэме, например... о, эта книга... как она украсит!.. Но это будет позже, позже... Ха-ха-ха!

Речь Мэзера теряла связность из-за смеха и того, как он сам путался в мыслях. Однако вдруг, совершенно внезапно, проповедник осёкся и помрачнел. Его дряблое лицо сделалось суровым, а в голосе зазвучал металл. Казалось, будто предрассветный мрак вокруг него сгустился пуще прежнего.

— Я не отдам вам эту книгу. Вы можете попробовать её отобрать... попробовать. Но чтобы дело не дошло до подобного, предлагаю сделку.

— Так какова же сделка?

— Забирайте своего инквизитора. Я узнал от него всё, что мне нужно, и вы можете узнать тоже. Он нынче сделался сговорчивым. Этих занимательных сведений о законах геометрии, позволяющих перемещаться в пространстве и времени, вам хватит с головой. А тайны «Некрономикона» уж извольте оставить мне. Но есть ещё условия. Нечестивые твари... я имею в виду вас, мисс Мэйсон, и всю вашу поганую компанию... вы покинете Салем. Я поклялся очистить город от колдовства и сделаю это любым путём. Вы останетесь живы, но уйдёте. Обмен, честный обмен, хо! Вам нужны знания, мне нужен Салем. И да, джентльмены, своих солдат забирайте тоже! Вы все, все должны уйти из Салема. Ведьмы, испанцы... странный бородач. Все вон, вон из города, ха!

Звучало всё это как-то даже слишком здорово. Конечно, Руис не мог оценить значимость книги — он узнал о ней только этой ночью, а теперь впервые услышал название. Это проблемы ведьм, проблемы инквизитора — пускай, капитана интересовали жизни солдат и возможность самому вернуться домой. Едва ли Алава мыслил по-другому, а Иаго наверняка устроил бы любой исход. Он был в этой истории фигурой случайной и желал только развлечься.

Для Кеции Мейсон ситуация, конечно, выглядела иначе.

— И что же, вонючий ты пёс, будет с Пикман?

— С Пикман? Мы вздёрнем её на Холме Висельников, конечно! А вы думали, мисс Мэйсон, тут можно обойтись без единой смерти настоящей ведьмы? Хо-хо-хо! Если бы вы читали эту книгу, если бы вы её читали... Но ведь вам в целом безразлична Пикман, не так ли?

У Пабло ещё в ведьмином доме сложилось впечатление: жизнью молодой ведьмы ковен особенно не дорожит. А то, как засверкали глаза Кеции, капитан был склонен связать именно с проклятыми законами геометрии, из-за которых вся фантасмагория началась. Если инквизитор Иньиго (или как там его зовут на самом деле) способен их раскрыть — то это решает общую проблему. Хотя кто знает, достаточны ли его знания... насколько важные детали он хотел выведать у еврея? Удалось ли ему сделать это в окрестностях Салема? А может, всё-таки именно книга была главной целью Иньиго, раз уж на ней помешался даже Дженкин?

И кстати, где он? Хорошо бы всё-таки придушить гадёныша.

Ох, какой же это всё бред! Пабло Руису трудно было уложить в голове, с чего история началась, как всё пришло к нынешней ситуации и какое развитие она способна получить. Наверное, не его ума дело. Ему бы вернуться к Марии, вот что важно, а в этом треклятом Салеме — хоть трава не расти. Ведьмы, евреи, каталонцы, протестанты... одна шваль.

— Так что, леди и джентльмены? Вы принимаете мои условия?

Руис хотел ответить, что их чудной компании нужно время на обсуждение, но тут наконец-то оправдались его прежние мрачные предчувствия.

— Я не принимаю эти условия!

Голос с противным акцентом капитан узнал сразу.

Дженкин, теперь уже одетый на английский военный манер, в остальном никак не изменился на первый взгляд. Но что-то в нём настораживало. Руис ощутил в позе,

взгляде и голосе явившегося к дому ирландца нечто... отчасти напоминающее Иаго? Трудно сказать. Ко всему прочему Дженкин был не один: за его спиной стояли хорошо вооружённые солдаты. Видимо, верные теперь именно ирландцу — в отличие от тех, которые находились подле Мэзера.

Руис взялся за рукоятку эспады. Сейчас точно станет жарко.

— О, Дженкин, хо-хо! — появление ирландца также развеселило проповедника. — Ты очень вовремя! Я как раз хотел сообщить, что более не нуждаюсь в твоих услугах, и поблагодарить за неоценимую помощь английской короне!

— Не нуждаетесь?

Теперь настал черед смеяться Руису. Предателя вышвырнули за порог, надо же! Никогда такого не случилось, да вот снова... Алава и Хосе, судя по их реакции, тоже уловили иронию положения.

— Мистер Мэзер, у нас имелись договорённости. Я добыл книгу, а вы обещали помочь её изучить. Я нашёл инквизитора, а вы обещали, что его знания станут также и моими. Вы обещали, что мы покончим со всеми слугами Дьявола! Что происходит?!

— Ах, я вам это обещал, ха-ха! — Мэзер смеялся так, что ситуация уже выглядела откровенно неловкой, да и за его здоровье впору было начать опасаться. — Ну, возможно, мы обсудим эти детали позднее! Однако в данный момент вы свободны, хо-хо... не сомневайтесь, Англия всегда вознаграждает достойно! Каждому по заслугам!

Да-да: Руис не сомневался, что по верёвке на каждого предателя у англичан найдётся.

— Мистер Мэзер... — вот теперь и Дженкин зазвучал

весьма грозно. — Не вижу удивительного в том, чтобы англичанин попытался обмануть ирландца. Испокон веков так происходит. Вот только я не обычный ирландец, и вы это знаете.

— Дженкин, послушайте-ка меня...

Алава вклинился в этот обмен любезностями неожиданно. Он сделал несколько шагов вперед, ближе к ирландцу, отделившись от товарищей. Выглядел капитан настроенным весьма серьезно.

— Дженкин, если мне не изменяется память, то несколько лет назад я лично добился вашего назначения в свою роту, и так вы стали офицером настоящей испанской терции, а не каких-то ирландских войск на службе нашего великого монарха. Полагаю, что Хосе сможет подтвердить это, будучи свидетелем означенного события. Принимая во внимания все сложившееся за последнее время обстоятельства...

Поразительно, но когда Алава начинал свои витиеватые речи, очевидно затянутые сверх всякой разумной меры, его всегда терпеливо и внимательно слушали. Что друзья, что враги.

— ...я принял решение уволить вас со службы!

С этими словами Алонсо де Алава выхватил пистолет, о наличии которого Руис даже не подозревал. Дженкин и моргнуть не успел, как салемяская улица озарилась яркой вспышкой. Прозвучал выстрел. Ирландец пошатнулся: было совершенно очевидно, что пуля попала в цель.

Столь же очевидно стало иное — Дженкин теперь и правда не совсем обычный ирландец.

Рыжий офицер только с любопытством поглядел на свой живот, в котором образовалась дыра, а затем совершил

нечто невообразимое. Дженкин не просто бросился на Алаву: он преодолел разделявшее их расстояние буквально мгновенно, таким стремительным рывком, который лежал далеко за пределами человеческих возможностей.

Алава тоже не успел и моргнуть прежде, чем получил удар кинжалом.

Отследить в точности все дальнейшие события оказалось, конечно, трудно. Руис заметил, что из-за ограды прозвучали выстрелы, а Коттон Мэзер поспешно скрылся в темноте. Выстрелил и один из солдат Дженкина: пуля угодила в шлем Хосе, но едва ли причинила серьёзный вред. Прошла по касательной — рикошет, удача.

Пабло бросился на помощь раненому другу, но между ними уже встал другой человек Дженкина, и капитану ничего не оставалось, кроме как скрестить с ним клинки. Пока он убивал англичанина, на поверку оказавшегося весьма слабым в фехтовании, до Дженкина добрался Иаго.

И фехтовать с ирландцем он не стал. Ничего подобного.

Карвасса схватил Дженкина за плечи, и хотя ирландец колот его своим оружием, Иаго на это оказалось наплевать. Словно в старой сказке, где чёрт уносит человека, каталонец резко взлетел вместе со своим противником, как если бы ими из пушки выстрелили — оба тотчас исчезли в глубине ночного неба.

Похоже, насчёт бытия «не совсем человеком» Иаго скорее недоговорил, чем преувеличил.

Алава истекал кровью на земле, Кеции след простыл, так что Руис и Хосе оказались в незавидном положении. Сколько бойцов Дженкина на улице? Пабло мгновение назад поклялся бы, что только трое — не считая уже убитого, но теперь их стало больше. Такие условия схватки

не сулили ничего хорошего, однако и отступить сделалось невозможным: Алава нуждался в помощи.

Капитан Пабло Руис подумал: возможно, это конец, пусть и далеко не самый худший. Однако развитие событий в который раз обмануло его ожидания. Было то заслугой ведьмы или нет, но мимолётное ощущение замедления времени, которое часто случается в критических ситуациях, оказалось чем-то совершенно иным.

Время для Руиса и правда замедлилось в разы. А судя по тому, как ловко сражался сразу с тремя противниками Хосе — удивительный эффект имел место и для него. Теперь, вопреки численному превосходству противника, Пабло нисколько не сомневался в победе.

Из ненаписанного дневника

К великому сожалению, мне никогда не довелось удовлетворить своё вполне естественное любопытство относительно природы противника, одолеть которого злополучной ночью оказалось невозможно. Описывать состоявшуюся в небе над Салемом схватку едва ли имеет смысл — откровенно говоря, в памяти моей сохранилась она удручающе плохо, словно дурной сон. Зато вот уж чего забыть я никак не мог, так это подробностей богомерзкого ритуала, совершенного надо мной, тяжело раненым и лишённым всяких сил, Кецией Мэйсон и другими ведьмами салемского ковена.

В этом месте хотелось бы отметить, что по прошествии многих лет я уже практически не держу на неё зла. Это может показаться странным, но последующая жизнь в виде весьма причудливой помеси человека и крысы, которую бывшие друзья сочли удачной

иронией, была по-своему неплоха. Я всю жизнь кому-то служил, и стать в итоге фамильяром могучей ведьмы — логичное продолжение пути. Хотя, как уже отмечал ранее, жалкая смерть на заколоченном чердаке в Архэме никак не отвечает былым амбициям. Увы: к двадцатому веку золотая эпоха колдуний Новой Англии завершилась, и фамильярам также давно не суждено ничего хорошего.

Что касается похороненного на следующий день после тех событий капитана Алавы, то он первым пустил в ход оружие, и тут я не ощущаю какого-либо груза вины. Если же вы спросите о Коттоне Мэзере, то лучшим ответом будет «Бог ему судья» — но я не употребляю подобную формулировку, ибо знаю о богах гораздо больше, чем вы желали бы узнать. В мире очень много знаний, которыми лучше не обладать, и мой печальный жизненный путь — прекрасное тому доказательство.

Надеюсь, что кто-нибудь всё-таки описал его, коль скоро мне не суждено изложить всю эту историю на бумаге. Увы, убедиться в этом невозможно. Знаю я лишь о творчестве потомка несчастной Пикман (тот человек достиг высокой степени в искусстве), однако оно не лежит в литературном поле. Что остаётся добавить? Книга, которую взял я из холодных мёртвых рук Симона, беглеца во времени и пространстве, до сих пор хранится в Архэме, в овеванном столь тревожной и загадочной славой Мискатоникском университете. Испанское издание начала семнадцатого века, перевод с утраченного арабского оригинала на латынь, одна из немногих возможностей ознакомиться с «Некрономиконом».

Советую вам держаться от этой книги подальше.

VII

Пабло Руис наконец пришёл в себя после путешествия, похожего на сон. После долгого пути сквозь неизмеримое безумное пространство, наполненное светом, неописуемыми звуками и постоянно пребывающими в движении фигурами.

Не самый приятный опыт, если честно. Вполне понятно, почему Хосе отказался повторно нырнуть в треугольный люк — уже другой, проделанный под ведьминым домом в Салеме. У него теперь были дела поинтереснее...

Перед глазами лежащего на каменистой земле Руиса вновь обнаружилось звёздное небо. Только теперь он уже по запаху воздуха понял: дома. Это однозначно Испания. Никак не вонючий Новый Свет... а что с теми солдатами? Успешно ли все они добрались? Всё ли у ведьм и проклятого инквизитора, настоящего имени которого капитан так и не узнал, получилось сделать правильно?

Об этом лучше подумать потом. Сейчас время заботиться о себе.

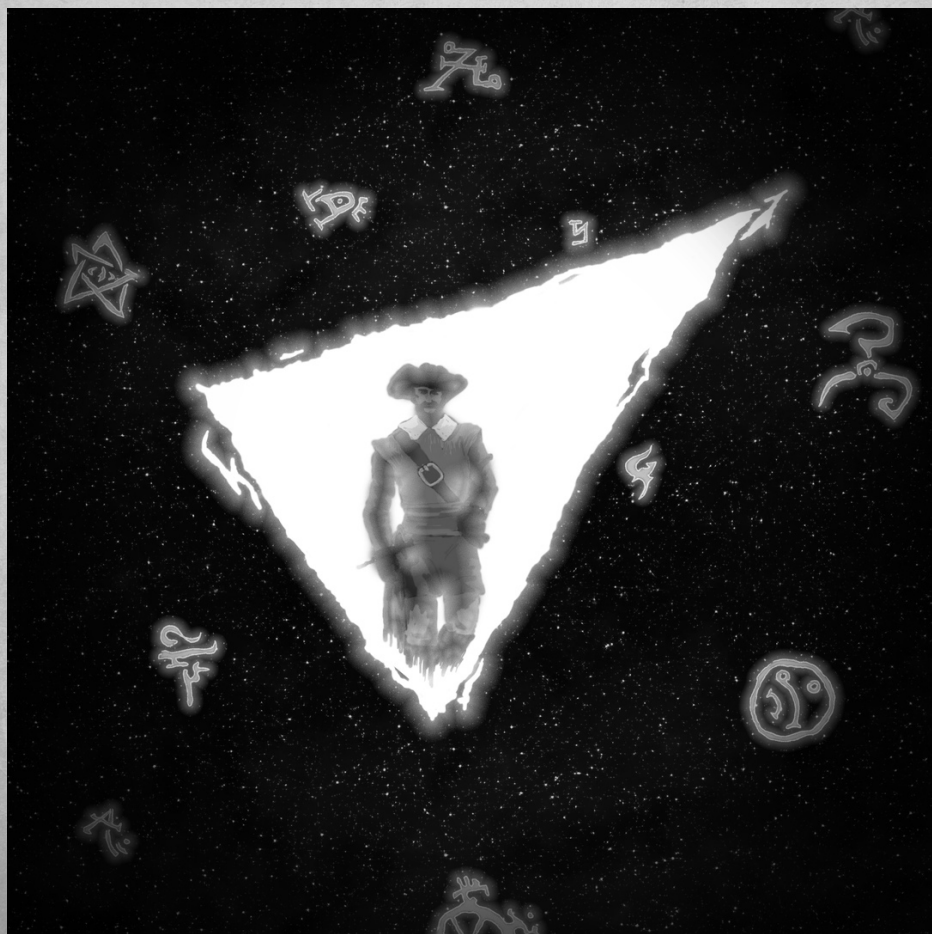
Руис уже хотел подняться, когда над ним склонился человек в странных доспехах. Нечто похожее капитан некогда видел, но где? Память работала плохо. Солдат обратился к Руису, однако тот не разобрал ничего, кроме имени Луция Целия Руфа и слова «квестор». Над лагерем, разбитым в очень напоминающей Сугаррамурди местности, реяли штандарты римского легиона.

Солдат продолжал говорить, и незнакомый капитану язык, лишь отдалённо похожий на родной испанский, постепенно становится понятным — вот это уже знакомое ощущение.

Пабло не испытал ни отчаяния, ни разочарования.

В первый момент подумал он об одном: очень старый город лежит недалеко отсюда, и дом еврея там наверняка стоит. А значит, есть и люк, до которого можно добраться. Нужно. Ничего другого-то не остаётся.

Потому что следующая мысль, посетившая измученную голову капитана, была о ждущей его в иной эпохе жене. И о пачаране, который она так славно готовит.

Евгений Абрамович ГРЯЗНАЯ ВОДА

Наступление на столицу провалилось. Весна выдалась холодной и дождливой. Ливни чередовались со снегопадами, дороги и поля затопило. Войска повстанцев завязли в грязи. Походные колонны растянулись на многие километры, отрываясь от тылов, подставляя фланги под удары правительственной армии. На подступах к столице мятежники были разгромлены. Теперь они тянулись обратно, на восток, в более лояльные к ним районы. К границам соседнего государства, которое предоставляло им оружие, инструкторов, финансирование и лагеря подготовки в обмен на возможные будущие уступки от нового, взамен свергнутого, правительства. Бросали на ходу технику, боеприпасы и мертвецов. Обочины дорог зарастали пустыми машинами и танками. Там же лежали трупы. Где аккуратно, в ряд, заботливо укрытые брезентом или плащ-палатками, где кое-как, вповалку. Тела лежали там, где их настигала смерть или там, где их оставляли товарищи, предусмотрительно сняв все ценное.

За последние дни Грех похудел, осунулся. Зарос густой рыжеватой щетиной. Он уже потерял счет времени, спал урывками, прятался в канавах и разрушенных домах. Да еще приходилось тащить на себе раненого Вавила. Раньше тот шел сам, ковылял на перевязанной ноге. Сейчас нога распухла, раздула изнутри штанину, как разваренная сарделька. Вавил пытался бодриться и шутить, но Грех видел, что парню хреново. Даже на расстоянии он чувствовал исходящий от него жар. Вавил

никогда ни о чем не просил, Грех сам покорно брал второй автомат и подставлял плечо под дрожащую руку товарища. Так они и шли, медленно, с частыми остановками. Молча, разговаривая только на привалах.

– Как думаешь, сколько еще? – отдуваясь, спросил Вавил.

Он тяжело рухнул на вялую мертвую траву, где посуше. Стоянку выбрали хорошую. У склона высокой насыпи, возле моста. С дороги их не видно, зато впереди открываются бесконечные поля, затопленные тут и там вышедшей из берегов рекой. Вавил порывлся в рюкзак, вытащил консервную банку, ловко вскрыл ножом, жадно сунул в рот кусок жирной свинины.

– Не знаю точно, - ответил севший на корточки Грех, – до границы еще километров сто. Может повезет, нарвемся на наших. Или кто из местных укроет. Есть люди. Ты так-то не дойдешь...

Вавил пропустил слова мимо ушей, продолжал есть. Грех почесал колючий затылок, опустил лицо в ладони. На пару секунд погрузился в мысли. Наступление было тяжелым, но за ним была цель. Когда на горизонте уже виднелись высотки столичных окраин, когда своя артиллерия уже занимала позиции, казалось, что осталось совсем чуть-чуть. Ноги сами несли вперед. Потом были затяжные бои в пригороде, окружение, разгром. Отчаяние и жуткое предвкушение отступления. Даже нет, бегства. О плене не было и речи. Противник их не пощадит. В контрразведке заморят голодом, сломают пальцы и отобьют все нутро. На занятиях по политинформации им рассказывали жуткие истории о зверствах режима. Да и без того Грех наслушался всякого от перебежчиков и тех,

кого меняли после временных перемирий.

Олег Грешкин, так привык к своему прозвищу, что иногда не отзывался на настоящее имя. Было в этом что-то. Посмотришься в зеркало – точно, по-другому и не скажешь. Ежик волос, глубоко запавшие хмурые глаза, скорбно опущенные уголки губ. Вылитый Грех. Два года назад он записался в добровольцы. После переворота, после студенческих волнений и беспорядков. После комендантского часа и расстрела на центральной площади, где погибли его однокурсники. После того, как полиция пришла за его родителями.

Прошлого больше не было, ни имен, ни фамилий. Он остался просто Грехом. Уже после боев за столицу, когда штурмовики сожгли отступающую колонну, были только он и Вавил, с которым они сдружились в учебке. Больше никого. Только они и желание дойти. До своих, до границы, до чего угодно.

Мысли прервал Вавил, протянул полупустую консервную банку.

– На, поешь.

Грех выудил остатки мяса, кусочком хлеба вымакал жир, запил водой из фляги. Привычно помог подняться Вавилу, взвалил его руку себе на плечи, обхватил за талию.

– Тяжелый вы стали, рядовой Вавилов, – попытался пошутить, – пузо отъели, мама не горюй...

– Поговори мне.

Пошли по склону насыпи, вдоль дороги. Под ногами хлюпала влажная земля, шелестела высохшая еще с осени трава. Было тихо, только где-то далеко-далеко ухала артиллерия. Звук шел отовсюду, растекался в пространстве. Невозможно было установить, где точно стреляют. Поля

вокруг расходились в стороны, на самом горизонте сливались с серым небом. Тут и там отражали серость затопленные участки, как маленькие озера. Местность становилась болотистой, сырой. Греха бросало в дрожь от мысли, что придется идти через нее. Идти самому и тащить на себе раненного Вавила. Нужно избегать дорог и открытой участков. Оставались только затопленные леса и непроходимые болота. «Что ж, посмотрим, какой из меня следопыт» - успокаивал себя Грех.

– Хоть дождь закончился, – просопел над ухом Вавил. Грех не ответил.

До следующего привала, казалось, прошла целая вечность. Грех опустил на землю Вавила, отдышался. Он был мокрым по пояс, пришлось идти по затопленному полю. Штанины липли к ногам, в ботинках мерзко хлюпало. Он оглянулся, увидел вдалеке мост, возле которого они останавливались в прошлый раз. Плохо, очень плохо. Прошли километра три, не больше. При этом выдохлись, измотались до полусмерти. Вавил лежал на боку, вытянув больную ногу. Хрипло, с бульканьем дышал. Грех лег рядом.

– Не, нельзя так... Не дойдем... Отдохнуть надо... Подольше...

– Ага, – Вавил перевернулся на спину, – ты спи... тебе надо. Я покараулю, а то...

Конец фразы утонул в реве двигателей. Низко пролетели два самолета, скрылись где-то вдалеке, уменьшились на горизонте до черных точек. Оттуда донеслись глухие раскаты взрывов.

– Ууу, – Вавил погрозил кулаком вслед самолетам, – слышь, Грех...

Он снова не закончил фразу. Грех спал, тяжело дыша, опустив подбородок на грудь.

Проснулся уже в сумерках. С трудом разлепил глаза. От сырости и мокрой обуви ломило ноги.

– Долго спал? – спросил Вавила.

– Так, пару часов.

– А ты?

– Я караулил.

Грех огляделся. Из-за низких туч солнца не видно. Скоро совсем стемнеет. Тихо, только где-то далеко по-прежнему раздавалась артиллерийская канонада, как ранний весенний гром. На самом горизонте, уже погруженном в темноту, сверкали вспышки

– Идем.

Он поднялся, взял автомат Вавила, взвалил товарища на плечо. Тот был плох, хоть и не подавал виду. Горел, пылая сквозь одежду болезненным человеческим жаром.

Путь держали вдоль дороги, в сторону леса впереди. Долго шли молча, чавкая раскисшими ботинками. Ноги вязли в густой грязи, путались в длинной сухой траве, что как водоросли извивалась в холодной воде. Грех сопел и отдувался, волоча на себе непомерный груз. Не было сил, чтобы смотреть по сторонам, он полностью сосредоточился на ходьбе.

– Смотри в оба, – буркнул он Вавилу.

Впереди уже можно было рассмотреть ближайшие деревья. Между ними тоже журчала и переливалась вода. Паводок затопил лес, вышедшие из берегов реки захватывали все новые территории. Дорога спускалась с насыпи и разрезала чащу надвое, делая резкий крюк.

Грех отдался мыслям о лесе, будто там его ждал родной дом, ломящийся от еды стол и теплая женщина в сухой и теплой кровати. Вон уже деревья, совсем рядом. Поскорее уйти с открытого места, в уютную тьму деревьев. Там можно снова сделать привал. Переждать ночь. Спать.

Он даже не понял сразу, когда Вавил зашипел над ухом.

– Справа, Грех, справа!..

Они не бросились даже, рухнули в грязную холодную жижу под ногами. Намокшая одежда потянула вниз, вода сомкнулась над головой. Грех быстро вынырнул, за шкурку вытащил Вавила, сунул ему в руки автомат. Быстро вскинул свой, щелкнув предохранителем.

– Где? – шепнул он.

Ствол медленно ходил туда-сюда, обшаривая местность. Только привычные уже пейзажи. Затопленные поля до горизонта. Тут и там из воды торчали голые верхушки кустов и перекрученные скелеты мертвых деревьев. Больше ничего и никого. Только громко плюхнулось что-то в воде вдалеке.

– Ну? – повторил он, начиная злиться.

Вавил под боком трясся от холода и страха, не в силах связать два слова.

– Я ви... я вид..., – заикался он, – видел...

– Что?

Вавил не успел ответить. Грех зажал ему ладонью рот, прислушался, молясь про себя, чтобы ему всего лишь показалось. Но нет, со стороны дороги точно послышался рев приближающейся техники.

– За мной! – коротко рывкнул он. – Живо!

Схватил товарища за воротник и как можно быстрее

помчался прочь от дороги. Широко шагая, расплескивая воду. Но медленно, все равно медленно. И шумно, думал он. Заметят.

Залегли в кустах, наспех укрывшись среди голых ветвей и сухих камышей. Почти скрывшись под водой. Наружу торчали только макушки и носы. И глаза, которые внимательно следили за происходящим.

Со стороны моста показался броневик. В сумерках он казался почти черным, но хорошо был виден правительственный флаг на борту.

Броневик остановился. Как раз напротив затаившихся беглецов. Полсотни метров, не больше. С брони спрыгнули трое, огляделись. Четвертый остался сидеть сверху, возился там с каким-то прибором. У Греха внутри похолодело. Ствол его автомата выглядывал над водой, смотрел прямо вперед. Держал на мушке солдата на броне. Вавил рядом, затаился, тоже целился в кого-то из них. Если заметят, бой будет коротким. Они подстрелят одного-двух. А остальные? Экипаж машины?

У Греха еще два магазина плюс граната. У Вавила столько же. Те на дороге среагируют быстро. Залягут, спрячутся за броневиком. Повернется орудийная башня с крупнокалиберным пулеметом. На них двоих хватит одной меткой очереди.

Солдаты о чем-то громко переговаривались, даже спорили. Один в гневе жестикулировал, показывал рукой на лес. Двое других наоборот, указывали на поля вокруг и назад на мост. Боец на броне продолжал сосредоточенно возиться с чем-то. Кто-то из них ткнул пальцем, как показалось Греху, прямо туда, где спрятались они с Вавилом. Другие будто бы повернули головы. Дыхание

перехватило. Заметили! Палец лег на спусковой крючок.

Нет, успокоился Грех. Продолжают спорить. До него доносились обрывки фраз и мат. Спорят, стоит ли ехать дальше. В лес. Те двое, что были против твердо стояли на своем. Боятся, отметил Грех с удовлетворением, хотя и вернуться.

Боец на броне, наконец, зашевелился. Громко сказал что-то, привлекая внимание. Остальные замолчали. Что-то громко зашипело, прокашлялось помехами и заговорило усиленным динамиком человеческим голосом.

— Бойцы повстанческой армии! Ваше дело погибло. Вы разбиты, а ваши лидеры сбежали. Правительство готово дать вам амнистию, о чем президентом был подписан соответствующий указ. Не оказывайте сопротивление. Выходите с поднятыми руками к позициям правительственных войск. У нас вас ждет сухая одежда и теплая пища. Война закончена. Мы даем вам слово, что после сдачи и разоружения вас сразу отправят домой...

Грех с Вавилом переглянулись. Грех покачал головой. Известный прием. Не в первый раз уже противник балуется подобным. Такие вот сообщения, листовки над окопами. Сдавайтесь, мы вам все простим. Грех уже видел, когда бойцов с белым флагом расстреливают в упор. Они с Вавилом продолжали держать на прицеле солдат у броневика, сидя по горло в грязной ледяной воде.

Голос говорил что-то еще, но все об одном и том же. Когда сообщение закончилось, бойцы снова запрыгнули на броню. Машина развернулась и поехала в сторону моста. Решили все-таки вернуться. Грех провожал их взглядом.

Совсем стемнело. Когда броневик скрылся из виду, Грех потащил Вавила дальше.

– Быстрее, – сопел он, отдуваясь, дрожа от холода и пережитого напряжения, – давай, скоро уже...

Однако лес теперь уже не казался спасением. Темная громада стояла впереди, безмолвная, подтопленная водой. Из-за пасмурной погоды не было ни звезд, ни луны. Ни света, ни огонька. Кромешная тьма. Черным-черно.

Не успел он подумать об этом, как темноту позади них осветила сигнальная ракета. Грех с Вавилом снова нырнули в воду, обернулись на свет. Огонек вспыхнул высоко и теперь бледным маленьким светлячком опускался к воде. Тут щелчками и треском раздались выстрелы. Со стороны моста. Оттуда, куда уехал броневик. Линии трассеров рассекали ночь. Работали автоматы и крупнокалиберный пулемет. Стреляли с дороги куда-то в сторону, по воде.

– В кого они? – будто сам у себя спросил Грех.

Вавил застыл на месте.

Ракета спустилась к самой земле, догорела. В ее последних отблесках Греху показалось, что какая-то тень карабкается по насыпи далеко впереди. Игра света, успокоил себя. Ничего особенного.

Стрельба прекратилась вместе с вернувшейся темнотой. Грех посмотрел на друга. Тот стоял по пояс в воде. В метре, потрогать можно, но виден был только темный силуэт с автоматом наперевес. Товарища трясло.

– Идем, – Грех взял его под руку.

Идти в воде было тяжело. Ноги будто налились свинцом, отваливались.

– Ты кого там видел?

– А? – Вавил встрепенулся, будто разбуженный.

– Когда в первый раз нырнули?

Вавил долго не отвечал, только сопел и трясся на

плече у Греха.

— Так, — выдавил наконец, — показалось...

В лесу было помельче, вода доходила до колен, иногда опускалась до щиколоток. Но теперь ноги вязли в мягком мхе, проваливались в затопленные норы, цеплялись за корни деревьев. На поверхности толстым слоем плавали хвойные иголки и обломанные ветки.

Грех шел наугад, просто вперед. Зная, что дорога слева. Впереди не должно быть крупных населенных пунктов, только деревни. Большинство из них брошены из-за войны. Уже совсем рядом пограничная зона. Это еще впереди, рано расслабляться. Пока надо найти место повыше. Отдохнуть, просушиться, поесть, поспать.

Лес молчал. Мертвый, болотистый. Верхушки деревьев не видны в темноте, только могучие стволы. Массивные, шершавые наощупь, как ноги окаменевших исполинских животных. Вокруг ни звука, только плеск воды между деревьями и хлюпанье собственных шагов.

Тишину разорвал до боли знакомый свист. Грех нырнул к стволу ближайшей сосны. Потавил Вавила, обнял, накрыл собой. Снаряд разорвался впереди, деревья застонали. Засвистели, защелкали в воздухе осколки, выбивая щепки из стволов. Другой с чавканьем и железным лязгом плюхнулся совсем рядом. От взрыва вспучилась и задрожала земля. В стороны полетели брызги и жирные влажные комья. Грех вжался в землю. Не первый раз он был под обстрелом, но снова и снова хотелось зарыться куда-нибудь с головой.

Обстрел продолжался меньше минуты, но казалось, что прошла целая вечность. Грех поднялся. Впереди появился завал из перекрученных, разбитых в щепки

деревьев. В воздухе пахло порохом и бензином. Вавил сидел, прислонившись спиной к стволу, тряс головой. Грех похлопал его по плечу.

– Контузило, брат?

Вавил не ответил, только промычал что-то под нос. Грех помог ему подняться, тот был вялый, безвольный, как кукла. Мелко дрожал и продолжал трясти головой.

Грех пошел дальше, таща на себе друга, обходя завалы и появившиеся воронки, которые уже затопила, пенясь и бурля, холодная грязная вода. Тьма отступила, от обстрела кое-где загорелись деревья. Высокие кроны сосен пылали, вниз волнами сыпались красные искры. Гасли, не долетая до воды.

Мимо проплыла оглушенная рыба. Здоровенная, с руку, выставила бледное чешуйчатое брюхо. Грех оттолкнул ее ногой, на ходу размышляя, зачем понадобилось кому-то обстреливать пустой лес. В кого стреляли бойцы на броневике? Сколько еще до границы? Дотянет ли Вавил? Вопросы лезли в голову, распирая череп изнутри.

В свете плавающего среди деревьев огня все казалось ненастоящим, нереальным. Тени вытягивались, танцевали на воде и древесных стволах. Длинные, кривые, рогатые. Греху было неуютно, почему-то не покидало ощущение, что за ними наблюдают. Хотелось спрятаться за деревом, чтобы не было видно. Или на худой конец втянуть голову в плечи. Краем глаза он заметил тень. Кто-то высокий и двуногий двигался чуть в стороне между деревьями. В такт с движениями людей. По коже пробежал холодок.

– Бойцы повстанческой армии!..

Грех вздрогнул, остановился. Чуть было не заорал от неожиданности и испуга. Встряхнул на плече совсем

обмякшего Вавила, тот пробурчал что-то под нос. Голос продолжал.

— Ваше дело погибло. Вы разбиты, а ваши лидеры сбежали...

Он оглянулся по сторонам. Никого. Тени исчезли, значит показалось. Но голос был слышен четко. Даже Вавил поднял голову, прислушался. С мочки его уха капала темная кровь. Грех как загипнотизированный стоял и слушал, поддерживая друга.

— Сбежали... сбежали... сбежали...

Запись повторяла по кругу одно и тоже слово, будто зажевало пленку.

— Сбежали... сбежали...

Непонятно было, откуда идет голос. Казалось, будто сразу со всех сторон. С боков, сверху и снизу. Какой-то странный звуковой эффект, похожий на эхо. Но где источник звука? Неужели вернулись те на броневику? После перестрелки неизвестно с кем решили все-таки продвинуться в затопленный лес. Грех все равно не мог понять. Запись началась будто сама собой. Звук появился прямо из воздуха.

— Сбежали... сбежали...

Что-то громко щелкнуло и сообщение заговорило уже другим голосом, более тихим, сорванным и хриплым, уставшим.

— Сбежали, бросили вас, оставили одних... а вам так холодно, так страшно, так одиноко... вы совсем одни здесь... в этом страшном, темном и холодном мире... не оказывайте сопротивление. Выходите с поднятыми руками к позициям... у нас вас ждет сухая одежда и теплая пища... война закончена... мы даем вам слово... мы обещаем...

горячую пищу, теплую одежду... билет домой... тепло и ласку... любовь и нежность...

Голос хрипел и сипел. Грех быстро пошел вперед, разбрызгивая воду тяжелыми ботинками. Быстро, насколько мог. Тяжелый Вавил уже едва переставлял ноги. Грех тянул его почти силой. Хотелось поскорее уйти из зоны слышимости сообщения. Но голос не затихал, он преследовал, шел рядом, накрывая непроницаемым звуковым куполом. Казалось, что это говорит сам лес, сама вода внизу. Голос делал паузы, менял интонации, ставил неправильные ударения. От него заболела голова, замутило, болью пульсировали глазные яблоки и пломбы в зубах.

— мы дадим вам все... все... мы обещаем теплую одежду, вкусную еду... сухую еду... вкусную одежду... горячую... мокрую... мы обещаем ласку... мы обещаем любовь... мы обещаем глубокий минет и групповой секс... глубокий секс... групповой минет... глубокую одежду... сухой секс... групповую пищу... глубокую постель...

Грех шел и тихо скулил про себя. Он больше не мог выносить этого.

— мы обещаем жертвоприношения... мы обещаем распоротые животы и выпущенные кишки... мы обещаем жертвенных висельников и утонувшие деревни... мы обещаем блуждающие огни... мы обещаем голоса... мы обещаем свет... мы обещаем чешую и холодную кожу... мы обещаем немые рты... мы обещаем большие глаза... мы обещаем пробуждение...

Голос из раза в раз повторял одно и то же, но с каждым повтором добавлял что-то еще более безумное. Он начал меняться, растягивать слова, как старый кассетный плеер,

- мыыы оообщаа... аеееееем

жееее... еертвоoooooooooo... прииииии...

ноooooшeeeeенниия... мыыыы oooooo...

бещааааееееем... хoooолоод... хоооо...

лооод... ооообееещаааааееееем... гряаааазь...

мыыы... оооообееесщаааа...

ееееем... гряаааазнуууюуууу вооооооодуууууу...

Грех выбрался на пригорок, поросший низкими елочками, втащил за собой Вавила и без сил рухнул на спину в мокрый мягкий мох. Вавил едва шевелился и стонал.

Они лежали почти неподвижно, отдуваясь и набираясь сил. Горящие деревья тихо трещали. Сверху продолжали сыпаться искры. Вода шла рябью, окаймляя пригорок, как маленький остров. Звенело в ушах, болели глаза, ломило затылок и шею.

283

батальонов. Значит они не первые, кто шел к границе этим путем. Грех постоял, раздумывая, соображая о дальнейшем. Продолжать ломиться через лес или попробовать выйти на дорогу?

Когда он снова посмотрел на труп, тот был уже в метре от него. Почти у самых ног. Течением прибило, что ли? Грех невольно отступил на шаг и тут над ухом раздался выстрел. Мертвец качнулся на воде и медленно задрейфовал обратно. Грех злобно оглянулся на Вавила, который стоял, качаясь, поднимая автомат. На раненную ногу он не наступал.

– Какого хрена ты делаешь?! – рявкнул он.

– Шшш, – Вавил многозначительно приложил палец к губам, – не шуми. Мертвые совсем не мертвые...

Грех не ответил спятившему другу. Не успел. На той стороне опушки зашевелился кто-то большой. Поднялся во весь рост. Черный, блестящий в свете огней. Быстро перебежал между деревьями, громко плюхнулся в воду и тут же все затихло. Только трещал где-то огонь. Грех рассмотрел глаза. Большие и желтые, тускло мерцающие в темноте, как гаснущие фонарики. Невольно поежился.

Показалось, судорожно пытался успокоить он себя. Просто большое животное, лось или олень. Вышел к водопою, испугался людей. Лоси не ходят на двух ногах, возразил внутренний голос. Грех посмотрел на Вавила.

– Не мертвые, – ответил тот.

Лицо его судорожно дернулось. То ли от холода, то ли от контузии и нервного тика.

Про себя Грех решил, что нужно искать дорогу. Идти через лес не хотелось совсем. После того, что он видел на опушке.

Трасса нашлась быстро, тоже затопленная. Паводок набирал силу. Вода здесь доходила до середины икры и Греху казалось, что уровень ее чуть-чуть поднимается с каждым шагом. Зато под водой здесь был твердый асфальт, идти было гораздо легче.

Вавил то приходил в себя, то проваливался в беспамятство. Горел так, что Греху было жарко находится рядом. Он то вел друга рядом с собой, то подставлял ему плечо. Иногда приходилось перевешивать вещмешок на грудь и взваливать Вавила на спину. Каждый шаг давался со все большим трудом, а отдых, привал и сухой участок земли пока не предвиделся.

Дорога делала резкий поворот. Там, еще невидимое за деревьями, что-то ярко горело. Подойдя ближе, Грех увидел пылающую автозаправку. Огонь вырывался прямо из-под земли, из-под слоя воды, которым было укрыто все. С шипением и паром рвался наружу. Топливо растекалось по водной ряби горящими кляксами расползлось в стороны. Тут и там плавали бутылки с водой, пачки чипсов и орешков. Грех машинально подобрал несколько, сунул в вещмешок на груди. Поудобнее встряхнул Вавила на спине, пошел дальше, оставляя позади охваченную огнем заправку.

Дальше дорога шла почти в кромешной тьме. Стоящие с двух сторон деревья образовывали сплошной коридор, тоннель, по которому вилась затопленная дорога. Неба не было видно, оно сливалось с окружающим миром. Немного очухавшийся Вавил попросился идти сам. Грех с облегчением опустил его на землю, выловил из воды длинную крепкую палку вместо костыля и только поддерживал за плечо. Шли они медленно, Вавил часто

останавливался, подолгу отдыхал и отдувался, но так гораздо легче, чем тащить его на себе.

Шли молча. Если и переговаривались, то короткими фразами и только шепотом, не отдавая в этом отчета самим себе. Казалось, что их могут услышать. Грех был почти уверен, что тени вернулись, хоть он и не мог их рассмотреть. Теперь их было много. Тех самых, высоких, с большими желтыми глазами и блестящей кожей. Они шли рядом, тихо, выдавали себя только короткими всплесками воды между деревьями.

Принялась подниматься с горки на горку. Вода то поднималась до пояса и выше, то опускалась по щиколотку. Иногда даже показывался чистый сухой асфальт, но таких участков было мало. Каждый раз приходилось снова заходить в холодную темную воду.

Они зашли в низменную болотистую местность. С двух сторон дороги из воды поднимались уродливые кривые стволы берез. Сухие и мертвые они белели в темноте, как кости умершего здесь гигантского животного. Между берез светились огоньки, как маленькие звездочки. Глаза. Стояли неподвижно, но уже не прятались. Не видели смысла. Грех взял автомат на изготовку, нащупал гранату в кармане разгрузки. Несколько минут они с Вавилом молча стояли и смотрели по сторонам, ждали чего-то. Никто не двинулся с места. Ни они, ни огоньки между деревьями.

Грех огляделся. К привычной уже тревоге добавилось что-то еще. В темноте казалось, что они забрели в какой-то параллельный мир. Все здесь было не так, непривычно. Вода, деревья, даже воздух казались какими-то чужими, неправильными.

— Мне кажется, мы где-то не здесь, — Вавил шепотом

озвучил на ухо его мысль.

Грех кивнул. Не здесь. Они пошли дальше.

От холода и сырости Грех уже не чувствовал ног. Ниже колен как будто ничего не было, только подошвы тяжелых промокших ботинок ступали по скрытому под водой асфальту. В горле першило, заложило нос, голова кружилась и бросало в пот. Если он отсюда выберется, наверняка свалится с воспалением легких.

На обочине, съехав одни бортом в кювет и наполовину скрывшись под водой, стоял подбитый танк. Башня свернута набок, дуло пушки опущено в воду. Внутри машины глухо плескалось, было слышно, как внутри кто-то стонет и гулко стучит по броне чем-то тяжелым. Грех с Вавилом прошли мимо, не оглядываясь.

Дорога снова пошла в гору, они с облегчением выползли из воды на сухой асфальт. Мокрые, продрогшие, тряслись от холода и страха. Вавил опустился на четвереньки и принялся надрывно кашлять, рискуя выплюнуть собственные легкие. Отхаркнул темный сгусток, перевернулся и сел, вытянув перед собой больную ногу. Было заметно, как та раздулась внутри штанины, раза в три толще обычного. Вавил мелко трясся и смотрел туда, откуда они пришли. Там между деревьев все еще блуждали огни.

— Ты когда-нибудь видел такое наводнение?

— Нет, — ответил Грех.

Он стянул с ног тяжелые, как кандалы ботинки, вылил из них воду. Как смог отжал носки и штанины, снова обулся. Мокрая одежда хлопала, неприятно липла к телу. Зубы стучали так, что Грех сильнее стиснул челюсти, боясь прикусить язык. Он помог подняться Вавилу и они

двинулись дальше.

– Куда мы идем? – спросил тот.

– Не знаю, – честно ответил Грех.

Впереди белел покосившийся указатель. Проржавевший и помятый, в темноте невозможно было разобрать буквы, но он явно извещал о начале населенного пункта. Дорога здесь снова спускалась вниз, однако через десяток метров по обе стороны показались деревенские дома.

Тишина оглушала, давила, света в окнах не было, огни не горели. Даже те, среди деревьев.

– Пусто, – разочарованно прошептал Вавил, они по-прежнему боялись разговаривать громко, – никого...

Грех промолчал.

Здесь вода вернулась, пришлось опять шлепать по ней, тяжело переставляя ноги.

Грех усадил запыхавшегося Вавила на скамейку возле одного из домов, а сам постучал в двери.

– Ты чего? – спросил Вавил.

– Может есть кто. Откроют.

Ожидаемо никто не ответил. Грех потянул дверь на себя, открыто. Шагнул в темные сени. Под ногами хлюпало. Дом был затоплен, как и все вокруг. Вода внутри доходила почти до колен. На поверхности дрейфовала домашняя утварь – пустые бутылки, книги, бумага, мусор. Кораблем деловито проплыла мимо намокшая подушка

Он прошел в помещение, похоже кухню. Большая белая печь размокшая и осыпающаяся. Газовая плита, стол возле окна. За столом сидел человек. Опустил голову на руки, будто уснул. Грех осторожно, держа автомат перед собой подошел к нему.

— Эй, — тихо позвал он, — хозяин...

Молчание. Человек не двигался. Темная фигура осталась сидеть на месте, как статуя. Грех протянул руку, потряс за плечо. Мокрая одежда, холодная кожа под ней. Он зачем-то тряхнул сильнее. Под столом что-то мерзко чавкнуло, плюхнулось в воду. Тело дернулось, испустило газы, завалилось на бок и с плеском рухнуло со стула.

Грех зажал нос, по комнате расплзался невыносимый трупный запах. Смерд смерти и разложения. Он попятился от стола, пошел в другую комнату. Наощупь пошарил рукой по стене, по мокрым вздувшимся обоям. Нашупал выключатель, ничего, света нет. И не будет, зачем-то сказал сам себе. Закончился свет. Даже за окнами крошечная тьма.

В комнате угадывались очертания дивана, большой шкаф у стены, широкий плоский телевизор на столике. Грех шагнул вперед и тут же отпрянул. В темноте наступил на что-то мягкое. Наклонился — в воде лицом вниз лежал труп. Раздувшийся, но маленький, как кукла. Ребенок. Дулом автомата Грех зачем-то оттолкнул от себя маленькое тельце. То легко скользнуло по воде. Остатки одежды на нем развивались, как водоросли. Мертвые совсем не мертвые, всплыл в голове бред Вавила.

Что-то тревожило, не давало сосредоточиться, только не понять, что именно. Когда Грех осознал это, задрожали руки, а сердце на миг остановилось. По спине побежали неприятные мурашки. Тишина. За последние часы он привык к тишине — ни ветра, ни птиц, только плеск шагов и собственное дыхание. Сейчас тишина нарушилась и причиной этого был не он. Кто-то громко дышал за перегородкой, совсем рядом. Там, куда вел проем без

двери. В темноте.

Кто-то дышал и ворочался. Как спящий, сон которого потревожили. Грех медленно-медленно, стараясь не шуметь, попятился назад. Скорее обратно на кухню, в сени и наружу. Взять в охапку Вавила и прочь из этой деревни. Не успел он об этом подумать, как с улицы раздался выстрел. Оглушительный в тишине. Громогласный даже здесь, за стенами дома. Показалось, что даже стекла в рамах задрожали. Потом еще один. Несколько секунд тишины и короткая очередь. Вавил отстреливался от кого-то.

Спящий очнулся. Зашевелился, недовольно засопел. Издал короткий звук, похожий на лягушачье кваканье. Что-то громко хлопнуло, сильно ударилось о перегородку с той стороны. Из тьмы проема показалась большая лапа с четырьмя пальцами, соединенными перепонками, пошарила по стене. В такой запросто исчезнет человеческая голова.

И глаза. Эти огромные светящиеся блюда, как бледные фонарики. Впервые Грех видел их так близко. Ярко-желтые, с темными вертикальными черточками зрачков. Они смотрели на человека в упор. В глубине комнаты зашевелилось что-то еще. Заплюхало по воде, будто маленькими ножками. Зазвенели капельки, словно стекали с мокрой одежды

Снаружи грохнул еще выстрел.

— Грех! — надрывался где-то Вавил, — Греееех! Ты где!

Крик вывел из ступора. Грех быстро вскинул автомат и выстрелил прямо по светящимся глазам. Не стал смотреть, что будет дальше, молнией рванул на кухню. Пока бежал, краем глаза заметил, что возле стола кто-то неподвижно стоял. К черту, подумал он, скупая от страха. Прочь отсюда,

скорее!

Вавил сидел на скамейке, где его оставил Грех. Палил куда-то в сторону соседних домов. Дрожали желтые огни глаз. Три-четыре пары, не меньше. Они приближались.

Грех рванул друга за шиворот.

– Быстрее! За мной!

Они мчались, куда глаза глядят, не разбирая дороги. Не смотря не ранение, Вавил не отставал. Только подпрыгивал, кричал и матерился, припадая на больную ногу. Время от времени останавливались, прикрывая друг друга, стреляли по огням. Тех становилось больше, они обходили со сторон, окружали. Грех пускал в темноту короткие очереди. Каждый пятый патрон – трассирующий. Во вспышках выстрелов он отмечал мелькание силуэтов. Они были все ближе. Долговязые, худые. Их кожа переливалась, как рыба чешуя.

Они покинули деревню, отошли далеко от дороги. Мчались через какое-то поле с перелеском. По колено в воде, спотыкаясь о кочки. Царапая лица и руки о колючие кусты. Преследователи не отставали, они двигались куда проворнее людей, молча, почти бесшумно, выдавая себя только случайным шлепком или всплеском. Уже совсем, совсем рядом.

– Слева! – кричал Грех.

– Справа! – перебивал его Вавил.

– На десять часов!

– Перезаряжаюсь! Прикрой!

Вавил остуился и с головой исчез в мутной холодной жиже. Вынырнул, кашляя и хватая руками воздух.

– Грех! – хрипел он. – Не бросай, брат! Они под водой, под водой!

У Греха похолодело внутри, ноги подкосились от нахлынувшей паники. Под водой!

Он схватил Вавила за шиворот и рывком выдернул из топи. Как можно быстрее бросился через затопленные кусты. Вавил стрелял в темноту.

Грех не понял сразу, что увидел огни. Подумал сначала, что это всего лишь глаза еще одной твари. Но присмотревшись, едва не заорал от нахлынувших чувств. Впереди, на пригорке, свободном от воды, горели окна. Дом. Там кто-то есть. Совсем рядом, метров сто по прямой. Он рванул туда.

Впереди он увидел, как желтые глаза обходят их с двух сторон, берут в кольцо, отрезают путь к дому.

– Нет, – зарычал Грех сквозь зубы, – ни хера!

Он достал из кармана разгрузки гранату, дрожащими от холода руками повозился с чекой и швырнул как можно дальше вперед. Вскопление ярких огоньков. Граната звонко плюхнулась в воду и через секунду взорвалась. Твари впереди бросились в стороны, наверняка перепуганные взрывом. В короткой вспышке света Грех увидел, как они бегут, открывая проход, ныряют в воду, прячутся.

– Скорее! – он подтянул Вавила за шкирку. – Туда!

Через несколько минут они добрались до подножия холма. Заскользили вверх по мокрой траве. Впереди виднелся низкий деревенский дом, к которому вела извилистая тропинка. Туда, только туда.

Грех бросил короткий взгляд назад. Глаза теперь двигались медленно, осторожно. Боялись громких шуток, которыми бросаются люди. Но все равно приближались. И их много.

Первым до дома, как ни странно, добрался Вавил.

Нажал плечом, закрыто. Принялся молотить прикладом.

— Откройте! — вопил он. — Откройте!

Когда дверь со скрипом открылась, они ввалились внутрь. Сразу в большую просторную комнату с печью и столом возле окна. Над потолком висела электрическая лампочка. От яркого света заболели глаза. Сухо, тепло. Сразу навалилась усталость.

— Дверь! — истошно закричал Вавил.

Грех оглянулся в сырую темноту снаружи. На него быстро двигались два желтых глаза. Он вскочил на ноги, толкнул дверь, закрывая. Не успел, в сужающуюся щель успела скользнуть рука. Длинная, толстая, покрытая темной зеленоватой чешуей, пахнувшая водорослями и тухлой рыбой. С костлявыми перепончатыми пальцами, увенчанными кривыми когтями. Сначала появилась только кисть, потом проскользнуло предплечье, локоть. Грех что есть силы давил на дверь, но та не поддавалась.

— Вавил, — захрипел он от натуги, — ну...

Грохнул выстрел, заложило уши. Пуля разворотила дверной косяк в сантиметре от скользкой руки. В стороны полетели щепки, оцарапали Греху щеку. Вавил выстрелил снова, попал. Рука дернулась, заскребла пальцами по стене. Из раны потекла мутная жижа, в нос ударил запах гнили. Следующая пуля изуродовала кисть твари, насквозь прошила ладонь, отстрелила два пальца. Рука влажно щлепнула по стене то ли от боли, то ли от досады и исчезла. Грех с облегчением закрыл дверь, продел крючок в скобу, отошел на шаг, ища глазами еще что-то. Щеколду, защелку, засов, замок, что угодно. Осмотрел комнату в поисках того, чем загородить проход. Комод, шкаф, что угодно.

— Все, — услышал он женский голос, вздрогнув от

неожиданности.

Повернулся. В дверях в другую комнату стояла сгорбленная старушка, маленькая и сухая, как мертвое дерево. Внимательно рассматривала непрошенных гостей. Прятала руки в складках безразмерного черного платья.

— Все, — скрипуче повторила она, — не придут больше, не бойся. Не смеют они ко мне приходить, пока я сама не позову.

Грех сполз по стене. Усталость сразила наповал. Еще раз посмотрел на дверь, сомневаясь в ее надежности. Сама дверь и косяк были испачканы слизью, кровью и чешуей твари. На полу валялись отстреленные пальцы.

— Ты прости, мать, — сказал он, — что мы вот так... просто... тут такое творится... такое творится...

— А я знаю, — спокойно согласилась старуха, — знаю, что творится. С ума вы все посходили. Убиваете друг дружку почем зря. Шмотки пятнистые напялили, оружием обвешались. Скоро отец проснется, покажет вам...

Она говорила что-то еще, скрипела своим колючим голосом. Грех не слушал, отполз к Вавилу, который растянулся у противоположной стены. Спал, склонив голову на плечо. Автомат лежал поперек груди, от мокрой одежды поднимался пар. Грех посмотрел на его раненную ногу. Штанина пропиталась кровью и гноем.

— Они, — бормотал Вавил во сне, — они внутри меня... внутри меня...

Грех прислонился к стене. Слипающимися глазами осмотрел комнату. В углах стояли деревянные пьедесталы, похожие на подсвечники в церквях. В них медленно тлели пучки сухой травы, давали густой сладковатый дым, который собирался под потолком, разносился по дому. От

него слипались веки, хотелось спать.

Грех без сил склонился на бок, свернулся на полу. Возле его лица прыгнула лягушка. Последнее, что он услышал, были мелкие шаркающие шаги. Старуха нависла над ним, внимательно посмотрела сверху вниз.

Проснулся мокрый и дрожащий. Рядом не было ни Вавила, ни старухи. Поводил руками вокруг себя, автомата тоже не было. Тот стоял, прислоненный к стене в противоположном углу. Трава в подсвечниках все еще дымила, от ее запаха тошнило, кружилась голова. Грех не знал, сколько он проспал, наверное, недолго – за окнами все еще было темно. Теперь всегда будет темно, подумал он.

Он с трудом поднялся, держась за стену. Прислушался, из соседней комнаты слышался шепот старухи. Та то ли молилась, то ли пела. То ли все сразу одновременно.

– Вавил, – позвал он, – где ты, брат?..

Грех на ватных ногах побрел к оружию. Только сейчас заметил, что на столе лежит что-то большое, толстое и продолговатое, завернутое в грязную мешковину. На ткани темнели бурые пятна.

Дрожащими руками Грех развернул мешковину и тут же согнулся пополам в приступе рвоты. На столе лежала человеческая нога. Чернеющая, синюшная, распухшая. Сочающаяся гноем и сукровицей. Голая, только с черным солдатским ботинком на стопе. От ампутированной конечности шел мерзостный сладковатый запах разложения. По гниющей коже ползали мокрицы, черные пиявки надувались, напитавшись кровью и трупным ядом. В ране на бедре копошились большие бледные опарыши.

За секунду на мертвой коже вздулся большой волдырь и лопнул, брызнув бледным розоватым гноем. В нем извивались маленькие черные головастики.

– Вавил! – снова позвал Грех.

Никто не ответил. Причитания из соседней комнаты на секунду умолкли, но тут же возобновились.

Грех поднял автомат, проверил магазин. Полрожка – все, что осталось.

Он пошел к двери, из-за которой слышался монотонный голос. Открыв ее, он замер на пороге. Комната была чем-то средним между молельным домом и скотобойней. В центре ее возвышался широкий разделочный стол, на котором лицом кверху лежал голый Вавил. Широко раскинув руки, без одной ноги. Длинный разрез шел по его телу от груди до паха. Ребра разведены в стороны. Нутро чернело кровавой пустотой. Старуха стояла к Греху спиной, в религиозном трансе подняв над головой длинный, чуть изогнутый костяной нож.

К стенам комнаты были прибиты черепа людей и животных. И другие, похожие на лягушачьи, только огромные, бугристые. Внутри черепов тоже горели пучки травы. Дым валил через пустые глазницы, ноздри и трещины в кости.

Но больше всего Греха поразило то, что стояло чуть в стороне, возвышаясь над старухой и мертвым Вавилом. Тварь сидела, подогнув лягушачьи лапы, но все равно едва не касалась низкого потолка плоской макушкой. Зеленоватая чешуя тускло блестела в свете электрической лампочки, большие желтые глаза затянуты полупрозрачной пленкой, прикрыты в экстазе. Бездонная рыба пасть широко открыта. Мелкие кривые зубы, как рыболовные

крючки, сочились тягучей слюной.

Старуха ловко отрезала полоску мяса из грудины Вавила и быстро забросила твари в рот. Та сделала глоток и глухо заурчала от удовольствия. За окнами горели с десяток желтых глаз. Наблюдали за происходящим в доме.

– Ах ты сука, – сказал Грех и поднял автомат.

Старуха повернулась на голос, закрылась рукой. Грех увидел, что между пальцев у нее натянулись перепонки из дряблой тонкой кожи. Он выстрелил. Старуха подалась назад, когда пуля прошила ей горло, захрипела. Завалилась на мертвого Вавила. Тварь очнулась от транса, повернула голову, в упор посмотрела на Греха. Качнулась вперед. Грех выстрелил несколько раз и, не глядя, тут же рванул к выходу.

Темнота снаружи встретила, как старого знакомого. Грех слышал тяжелые шаги из-за угла дома и рванул в другую сторону. Поскользнулся на мокрой траве и кубарем полетел с холма. Обратно в холодную грязную воду.

Рассвет так и не наступил. Грех брел, тяжело переставляя ноги под водой. Автомат держал наготове. Но твари больше его не трогали. Желтые огоньки преследовали, но держались на расстоянии. Эти двигались бесшумно, но были и другие. Они шли, громко расплескивая воду, с треском ломились через затопленные кусты и заросли маленьких сухих деревьев.

Грех шел, глядя только вперед. Старался не смотреть вверх. Там, распятые на деревьях, висели мертвецы. Выпотрошенные, принесенные в жертву тому, кто ворочался и стонал впереди. Иногда Греху на макушку падали холодные капли. Это дождь, успокаивал он себя,

просто дождь. Одна капля спикировала на нос, скатилась по губам. Он машинально слизнул ее. Горькую, соленую.

Впереди раскинулось озеро. Грех видел его гладь между темными стволами деревьев. Там плескалось что-то большое. Нагромождение щупалец, лап и плавников. Отец, о котором говорила старуха в доме. Деревья стонали от его дыхания. Его глаза, как прожекторы прорезали темноту. В их свете деревья отбрасывали длинные тени. Существо вцепилось конечностями в могучие стволы прибрежных сосен, вытаскивало себя из воды.

Грех споткнулся и с головой ушел под воду. Кто-то схватил его за ноги. Потянул вниз.

Илья Пивоваров СЕЗОН ПЛОДОРОДИЯ

Бессмысленным было всё. Отблески аварийных огней на траве и покосившихся заборах. Запахи сырости и земли. Гипнотическая пляска дворников. Бабка, выполняющая странный ритуал.

Каждый раз, когда плёнка воды на стекле истончалась, Фомин видел старуху. Не обращая внимания на дождь, та молилась. Стояла на коленях, между сараем и теплицей, обратившись к лесу. Бледная рука кочевала со лба на живот, задерживалась там на секунду-две и возвращалась обратно. Деревья застыли молчаливыми истуканами, молитв они не слышали.

Зачем он торчит на обочине, между Питером и зелёным нигде? Можно вернуться в квартиру, где мебель посерела от пыли, а раковина забита грязной посудой. Или бросить машину и затеряться в лесу. Фомин вздохнул и посмотрел на экран смартфона.

До недавнего времени он жил обычной жизнью. Возвращался с работы и напивался до беспамятства. Но позавчера позвонил телефон. Фомин взглянул на экран и вздрогнул. Мама Светы.

— Да? — Сколько они не общались, год? Фомин направился плеснуть себе коньяка, но замер на полпути.

— Андрюш, здравствуй. Светочка пропала.

— В смысле? — Сердце болезненно замерло, затем пустилось вскачь. — Как понять, пропала?

Динамик, казалось, молчал целую вечность. Затем Ирина Павловна заговорила опять — медленно, с большими

паузами между фразами, будто произносить слова для неё было непосильным трудом.

– В нехорошую компанию попала... после того, как разбежались вы. В секту какую-то. Сначала радовалась, говорила, что в жизни всё наладилось... Пропадать начала, всё реже и реже звонила, – Всхлип и снова пауза, долгая, изматывающая. – Потом сказала, что переезжает. Еле адрес выпросила... – слова потонули в рыданиях.

Они говорили ещё час, в течение которого Фомин выяснял, куда делась Света. Названия секты Ирина Павловна не запомнила: «что-то про Деву Марию». Фомин погуглил, поисковик выдал некие «Белое братство» и «Богородичный центр». Названия организаций ни о чём не говорили, слово «сектанты» вызывало в памяти улыбчивых людей, которые подходили на улице и предлагали поговорить о боге. Фомин не представлял, как уговорит Свету вернуться домой. Лучше бы обратиться в полицию, однако пока они рассмотрят дело, пока проверят информацию... К тому же, в Свинцово, городке, куда, по словам Ирины Павловны, уехала Света, не было зарегистрировано ни одной религиозной общины. Оставалось действовать наобум.

Пока он решал, ехать дальше или вернуться, старуха закончила молиться и теперь смотрела на него. Фомин чертыхнулся и тронулся с места. Посёлок скрылся из виду, и по бокам от дороги остались только деревья. Непривычно высокие, они стояли молчаливыми стражами и тянули к нему покрытые корой щупальца.

Прекрати, сказал себе Фомин, ты просто сто лет в лесу не был. Дурацкая привычка мозга – наделять неживое душой, видеть лица в облаках, воображать то, чего быть

не может. Однако ощущение ирреальности осталось и покидать голову не желало.

Уже вечерело, когда лес расступился, и впереди замелькали хаотично разбросанные домишки. Фомин сверился с навигатором – так и есть, Свинцово. Обычная провинция: два десятка «хрущёвок», остальные домики деревянные. Ни клуба, ни вездесущих сетевых магазинов, ни даже, с досадой отметил про себя Фомин, заправки. Такое ощущение, что сюда приезжали, чтобы не возвращаться.

Он свернул на неровную улочку. Фары выхватили сгорбленную фигуру. Фомин выматерился и затормозил. Собака засеменила обратно в кусты. Показалось или у псины не было шерсти, лишь голая кожа, блеснувшая в неровном свете? Фомин вытер вспотевшие руки о джинсы и двинулся дальше, уже медленнее.

Нужно найти продуктовую лавку и встать неподалёку. Где бы ни жила Света, рано или поздно она появится там. Хорошо, если в Свинцово немного магазинов или вовсе один. Машина проехала мимо подъезда, рядом с которым на ветхой скамеечке сидела пожилая пара.

– Здравствуйте, – сказал Фомин, опустив стекло. – Не подскажете, где ближайший магазин?

– Подскажем. – Пожилой мужчина поднялся с места. Ноздри на рыхлом лице раздувались, взгляд был беспокойным. – А зачем вам, если не секрет?

– В смысле? – Фомин попытался улыбнуться в ответ. Раскусили, пронеслось в голове. – Купить еды, зачем же ещё?

– Нет, вы не поняли. Что вы здесь делаете? – Непривычно высокий голос старика резал слух. Чёрт, надо уезжать.

– Серёж, остынь, – сказала старушка, стройная и загорелая, с седыми волосами, красиво обрамляющими лицо. – Езжайте вон до того дома, обогнёте его, и найдёте. – Она улыбнулась.

– Понял. – Фомин надавил на газ, не желая продолжать диалог. Что ж, придётся сидеть тихо и не высовываться, и в случае чего рвать когти. Он проехал мимо группы женщин, что-то обсуждавших между собой.словно по команде, те обернулись и посмотрели ему вслед. Светы среди них не было. Чёрт, чёрт, чёрт.

Магазин обходился без вывески. Он притулился на краю площади, которая была абсолютно пустой, если не считать пары-тройки кустов. Фомин выключил мотор и вышел, чтобы размяться. Ноги тут же утонули в зелёном ковре. В воздухе разливались запахи леса и влаги. Солнце ушло, оставив после себя тускнеющий след. Подул тёплый ветерок.

Только сейчас Фомин осознал, что находится у чёрта на куличках, в поисках девушки, с которой расстался больше года назад. Безумие, да и только. Есть такие люди, от которых срывает крышу, даже годы спустя. Вроде и расстались, и стираешь всю переписку, и уже не вздрагиваешь при виде новых фотографий, но один звонок – и кровь кипит, как ни в чём не бывало.

В магазин зашли двое мужчин. Проходя мимо, они оглядели Фомина с ног до головы. Тот дождался, пока они скроются внутри, а затем отошёл поодаль, к огромному раскидистому кусту. Может, здесь на него не обратят внимания. Ждать придётся долго. Фомин присел на

корточки и закурил.

Небо наливалось синевой, на безоблачном полотне высыпали первые звёзды. Чернильная пустота, раскинувшаяся над головой, пробудила внутри знакомый ужас. Миллиарды километров до ближайших звёзд; мёртвые планеты, вращающиеся по кругу; царство бездушной материи. И всё же здесь возникла жизнь, которая слепо размножалась, подчиняла себе среду обитания... ради чего? Чтобы навеки сгинуть в холодном мраке. Это была религия Фомина, которую он не хотел исповедовать.

Он познакомился со Светой в одном из клубов, где топил ощущение пустоты в алкоголе. Фомин не помнил, когда обнаружилось, что и она не верит ни в Христа, ни в жизнь вечную. Зато отлично помнил горячий язычок, ласкающий его член и мошонку, помнил половые губы, которые впускали его в свой, отнюдь не мифический, рай. Первые недели после знакомства они не вылезали из постели. Незаметно для себя Фомин перестал думать о бескрайнем космосе вокруг, о неизбежной смерти. Окунулся в жизнь, которая ещё недавно казалась бессмысленной. И вот они со Светой смотрят, как разводят мосты, колесят по ночному Питеру, тайком забираются на крышу. Вот он говорит: переезжай ко мне. Вместо ответа она выскакивает из джинсов и смотрит на него, прикусив палец, словно шкодливая школьница.

Если задуматься, это были лучшие годы его жизни. Потом отношения, как и всё остальное в мире, испортились. Кадр: Света с тестом на беременность, который показывает одну полоску. Взгляд отрешённый, каштановые волосы растрепались. Походы по врачам, анализы, приговор: патология матки. «Я бракованная, с дефектом, брось меня».

Как ни пытался он доказать обратное, слова не достигали цели. Наконец, вернувшись с работы, Фомин застал её в коридоре с сумками. «Тебе нужна другая, здоровая женщина». Удаляющийся стук каблучков по лестнице, звук отъезжающей машины. Тишина, пустота...

«Если бы остановил её тогда, сейчас не стоял бы здесь», мелькнула мысль. Глупая привычка укорять себя.

Что он будет делать, когда найдёт Свету? Поговорит или увезёт силой? Разницы никакой, пока он даже не отыскал её. На миг Фомин ощутил всю абсурдность ситуации. На что он надеется? Что заберёт девушку, и всё будет как раньше? Глупо, глупо! Нужно вернуться, сказать Ирине Павловне, что Свету он не нашёл, а потом звонить в полицию. Пусть этим делом занимаются компетентные люди. Нет, возразил совестливый голос, давай подождём ещё. Переночуем за городом, подежурим до завтрашнего полудня, а потом... Собственные мысли так и рвали бы Фомина на части, если б он не заметил, что к машине кто-то подошёл. Женщина. Джинсы, куртка, копна кудрявых волос. Он узнал её по фигуре, по манере сутулиться, по тысяче знакомых мелочей.

– Света!

– Я знала, что ты придёшь, – сказала она, держа его за руку. Они шли по ночным улочкам, неподалёку брехали собаки, а прохладный воздух пах свежестью. Там, у автомобиля, Фомин хотел поговорить со Светой, но рот запечатали поцелуем. Голова до сих пор кружилась, будто он сошёл на берег после плавания. Наверное, надо было

напомнить о маме, но Фомин озвучил то, о чём хотел сказать последний год:

– Я соскучился.

– И я. – Тонкие пальцы оторвались от его ладони, потрепали по спине, спустились ниже. Что это, попытка на него повлиять? Любовный хмель выветрился из головы, будто и не было. Фомин удержал улыбку на лице, но внутри растёкся холод. – Как твои дела?

– Да обычно. Работа–дом, день сурка. Без тебя всё не то. – Он огляделся, не следит ли кто. Тьма накрыла Свинцово, улицу освещали редкие оранжевые фонари. – Твоя мама сказала, что ты в секту попала.

– Сразу к делу, я смотрю. – Света склонила голову на его плечо, прижалась. – Мама паникует почём зря. Да, я и после тебя ещё по врачам походила, ничего хорошего они не сказали. Не вылечить. Ну, я и пошла в группу поддержки. Там с людьми познакомилась, и вот... – Она обвела рукой вокруг себя. – Сразу скажу, что денег с меня не требуют, жильё никто переписывать на себя не собирается. Да и не держит никто.

– Маме тогда позвони, а то она меня за яйца подвесит. – Света рассмеялась, зажав рот ладошкой, и сердце Фомина растаяло.

– Хорошо. – Она остановилась и ударила его кулачком в грудь. – Но сначала нам с тобой, мистер, надо выпить.

– Прямо сейчас?

– А когда ещё? – Она положила его руку себе на талию и направилась к подъезду кирпичной пятиэтажки. – Отметим встречу.

– Кстати, как ты меня нашла?

– Городок маленький, магазин видно из окна, а на такой

машине, как у тебя, здесь никто не ездит, — был ответ. — Хорошо, что заметила. Ночи здесь холодные.

Они поднялись по лестнице, Света открыла дверь, щёлкнула выключателем, и вот он стоит в симпатичной прихожей со светлыми обоями и скромной деревянной мебелью. В её новом доме. Пока девушка заперлась в туалете, Фомин прошёл в комнату, осмотрел углы, книжные полки. Ни икон, ни статуэток, ни сектантской литературы, одна фантастика: Кинг, Блох, Лавкрафт.

— Уютно, — сказал он, когда Света зашла в комнату, и не покривил душой.

— А ты ожидал увидеть алтарь со свечами и голову козла на стене? Не дождёшься. Хочешь чаю? — И они отправились на кухню.

— Так что же это за компания, с которой ты познакомилась? — спросил он и отпил из чашки. У чая был незнакомый, но приятный вкус. — Они... все здесь живут?

— Скажем так. — Света подпёрла кулачком подбородок, и в этот момент её лицо показалось особенно прекрасным. Интересно, у неё появился кто-то? Вряд ли, иначе она бы не привела Фомина к себе. — Это что-то типа клуба по интересам. Да, в основном все обитают здесь. Так мы ближе... к природе.

— Странно, — Фомин говорил на автомате, представляя, как проводит по Светиным губам, как жемчужные зубки прикусывают его палец; он буквально ощущал горячее дыхание на своей коже. Стало жарко, и он расстегнул пуговицу на воротнике, — обычно чем больше людей под боком, тем больше удаётся завербовать.

— Дану. — Она махнула рукой. — Не у всех такие проблемы, как у меня. — Показалось, или вместо «проблемы» она

сказала «особенности организма»? Фомин погнался за этой мыслью, словно собака за собственным хвостом, и прослушал часть сказанного, — ...даёт шанс родить. Понимаешь?

— Пожалуй, что нет. — Он попытался встать, но стены кухни закружились перед глазами. — Слушай, я что-то...

— Устал? — Когда она оказалась рядом? Снова эти пальцы, которые пробирались под воротник, гладили шею, зарывались в волосы. Фомин представил, что они проникают под кожу, мимо нервов и мышц, всё глубже, пока Света не забирается в его тело, как в перчатку, и от этой мысли почему-то стало тепло и уютно. — Ты, наверное, долго добирался, вымотался весь. Пойдём, я тебя уложу.

Он не сопротивлялся. У кровати она освободила его от одежды, позволила рубашке и джинсам упасть на пол. «Какой милый животик ты отрастил». Он не обижался, чувствуя себя естественно — вот он, обнажённый мужчина, а она — женщина, и всё, что произойдёт между ними, это диалог двух тел. Ощущения проходили через его позвоночник, к копчику, и в какой-то момент показалось, что они разорвут его. Фомин был готов, он повалил Свету на кровать и хотел войти в неё одним движением, но пальцы обхватили его член и направили ниже. Сопротивление плоти, тугое кольцо, обхватившее головку. Она раскрылась ему навстречу, выгнула спину, вцепилась в загривок. Разгорячённые тела пахли мускусом. В какой-то момент Света уселась сверху и задвигалась, ускоряя темп, пока у Фомина не возникло ощущение, что его насилуют. Почему-то она не снимала рубашку; он хотел забраться под ткань, встретить упругие груди, острия сосков, но Света мягко вернула его руки себе на бёдра. Должно быть, Фомин

очень хотел спать, потому что мозг порождал микросны в такт шлепкам её ягодич. Кадр: старушка молится перед деревьями, их ветви похожи на щупальца (со мной). Кадр: город, окружённый зелёной стеной, и эта стена живая, она подступает со всех сторон (что-то). Кадр: огромные стволы, каждый шириной с квартал, уходят в небо, их кроны не видно. И сквозь этот чудовищный лес прорастает что-то невообразимо огромное (не так). И так далее, и так далее. Апокалиптические видения сменяли друг друга всё чаще, пока не слились в единую киноленту бреда. И когда Фомин понял, что уже не выдерживает этот бесконечный поток образов и ощущений, его член вытолкнул семя, а вместе с семенем ушли и образы. Осталась лишь тьма, начало и конец сущего, и Фомин висел, распятый в пустоте, ему было и уютно, и зябко. Он не помнил, сколько времени провёл так, в забытии, но когда очнулся, обнаружил, что Света никуда не делась. Сыто ворча, она водила бёдрами по его животу, взад-вперёд, а ниже треугольника каштановых волос не было половых губ, там розовел рубец. Фомин хотел закричать, но мог лишь только глотать воздух. А потом сознание отправилось в спасительное забвение, где уже не было ни тьмы, ни Светы.

Из небытия проступили контуры незнакомой мебели, серый прямоугольник окна, книжные полки. С минуты или две Фомин созерцал чужую комнату, не понимая, где находится и как сюда попал. Память подкинула картинку-гифки: женская фигурка у автомобиля, ночная прогулка, чай на кухне, и... Что это было? Мысли со скрипом ворочались

в черепной коробке. Неужели он видел кошмары наяву?

Ответ был очевиден, но в него не хотелось верить. Фомин встал, откопал в одежде у кровати футболку и трусы, надел их и проковылял в туалет. Сидя на унитазе, он попытался набрать номер Ирины Павловны. «Всё хорошо, я нашёл Свету, мы уже потрахались, и это было *нереально*». Из динамика донеслось монотонное гудение, как если бы хор тянул одну ноту. Голова отяжелела, прилипла к чёрной коробочке. Фомин сидел, зачарованный, до тех пор, пока не понял, что трубка уже молчит, а пластик нагрелся от уха. Он встал и тотчас же повалился на холодный кафель, а в ноги и мошонку впились тысячи иголок. Задница болела, будто он провёл на унитазе... час, два? Экран смартфона не горел, лишь коротко вспыхивал индикатор, извещающая о том, что батарея разрядилась. Сердце тыкалось в рёбра.

Шаркая, словно старик, он вышел из туалета. Дом встретил тишиной: ни бормотания телевизора, ни голосов за стеной. Такое ощущение, что здесь никто не жил. Или все ушли, например, на богослужение. Фомин доковылял до двери в подъезд, на всякий случай глянул в глазок, потом щёлкнул замком и нажал на ручку. С грохотом, от которого душа ушла в пятки, дверь открылась. Снаружи никто не ждал. Площадка с лестницей были пусты.

Ещё можно уйти. Но он же обещал, что заберёт Свету. Фомин чертыхнулся и закрыл дверь. Он вернулся в комнату, нашёл зарядное устройство, воткнул провод в разъём смартфона. Пока тот заряжается, можно перекусить и решить, как быть дальше.

Кухня уж не казалась такой уютной. Нутро холодильника явило овощи в пакетах, банку с молоком, суп в кастрюльке. Ни тебе «Домика в деревне», ни «Мираторга», вообще

ни одного логотипа. Пока варево булькало и фыркало на плите, Фомин проинспектировал шкафчики. На обратной стороне одной из дверей обнаружился знак, похожий на пару вил, сросшихся основаниями. Символ вызывал ряд неприятных образов. Дальше продолжать поиски не захотелось; может, рисунок охранял от нежеланных гостей? Быстро же ты стал мистиком, сказал себе Фомин и выгреб содержимое шкафчика на свет.

Обычные баночки, по пол-литра каждая. Ни одной этикетки. Внутри – молодые листья папоротника, похожие на зелёных улиток; маслянистые ветви, переплетённые между собой; прозрачные корешки с розовыми прожилками. Всё что угодно, только не чай. В груди зашевелилась гадина, обвила сердце. Фомин выключил газ, а потом с размаху влупил по стене. Поверил, попался!

Какни странно, боль в разбитом кулаке помогла мыслить трезвее. Надо убираться, дело воняет керосином. Фомин наскоро перекусил, забрал телефон и надел ботинки. Он уже взялся за дверную ручку, как вдруг услышал шаги и голоса в подъезде. Направляются сюда, к гадалке не ходи. Если попытаться выскользнуть, звук открываемой двери выдаст с головой. Фомин скинул обувь и вернулся на кухню.

Когда гости зашли в квартиру, Света застала его на кухне, склонившимся над плитой.

– Привет. Проголодался? – Она чмокнула его в губы. – Прости, я думала, что быстро управлюсь, хотела продуктов на обед купить, но друзей встретила. Знакомься, Серёжа и Лида.

Они как раз показались в коридоре. Красивая седая женщина и сварливый старикан.

– А мы уже знакомы. – Воскликнула Лида. – Молодой человек спрашивал у нас, где магазин.

– Отлично. – Света не выглядела удивлённой. – Андрюш, сейчас я буду готовить, а вы пока посидите в комнате. – Она извлекла из холщовой сумки две бутылки без этикеток.

– Конечно, солнышко, – ответил Фомин, зная наперёд, что не притронется к её стряпне. Он наклонился к одной из бутылок. Внутри плескалась тёмно-красная жидкость. – Это вино?

– Да. Наше, самодельное. – Лида улыбнулась и достала бокалы с ближайшей полки. – В этом году Матерь порадовала нас виноградом.

– Но ведь сейчас май. – И виноград в этих краях не растёт, добавил про себя Фомин.

– Самое время. – Лида увлекла его и Сергея в комнату. – Сезон плодородия. Не обратили внимания, пока сюда ехали? У нас и персики подоспели, и яблоки, и...

– Когда я приехал, было уже темно.

– О. – Она откупила бутылку и разлила вино по бокалам. – Что ж, тогда советую вам остаться. Здешние...

– Нет, спасибо, не пью. – Фомин отстранил протянутый бокал. – И знаете, я ненадолго. Приехал, чтобы забрать Свету.

– Зачем? – спросил Сергей. До чего же у него всё-таки противный голос. Как у бабы.

– Её мама волнуется, что дочь пропала и не отвечает на звонки. – Фомин принялся мерить комнату шагами. Старики сели на диван и наблюдали за ним.

– Пусть тогда мама приезжает, – наконец нарушила молчание Лида. – Свете здесь хорошо.

– Слушайте, не я это придумал, – отмахнулся Фомин, – моё дело маленькое: верну человека домой, и пусть сами разбираются...

– Но сами-то вы не считаете, что она в порядке. Иначе не потащились бы в такую даль, – Мысленно Фомин закатил глаза. Раскрывать им карты или нет? Можно было бы промолчать, но в памяти всплыла находка на кухне. Он вздохнул:

– Да, я так не считаю. Мне не нравится, кем она стала. Прежняя Света не уехала бы из Питера в чёртову глушь, чтобы поклоняться хрен-знает-кому.

– Понимаете, Андрей, – Лида встала и подошла к окну, – женский род, как и природа, изменчив. Это мужчины остаются детьми до самой старости. – Сергей послушно закивал. – Вот, например, вы. Она же рассказывала о вас. Приехали, потому что надеетесь вернуть... что? Человека, женщину, личность? Куда там! Вы за сексом приехали, лучшим, что у вас был – иначе и пальцем не пошевелили бы.

Фомин поджал губы. Озвученная правда разрывала его, словно пуля со смещённым центром тяжести. А Лида продолжала:

– А знаете, чего хотелось бы ей? Стать матерью! И сейчас у неё появилась возможность родить...

– Да как такое возможно? – чуть не закричал Фомин. – У неё же патология матки. Знаете, сколько мы пытались...

– Поверьте, возможно, – Лида улыбалась ему, голос её звенел. – Всё-таки современной медицине не всё известно. Он чуть не расхохотался ей в лицо.

– Знаете, сколько раз я слышал эти слова от разных людей? Нет, дайте, я закончу. Народные целители говорят,

что врачи не знают, как лечить. Верующие утверждают, что учёные ошибаются. Мол, наука несовершенна. Только знаете, что? Здания вокруг нас, электричество, смартфоны – всё это появилось благодаря науке. Потому что она работает. А что религия? Сжигала учёных на костре! И верующих совсем не волнует, что в мире множество конфессий, и каждая считает, что её бог – настоящий. Не волнует, что многие боги перестали существовать вместе с древними греками, египтянами, этрусками. Не волнует, что космос исследован, и в нём, – он развёл руками над головой, – в этой бескрайней пустоте мы одни. Стечение обстоятельств, и вот, – Фомин щёлкнул пальцами, – мы здесь.

Цепь мыслей, которую он выковывал последние годы, вдруг оборвалась. Фомин ожидал, что с ним будут спорить, кричать на него, но прочитал во взглядах стариков лишь сочувствие. От двери в коридор донеслось покашливание. Света прислонилась к косяку, скрестив руки на груди:

– Я же говорила, что он не поверит.

– Как же вы несчастны. – Лида выдернула провод из его смартфона. – А вот во что верим мы. Теперь вы не перебивайте.

– Хорошо. – Фомин поднял руки в примирительном жесте.

– Так вот. – Лида помахала телефоном у него перед носом. Как бы она его не разбила или не унесла с собой. – Представим, что это устройство живое. А что? Корпус это тело, микросхемы заменяют мозг, а душой служит операционка. Если б телефоны обладали сознанием, они бы вряд ли бы знали о нас – органы восприятия не те. Может, они осознавали бы, что ими управляют, но в

любом случае не могли бы изменить ситуацию. Потому что мы, люди, создали их. Понимаете аналогию? Так же и мы, у нас мало инструментов, чтобы познавать реальность. Вот, например, мы знаем точно, что из воздуха не может появиться ещё один смартфон. Но откуда-то же возникли и наша вселенная, и душа. Значит, их сотворили.

– Хорошая теория, но... – Фомин замялся, – даже если бог и существует, никто не знает, как он выглядит.

– Есть люди, – Лида подошла к полке и сняла оттуда книгу, – у которых чувство реальности... обострено. Одним из самых известных пророков был...

Но Фомин уже не слушал. Он знал наперёд, что ему расскажут. И был пророк, имярек, и возвестил он о пришествии бога – простите, в данном случае, богини. Впрочем, неудивительно, что местные жители поклоняются сборнику фантастических историй – случай-то не единственный.

– Вы не верите. – Стариковский фальцет вонзился в уши.

– Да, не верю. – Фомин с вызовом уставился на Сергея. – Вы сами-то понимаете, насколько бредово это...

– Подождите, Андрюша. – Лида встала между ними. Тон её голоса был мягким, но взгляд – стальным. – Понимаю ваш скептицизм, но дело в том, что Матери безразлично, верите ли вы в неё или нет. У неё на всё есть свои планы, и на вас тоже. Вы сами убедитесь. – Не собираются ли эти фанатики принести его в жертву? Фомин посмотрел на Свету – та пожала плечами и удалилась на кухню. Сергей скрестил руки и хмуро уставился в окно. Лида же открыла книгу, пролистала до нужной страницы и протянула Фомину.

— Вот, — сказала она. — Это всё доказывает. Читайте, только вслух.

Он вперился в текст, ничего не понимая. Буквы были русские, но вот слова... Какая-то тарабарщина, заумь. Расставленные ударения задачу не облегчали. Сборище идиотов, подумал Фомин, а я, как главный идиот, иду на поводу. Что ж...

Он вздохнул и начал читать.

Сознание возвращалось отрывками, складывало пазл из ощущений. Звуки капающей воды. Запахи мокрой ткани и стирального порошка. Всепроникающий холод. Фомин открыл глаза.

Он лежал в ванне, зеленоватая вода едва доставала до подбородка. Если бы сполз вниз, то умер, не приходя в сознание. Фомин резко сел, подняв тучу брызг. Дрожь дёргала конечности, выбивала стакато на зубах. Он воззрился на свои трясущиеся руки. Кожа на пальцах побелела и сморщилась. Как он здесь оказался и сколько лежит?

Последнее, что он помнил — проклятая книжка, которую ему всучила Лида. Слова порождали ряд нездоровых видений, сплели кишки в комок. Он попытался замолчать, но не смог. Не смог отвернуться от книги и даже зажмурить глаза. Вспомнилось Лидино сравнение человека с телефоном. Проклятый текст блокировал волю, смял защиту мозга, словно вирус. Последний кадр: Фомин лежит на полу, а Лида со Светой что-то буднично обсуждают.

В каждую клеточку тела словно залили свинец. Опереться на стиральную машину и перевесить ноги через бортик было подвигом. Фомин хотел встать на коврик, но тот уплыл в коридор. В низу живота неприятно тянуло. Размокшие пальцы на ступнях принадлежали огромной лягушке, но никак не человеку. Сил хватило только на то, чтобы доковылять до унитаза и плюхнуться на крышку.

Фомин отметил изменение, ещё когда выбирался из ванной, но никак не мог его признать. Ниже курчавых волос в низу живота больше ничего не было. Фомин раздвинул ноги, наклонился вперёд, чтобы лучше видеть, провёл пальцами по розовому шраму. Ни члена, ни мошонки, лишь рубец, который выглядел так, будто края плоти слепили вместе. Он мог поклясться, что видит отпечатки пальцев в местах, где кожа стянулась. Боли не было.

Неизвестно, сколько Фомин сидел, обхватив себя руками и раскачиваясь взад-вперёд. В голове воцарилась пустота с обрывками мыслей. Взгляд тыкался в знакомый рисунок, намалёванный маркером на плитке. Не вилы, нет. Дерево, раскинувшее ветви, вцепившееся корнями в землю. Вспомнились: зелёная стена вокруг города; бабка, преклонившая колени перед исполинским стволами. Какая-то тайна, связанная с этими лесами. Прекрати, сказал себе Фомин, нет никаких тайн, тебя одурманили. Но та часть, что отвечала за рациональное, потерялась вместе с гениталиями, и осталось лишь изувеченное существо, дрожащее на унитазе.

Хотелось скрючиться в тесной утробе из четырёх стен. Но окоченевшему организму требовалась хотя бы одежда, и Фомин вышел, шатаясь, в коридор. Квартира пустовала, ни Светы, ни Лиды с Сергеем. Троица явилась и пропала,

словно скальпель хирурга, безвозвратно искалечивший его жизнь.

Смятый ком одежды валялся в углу комнаты. Фомин схватил его и принялся судорожно одеваться. Прежде чем натянуть джинсы, ещё раз провёл пальцами по шраму. Тот никуда не делся. По бедру, марая синюю ткань, побежала струйка мочи. Очертания комнаты начали расплываться, из груди вырвались рыдания.

Зачем, зачем с ним сделали это? Направляясь в Свинцово, Фомин представлял себе разные сценарии: его силой выпроваживают из города, пытаются или даже казнят. В каждой из ситуаций он представлял себя героем, и вместе с тем, каждая была нереальной. Но почему его кастрировали и бросили, словно поломанную куклу? Зачем оставили в живых? Теперь измученное сознание разыгрывало единственную карту: включить газ, усесться на полу с коробком спичек и ждать.

Ноги понесли на кухню. Фомин открыл дверь и тут же сощурился от ярких вспышек, исходивших от смартфона на столе. Стробоскопические вспышки выхватывали из темноты холодильник, плиту, знакомый символ на оконном стекле. С сушилки свалилась тарелка, с грохотом разлетелась по полу. Вслед за ней приземлилась тень, ошетилившаяся конечностями. Фомин услышал, как застучали, заскребли по линолеуму коготки, и тотчас захлопнул дверь. В следующий миг с той стороны раздался удар, ручка дрогнула в пальцах.

Сматываемся! Накинуть куртку, надеть ботинки, выйти в подъезд. С каждым шагом в междупазах возникала вязкая, тянущая боль. Фомин боялся обращать на неё внимание, но то и дело прислушивался: каково ходить, не усилилась

ои боль? Квартиры на площадке встретили открытыми дверьми, словно жильцы покинули свои пристанища и не собирались возвращаться. За окном чернела ночь, в ней вспыхивали и гасли оранжевые вспышки. Ветер приносил голоса, но что они скандировали, разобрать было нельзя.

Кто-то невидимый носился по одной из нижних квартир, натыкался на стены, мебель, и бежал дальше. Большая собака? А может, такой же калека, потерянный и безумный? Стараясь не дышать, Фомин преодолел ещё пролёт. Сердце испытывало рёбра на прочность. Незримый бегун рыскал здесь; в светящемся проёме промелькнули неестественно изогнутые конечности, безволосая голова, похожая на восковую болванку, страдальчески искривлённый рот. Дикий взгляд метнулся к нему, и Фомин не выдержал, помчался вниз по ступенькам.

У подъезда скрючилось тело. «Мертвец», подумал Фомин, но труп застонал, перевернулся на спину. Грудь, покрытая пушком седых волос, вздымалась и опадала, под дряблым животом что-то перекачивалось. Ноги, испещрённые старческими пятнами, были широко раздвинуты. Запрокинув к небу искажённое мукой лицо, Сергей хрипло и часто дышал. При виде Фомина он заулыбался, ощерив пеньки зубов.

– Матерь-то наша, – закричал он, – благодатию меня одарила. Ребёночком осчастливила!

– Где Света? – спросил Фомин. Взгляд скользнул к старческому паху – там, прикрытый седоватым пушком, белел шрам. В животе похолодело. Старик не ответил. Новый приступ боли исказил его лицо, ногти заскребли по асфальту. Фомин поспешил дальше.

Ночь наполнилась звуками. За ближайшим забором

кто-то пыхтел, с проводов срывались крылатые тени. Бледный силуэт выскочил на дорогу, побежал навстречу, отчего Фомин подскочил, но некто крупный, многолапый выбрался из кустов, подхватил несчастное существо и повалил на обочину. Лес вдаль жил своей жизнью: там бродили лешие и ржали кикиморы. Фомин шёл сквозь эту кутерьму, готовый в любую секунду сцепиться в схватке, но его не трогали. Тварь гаркнула над ухом, мазнула крыльями по волосам и взмыла ввысь, довольная. Загривок точно ледяной водой окатили. Где эта чёртова площадь?

Впереди мерцало, ароматы мускуса и зелени перебил едкий запах дыма. Понемногу из темноты вырисовалось жёлтое марево над дорогой. Хор голосов, доносившийся спереди, противостоял хаосу криков. Фомин ускорил шаг.

Он вышел на площадь и замер. Кажется, здесь собрались все жители городка. Стояли на коленях между огромных костров, воздев руки к громаде леса. Трещали ветки, жёлтый дым струился меж обнажённых фигур. По спинам и ягодицам скакали неровные блики.

— Из, шабнигуэ, — выкрикнул голос из темноты; Фомин узнал Лиду.

— Из, из, — отвечал народ. Некоторые люди пели одну бесконечную ноту, создавали заунывный аккомпанемент. Беспорядочные звуки со всех концов городка вплетались в этот хор, но те, кто их издавал, не показывались на глаза, и слава богу — увидь Фомин одного из них, сердце не выдержало бы.

Машина стояла там, где её оставили, никому не нужная. Направиться к ней было бы ошибкой. Воображение нарисовало кадры: люди бросаются под колёса, выбивают стёкла, вытаскивают его из салона. Нет уж, лучше

переждать. Фомин собрался было отыскать спокойный уголок, но его схватили за руку и скрутили.

— Попаля, — произнёс над ухом знакомый голос. Ирина Павловна? Фомин оглянулся, но увидел лишь складки плоти на объёмном животе. — Он здесь! Сеятель здесь!

Люди замолчали, стали оборачиваться, расступаться. Фомина толкнули вперёд, повели сквозь живой коридор. Ноги утопали в траве, из-под ботинок во все стороны шныряли мелкие создания. Дым впивался в глаза, мешал ясно видеть. В какой-то миг Фомин поднял голову и оглянулся. Площадь с кострами и людьми никуда не делась, но вокруг больше не было тьмы. Справа уходил в небо исполинский ствол, шириной, наверное, с добрый квартал. Крона этого чудовища терялась в небесах; упав вниз ветка, она раздавила бы толпу. Вокруг, насколько хватало взгляда, простирались такие же деревья-великаны, их ряды уходили за горизонт. Невозможно, но их гладкие, без намёка на кору, стволы омывало солнце. Неземной свет не грел, от него хотелось зарыться в землю.

— Слава Сеятелю, — выкрикнула Лида. Она стояла неподалёку, обнажённая, как и все вокруг. Только сейчас Фомин обратил внимание, что её груди были перечёркнуты рубцами. Он оглянулся и понял, что шрамы красовались на каждом теле. Мужчин лишили гениталий, женщин — сосков. Вспомнилась Света, постель, раскрытые бёдра, а между ними — неровная линия спаянной плоти. Внутренности свернулись в тугой узел. И вот с этой... с этим... я спал?

— Слава Сеятелю, — откликнулись люди. Несмотря на свои увечья, они улыбались. Многие придерживали руками животы. — Сеятелю нашему слава!

Ирина Павловна толкнула его в спину, и Фомин

растянулся на скользкой траве. Кожу покалывало. Тем временем Лида продолжала:

– Слава нам, отказавшимся от естества своего, – И снова толпа откликнулась. Лёжа на земле, Фомин обхватил голову. Информации было слишком много. Пусть в этой толпе безумцев найдётся тот, кто, подобно злодею из фильма, расскажет о замысле, о сути ритуала? Но Фомину не подарили и этой милости. На него попросту не обращали внимания.

– Слава Матери нашей, – воскликнула Лида, и гомон вокруг утих.

– О, Мать наша, – продолжала жрица, обратившись к башням стволов, – благодарим тебя за дары твои. За плоды в садах наших, за тварей в лесах наших, за детей, которых ты подарила нам. Прими же дар от Сеятеля нашего, – с этими словами Лида подняла что-то с земли и бросила – Фомин разглядел бледный комок – в ближайший костёр. – И да принесёшь нам плоды свои... – окончание фразы потонуло в рёве.

Звук раскатился по лесу, оглушил. Люди приветственно закричали. Как они могут радоваться этому существу, оно же раздавит тут всех! Словно отвечая на мысли Фомина, из невообразимой дали послышались шаги, всё ближе и ближе. Казалось, задвигались стволы, но нет, это были чьи-то ноги. Фомин разглядел облакоподобную массу над ними, живой дождь, льющийся из её недр. Он вскочил и понёсся прочь, спотыкаясь о лежавших и сталкиваясь с теми, кто ещё стоял. Люди валились на спины, агония выкручивала им конечности. Животы вспучивались, ходили ходуном, под кожей что-то вспухало и просилось наружу. Фомин мчался через море стонущей, меняющейся плоти, а шаги

сзади приближались с чудовищной скоростью. Этого не может быть, не может быть, вопил голос в голове, но телу было всё равно, оно спасалось бегством.

Сзади, заглушая остальных, раздался женский вопль. Кричала Света, надсадно, жутко. Фомин не задержался ни на мгновение. Он миновал последние костры и нырнул в спасительную тьму, отмечая, что стоны позади стихли. Ночь наполнилась звуками бегущих ног. И звуки эти приближались.

Кто-то позвал его на незнакомом языке, сначала один голос, затем всё больше и больше, многоголосый, щёлкающий, шелестящий хор. Фомин не понимал чужую речь, но вникал в смысл какой-то первобытной частью мозга. В конце концов, это были слова, знакомые каждому отцу.

Нога запнулась о корень. Подбородок проехался по ковру из мха. В глазах сверкнуло, рот наполнился солёным, но Фомин вскочил и продолжил бежать. Он оставлял частички себя на шершавой коре, на острых ветках, на тугой, пахнущей горечью, земле. Не останавливаться, ни за что. Сзади догоняли. Он не знал, спасётся или нет, как не знал, что стало со Светой. Мыслей не осталось; остатки разума сгорели в кострах, были растоптаны нечестивой богиней. Фомин продирался через ночной лес, а его дети мчались следом.

Александр Матюхин

ПЕРВЕНЕЦ

Шаурма была толстая и жирная, в расплзающемся лаваше из которого торчали дольки помидоров и пучки корейской морковки. Пахло жареным и отвратительно вкусным.

Гоша съел бы ее сразу, но Ильич сказал, что это на ужин, а когда у него наступит ужин был решительно непонятно.

Ильич сидел за рулем, выстукивая большими пальцами по пластику ритм какой-то песни, рычащей из динамиков. Как владелец колымаги, он слушал, что хотел, не обращая на Гошу внимания.

Гоша же мучительно размышлял, за какие грехи судьба свела его именно с этим водителем, похожим на старого американского рокера, с коротким ежиком седых волос, с длинными усами, с наколками на костяшках пальцев: «Валя» на правой руке и «Катя» на левой, с мутно-оранжевой «печаткой» и огромным крестом на шее. Всю дорогу – а ехали уже третий час – слушали только «Металлику», «ZZTop», «AC/DC» и иже с ними. Гоша бы и не знал, что это гремит, пыхтит и рычит, но Ильич поучительно рассказывал о группах и объявлял очередную песню.

– Smoke on the water, – хрипло подвывал Ильич, сплевывая в окно. – A fire in the sky... smoke on the water!

Гоша наткнулся на него в небольшой и пыльной закуской на выезде из Краснодара. В тот момент внезапная идея показалась правильной – добраться до Сочи автостопом. Ильич, покупающий шаурму у загорелого до черноты адыгейца, прямо так и спросил на

всю закусочную:

– Кто-нибудь в Сочи едет? Могу подвезти, недорого. Один хрен в ту сторону.

Сидящие в закусочной не изъявили желания выходить под сорокаградусную жару и мчаться хрен знает куда. А вот Гоша, поддавшись внезапному импульсу, спросил:

– Сколько?

– Двести. – Ответил Ильич, закуривая.

– Идет.

– Шаурму будешь? Вкусная, зараза.

Гоша неопределенно пожал плечами:

– Если только за ваш счет.

Ильич ухмыльнулся и бросил адыгейцу за прилавком:

– Заверни еще одну, пожирнее. Худой паренек что-то.

Так Гоша и оказался в старом фореде унивесале, внутри которого терпко пахло кожей и резиной, вперемишку с запахом бензина и тонкой примесью хвойного освежителя – елочка болталась на зеркальце заднего вида. Колымага едва тянула сто километров в час. Как бы не сдохла среди ночи-то. Что-то у неё в моторе стучало, а при переключении передач – натужно скрипело.

– Я у Заурчика все время покупаю, – говорил Ильич, закуривая дешевую сигарету без фильтра. – Там шаурма, брат, отменная. Заур широкой души человек. Пойми, ему невыгодно плохую шаурму продавать. Мы, водители, сразу подставу чувствуем. Если что – нос сломаем. Понял шутку, да? Адыгеец, а мы ему нос кривой сделаем!

Гоша слабо улыбался. До Сочи оставалось ехать часа четыре. В компании с этим отчаянным любителем «Примы» и хард-рока. Милое дело.

– А ты что там вообще забыл? – спросил внезапно

Ильич. Ехали где-то среди полей, на долгом отрезке между станицами и аулами.

– Где?

– Ну, в столице бывших Зимних.

Гоша потерял левый висок, собирая кончиками пальцев холодные капли пота. Ответил полуправду:

– С девушкой поссорился. Она там, а я, стало быть, здесь. По телефону личные вопросы не решить, вот и надумал быстро смотаться, все выяснить.

– С девушками, брат, одни проблемы.

– Ага. Вот и надо эти проблемы кому-то решать.

На самом деле Гоша ехал не столько решать проблемы, сколько убедиться, что все бесповоротно кончено. Три дня назад Надя сбросила по мессенджеру сообщение, что пора расставаться. Любовь прошла, Гоша хороший парень, но эта его неконтролируемая агрессия до добра не доведёт. Надя устала от внезапных приступов злости со стороны Гоши, от того, что он часто распускает руки и не по делу устраивает ей проверки «на ревность». Теперь, правда, выяснилось, что всё по делу... Она и в Сочи-то уехала не в командировку, как изначально говорила, а к новому парню.

Сначала Гоша разбил телефон, швырнув его об стену, перевернул всё вверх дном, потом напился с друзьями в кабаке в центре города. Домой добирался пешком, попутно придираясь к каждой проходящей мимо девушке. Говорят, подрался с каким-то парнем у клуба. Гоша точно не помнил, но костяшки пальцев оказались сбиты, так что всё может быть, всё...

Пришел он в себя только вчерашним вечером, маялся жутким похмельем, напился таблеток от головной боли и

решил во что бы то ни стало добраться до Нади и поговорить. Основательно поговорить, по душам. И ещё посмотреть в глаза. Любимой и дорогой Наденьке. Убедиться, что назад дороги нет. Сказать какие-нибудь слова (вроде тех, которые больно жалят и надолго остаются в памяти). Уже в дороге Гоша мучительно размышлял, что вообще скажет и как поступить. Набить морду шалаве или отпустить восвояси? Но пока в голову лезли только какие-то глупые мыслишки. Просить прощения он, конечно же, не собирался. Злость до сих пор выжигала что-то внутри калёным железом.

...Ехали до темноты, которая на юге падает внезапно, погружая все вокруг в другой, ночной, мир. Из-за лесополосы вынырнула одинокая заправка, Ильич свернул к ней, притормозил и заглушил мотор. До Сочи оставалось всего сто двадцать километров. Сущие пустяки, если подумать. Гоша, разомлев от хард-рока, размышлял как сразу же по приезду, ночью, отправиться к Наде. Эффектно и неожиданно.

— А теперь ужинать, — произнес Ильич с видимым удовольствием. — Не люблю на жаре есть. Пищеварение из-за этого страдает, знаешь?

На улице действительно стало прохладнее. Чёрное небо густо усыпали звёзды. Гоша выбрался из кабины, прошёлся вокруг автомобиля, разминая затёкшие косточки. Кругом тянулись поля. Старая автозаправка казалась в темноте окаменевшим трупом сказочного животного. Внутри горел зеленоватый аварийный свет.

Шаурма, конечно, остыла, а сквозь целлофановые пакеты, сморщенные от влаги, проглядывались капельки жира, кусочки рубленого мяса, мохнатые обрезки капусты.

Гоша взял одну, ощущая, какая она здоровенная и

тяжелая. Оторвал промасленную бумажку, впился зубами в холодную мякоть.

– Хорошо кусай, в середине самый сок, – посоветовал Ильич. – Заурчик от души напихал всякого.

Гоша последовал его совету. Жир стекал по губам и подбородку. Гоша склонился, чтобы не запачкать джинсы. Пальцы погрузились в размякший лаваш. Языком нащупал что-то продолговатое и шершавое, похожее на волосатую сосиску, отстранился и разглядел среди майонез, кетчупа и овощей гусеницу.

– О, блин!

Шаурма плюхнулась на землю. Гоша ощутил, как поднимается к горлу острая и едкая желчь, вперемешку с непереваренной едой, зажал рот рукой и глубоко, хрипло вздохнул.

Гусеница извивалась в пыли. Была она жирной и блестящей, с жесткой рыжей щетиной и продолговатой головкой, обрамленной ярким гребешком, как у петуха. Два черных глаза торчали на макушке, а еще открывался и закрывался крохотный рот. Шевелились длинные усики, будто что-то искали.

– Сюрприз, да? – усмехнулся Ильич. – Я же говорю, от души напихал всякого.

В этот момент темнота у обочины пришла в движение. Чьи-то руки крепко схватили Гошу со спины. Мускулистая рука крепко зажала под подбородком, не давая пошевелить головой. Гоша дёрнулся, но держали его сильно. В затылке вспыхнула боль.

– Отпусти, с-сука!

Ильич шустро поднял двумя пальцами извивающуюся гусеницу и подошёл ближе. В длину гусеница была

сантиметров десять.

– Вы с ума сошли? – зашипел Гоша. – Какого хрена?

Ильич приблизился. Взгляд у него сделался каким-то совершенно безумным.

– Smokeonthewater, – произнес он негромко. – Вот так и живем тут.

Чужие толстые пальцы полезли Гоше в рот, с силой разжали челюсти, не давая их сомкнуть.

Гоша разглядел, как извивается дрожащее тельце с рыжей щетиной в пальцах рокера, а потом Ильич запихнул гусеницу Гоше между зубов. Гусеница оказалась холодной, покрытой какой-то едкой слизью, напоминающей на вкус лимонный сок. Рот наполнился слюной. Гусеница извивалась с бешеной скоростью, задевая нёбо и щеки изнутри. Что-то больно кольнуло кончик Гошиного языка. К едкому привкусу прибавился другой – солоноватый. Гоша сглотнул и почувствовал, как что-то вязкое ползет по горлу. Гусеницу он сглотнуть не смог – та ущипнула за щеку изнутри, будто присасываясь. Как пиявка.

Снова кольнуло. И еще раз – больнее. А потом что-то маленькое и острое впилося в Гошин язык и больше не отпустило. Кровь перемешалась со слюной. Зародившаяся во рту боль расплескалась по всему телу, от висков до колен.

Пальцы выскользнули из Гошиного рта.

Гоша завопил.

Ловец с наслаждением наблюдал, как дергается, шипит и вопит Гоша, как из его рта хлещет кровь, вперемешку с рвотой, а еще не остывший от утренней жары асфальт покрывается бурыми пятнами и кусочками непереваренной

шаурмы.

Из окровавленного Гошиного рта вывалился и плюхнулся на землю откушенный язык – сморщенный и влажный кусок мяса. В этот момент Гоша как-то сник и обмяк в руках Адепта Тёмного Бога Гатаноа – Лехи Курносова из Адлера.

Вот и славно.

Щеки у Гоши ходили ходуном, выпирая бугорками и извивающиеся линиями. Это Ребёнок Первенца, его частичка, пристраивалась и обживалась в непривычной для себя обстановке.

Ловец закурил – дым в легких успокаивал – затем вернулся к автомобилю и вытащил оставшуюся шаурму. Раздвинул пальцами лаваш, поковырялся в кусочках мяса и овощах, нащупал упругое тельце второго Ребёнка. Гусеница затаилась. Частицы Гатаноа знали, когда нужно выбираться наружу, а когда лучше не суетиться. Всему своё время. Когда-то Бог уже допустил ошибку, вступив в открытую войну с людьми. Теперь нужно действовать осторожнее.

– Умница, – шепнул Ловец. – Там и сиди.

Гусеница шевельнулась. Выскользнули хрупкие усики, ощупали пальцы Ловца. От этих прикосновений Ловец задрожал всем телом, чувствуя, как просыпаются в нём другие Частицы Первенца, великого и разрушительного. Они есть в каждом, незримые, древние...

Как же хорошо, да? Как же хорошо...

Гусеница заползла обратно в майонезную мякоть, наваждение прошло, а вместе с ним прошло сильнейшее желание соединить свои Частицы с Частицами других. Великий Бог ждал миллион лет, чтобы собрать себя

воедино. И вот этот день близок... Максимально близок!

– Тащи придурка внутрь, – распорядился Ловец, докуривая в два затяга. Пальцы дрожали от волнения. – И следы, чтоб блевотиной не захлебнулся. А то они это умеют.

Адепт кивнул, перекинул Гошу через плечо и понес его в сторону автозаправки.

Кто-то насильно разлепил Гоше веки. В глаза брызнул яркий свет, отозвавшийся болью в висках и внутри головы. Навернулись слезы, потекли по щекам и скопились каплями на подбородке.

– Рано сопلي пускать, – раздался голос Ильича. – Ну-ка, глянем, что там у тебя.

Сквозь слезы, в мутном зеленоватом свете Гоша разглядел бородатого седого рокера, склонившегося так близко, что можно было выдавить красноватый прыщик у него на носу. Ильич взял Гошу за подбородок и с силой оттянул вниз нижнюю челюсть. Заглянул в рот. Ухмыльнулся.

Гоша сообразил, что не может шевелить челюстью и совсем не чувствует языка. Зато что-то другое шевелилось во рту. Что-то эластичное и гибкое. Иностранное. Оно и заменило язык, точно. К слову, щеки и нёбо пекло так, будто Гоша хлебнул кипятка и ошпарил всё к чертям собачьим.

Он подался вперед и зычно срыгнул желчью. Ильич едва успел отскочить.

– Во имя Первенца, чтоб тебя...

Гусеница во рту извивалась с бешеной силой, лупила по внутренней стороне щёк, будто хотела вырваться наружу.

– Дыши ровно, – буркнул Ильич. – Нехрен нервничать. Тебе уже ни к чему.

Гоша проморгался, мотнул головой, оглядываясь. Помещение метра в четыре по периметру, горки ржавых стеллажей в углу, мусор на полу, стойка с кассовым аппаратом, обшарпанные стены. Из людей: какой-то лысый мужик, метра под два ростом в короткой футболке. Ну и Ильич, сука.

Старый рокер снова курил. От запаха дыма Гоше стало ещё хуже, он несколько раз сухо отрыгнул. Рвоты больше не было, только потянулась с уголка губы вязкая зеленоватая слюна.

– Вот и отлично, – сказал Ильич. – Выжил. А то одни слабаки в последнее время. Чуть что – копыта отбрасывают. Поколение слабаков, блин. Так никого и не вырастим больше. Слышь, Леха, тебе сколько лет?

– Тридцать семь, – буркнул бритоголовый. В зеленом свете кожа его казалась темной и ненастоящей, будто на гору мышц натянули гидрокостюм.

– Вот. Нормальные люди родились еще в прошлом веке. А все, кто в двухтысячных – брак. Ни рыба, ни мясо.

Зазвонил телефон, Ильич ткнул в Гошу пальцем, мол, не уходи, а сам отошел к окну.

Гоша старался не обращать внимания на то, что у него во рту копошится гусеница. На губах высохла кровь – но это тоже не смертельно. Главное – живой. А это значит что? Значит, всегда есть шансы. В голове тяжело зашевелились разные мысли.

Гоша вырос оптимистом. Много лет он подтверждал один и тот же факт – если веришь в удачу, то удача непременно улыбнется в ответ. Из какой только задницы не вылезал. В свои двадцать шесть успел и с бандитами на районе связаться и проблемы разные порешать в бизнесе.

В общем, не мальчик для битья. С тремя чурками один выходил драться, а тут с каким-то рокером не справится?

— ...в общем, хрен с тобой, не торопись. Я сам разберусь... — говорил Ильич. — Главное, завершить дело, а остальное не важно. Первенец Ктулху любит тебя и всё такое. До встречи.

Гоша попытался пошевелить руками, смотанными за спиной. Услышал хруст скотча. Запястья раздвинулись на пару сантиметров. Ноги тоже были обмотаны чуть ниже колен. Смотрели его, лишь бы сразу не убежал. А о дальнейшей перспективе не позаботились. Извращенцы херовы. Людей толком ловить не умеют.

Испытывая азарт, вперемишку со страхом — дикий коктейль, взболтать и не смешивать — Гоша прислонился к стене, чуть изогнулся, нащупал свободными пальцами за поясом нож. Как в фильмах ужасов, блин. Никто не догадался осмотреть его. А он таскал этот нож с тех времен, как наткнулся на кучку гопников в подъезде собственного дома. Нигде нельзя чувствовать себя в безопасности. Тем более, нож всегда хороший помощник в беседе... например, с ухажером его бывшей девушки. Вздумал уводить, сука. Ну ничего, дайте только выбраться отсюда, а дальше поговорим...

Гоша осторожно покосился на того самого Леху. Бритоголовый отвернулся спиной и копошился в старом холодильнике за стойкой. Там стояли банки с минералкой, какие-то бутылки — забытые и покрывшиеся пылью. Внутри холодильника тревожно подмигивала яркая лампочка.

Кончиками пальцев обхватил ручку, потянул и выудил нож лезвием вниз. Перевернул, зафиксировал в правой руке и начал осторожно резать скотч. Тонкие полоски

беззвучно лопались. Дело пяти минут. Тем более, никто не смотрит. Чудоковатые похитители.

А потом?

Лопнула еще одна полоска скотча.

В этот момент Ильич убрал телефон в карман.

– Бери его, – сказал он. – Пора ехать.

Бритоголовый отвернулся о холодильника. В руке он держал бутылку пива.

– Прямо сейчас?

– Тупой вопрос, Леха. Тупой.

Бритоголовый нахмурил брови, угрюмо кивнул. Бутылка пива осталась на стойке. Он приблизился к сидящему у стены Гоше.

Лохматые остатки скотча мягко сползли по запястьям.

Дыши глубоко.

Во рту зашевелилась гусеница. Холодное тельце скользнуло по внутренней стороне щеки, вызывая очередной приступ рвоты. Гоша смачно рыгнул прямо в лицо склонившемуся над ним громиле, а потом вынул из-за спины руки – левой обхватил Леху за мокрую от пота шею, чтоб не дергался, а правой что есть силы всадил нож ему под ребра.

А потом еще раз.

Ночь обещала быть долгой.

Ловец отвернулся к окну, разглядывая трассу в нескольких метрах от заброшенной автозаправки. В черноте мелькали огоньки фар.

Накладки иногда случались. Кто-то не успевал пересадить Ребёнка, и тот умирал среди кусочков мяса и капель жира. Кто-то не находил носителей и хватал

первых встречных – бомжей, пьянчуг, детей (материал не самый лучший, поскольку Ребёнку надо было выжить, а не помереть внутри носителя). Кто-то не выдерживал стресса, бросал все и пытался сбежать. Служители культа, адепты Бога Гатаноа находили каждого – от них невозможно было укрыться – но время все равно утекало, ночи шли одна за другой.

Вот и сейчас будто специально наложилось одно на другое. Дядя Федя, второй Ловец, застрял где-то у Геленджика. Носитель, которому предназначалась шаурма в пакете Ильича, что-то заподозрил и свалил прямо в поле. Ищи его теперь... Дядя Федя, конечно, справится, найдёт и притащит, но это всё трата времени, беспокойство, суета. Ильич не любил суетиться.

Поэтому и новоявленный адепт Лёха ему тоже не нравился. Бритоголовый суетился. Он думал, что это всё игра. Древние боги, дети Первенца, частицы Гатаноа – игра, мать его. А он будто был человеком, читающим правила. Выдумал себе вселенную.

Ильич честно думал, что после сегодняшней ночи избавиться от Лёхи. К чёрту. Надо найти нормального адепта, спокойного и не такого идиота. Боги не любят идиотов.

В душе снова зашевелились Частицы Первенца. Они жаждали собраться воедино. О, как же долго они этого ждали. С тех времён, когда в великой битве людей и служителей Бога люди осквернили храм Гатаноа, разрушили его до основания, а самого Бога расчленили и отправили навечно к звёздам – миллион лет прошло или даже больше. Только Ми-го знают, сколько им пришлось прятаться от людей и выращивать Частицы Первенца

внутри Адептов и Ловцов...

За спиной послышалась возня, отвлекла от мыслей.

– Что там у тебя? – Ловец обернулся.

Перед ним стоял Гоша – глаза выпучены, на лбу капли пота, а между неровных желтоватых зубов извивается Ребёнок. Какой же он красивый. Идеальный. Усики ощупывали губы, дотрагивались до запекшейся крови и желчи. Блестели черные глазки. Открывался и закрывался крохотный рот, наполненный миллионом мелких и очень острых зубов.

Все это Ловец успел заметить за долю секунды до того, как Гоша шагнул к нему и вонзил нож чуть выше пупка.

Ловец ощутил, как широкое лезвие распарывает его плоть, рвет ткани, заходит глубоко внутрь. В животе зародился невероятный жар, от которого волнами разлилась слабость. Подкосились ноги. Ловец хотел взять Гошу за лицо, выдавить ему глаза, сломать нос и сжать череп так, чтобы тот хрустнул. А Гоша несколько раз вытащил и воткнул нож, будто не хотел останавливаться. Будто убийство доставляло ему наслаждение. Выпученные глаза, отвисшая челюсть, слюна, стекающая по подбородку. Ребёнок – прекраснейшая частица Первенца! – трепещет во рту.

– Smokeonthewater, – хрипло пробормотал Ловец, вспомнив безбожную юность в Питере, когда лазил по разрушенным безымянным храмам в поисках неизведанного. Нашёл же на свою голову. – Последнюю сигаретку дашь выкурить, а?

А потом рухнул на пол.

Гоша переступил через упавшего Ильича. Затекие

ноги плохо слушались. Нижняя половина лица онемела. Гусеница вместо языка... к черту, потом с ней разберёмся!

Толкнул плечом входную дверь, вывалился на улицу: из духоты помещения в ночную прохладу. Тяжело и хрипло втянул носом свежий воздух. Огляделся.

Метров тридцать до трассы. Там можно остановить кого-нибудь и попросить помощи.

Как попросить? На пальцах? Любой нормальный водитель, увидев во рту у Гоши извивающуюся тварь тут же свалит к чертям.

Тогда что?

Уехать на драндулете Ильича обратно в Краснодар. Найти больницу. В больнице поймут, как это вытащить. И что это вообще такое.

Гусеница, будто сообразив, что речь идет о ней, снова принялась извиваться. В глубине горла болезненно заныло, грудь вдруг сдавило так, что потемнело перед глазами. Гоша оперся о дверной косяк. Дыхание сбилось. Он часто и громко закашлял, прикрыв рот рукой. Почувствовал, как крохотные усики щекочут разгоряченную кожу на пальцах.

В голове вдруг зародилась мысль.

Надо вернуться во имя возрождения Первенца.

Мысль была настолько странной, что Гоша сначала не понял, как она оказалась внутри его головы. Будто кто-то забросил её туда. Кто-то посторонний.

Вдалеке зародился шум, темноту разрезал свет фар. По трассе пронёсся автомобиль. Гоша наблюдал за ним, пока снова не стало темно и тихо.

В голове закрутилось непонятное.

Гоша подумал, что никогда не лакомился сочным свежим человеческим мясом, завернутым в кожу, как в лаваш.

Ми-го рассказали бы ему о пользе поздних ужинов человечины.

О, у них на этот счёт было много интересных теорий.

Просто возвращайся.

Расскажут.

О, да.

Гоша зашёл внутрь автозаправки, под зеленоватый свет ламп, и плотно прикрыл за собой дверь. Гусеница во рту извивалась, скользила по щекам с обратной стороны и касалась усиками губ.

Это была её идея.

Проголодалась, да?

Сознание словно разделилось надвое. Две мысли, одинаковые по силе убеждения, столкнулись в голове.

Разве тебе не нравится шаурма? Не подделка от Заурчика, а настоящая, свежая, жирная человеческая шаурма в естественной упаковке? Первый сорт!

Надо бежать. Куда угодно. Бежать отсюда.

Или стать новым Адептом.

Х-ха.

Подумай, разве это не прекрасно — поклоняться великому божеству, которое появилось на земле задолго до зарождения разума. Стать тем, кто заглянет в первородные стихии космоса и узрит великого отца — Ктулху!

Гоша разглядел собственное отражение в мутном окне. Увидел, как длинные усики выскальзывают из его рта и ощупывают онемевшие щеки, подбородок, скулы.

...Если надкусить чуть ниже подбородка, пустить кровь, то наткнешься на такой вкусный кусочек, которого никогда в жизни не пробовал!..

Во рту скопилась слюна. Чужие мысли были

невыносимы.

Гоша бросился к стойке, за которой подмигивал яркой лампой холодильник. Ноги сделались ватными. Гусеница, почуяв неладное, забилась в агонии. Перед глазами запрыгали разноцветные огоньки. Гоша, потеряв на секунду ориентир, ударился головой о стену и едва не упал. Нащупал руками стойку, зашел за нее, склонился над холодильником. Задняя стенка у него была зеркальной. На Гошу из зеркала смотрело нечто – веки под глазами набухли черным и оттянулись, кожа пожелтела, на висках пульсировали жилки, а на щеках, вокруг носа проступили темно-синие, почти черные ручейки вен. Ну и самое главное, между зубов...

Сейчас мы тебя...

Гоша протянул руку и двумя пальцами попытался ухватить извивающееся тельце. Получилось не сразу. Ощутил под пальцами пульсирующую плоть, жесткие щетинки. Одно из усиков неожиданно надломилось, и где-то внутри Гошиной головы будто ударили в колокол. Гоша зашатался, стараясь сохранить равновесие. Гусеница едва не выскользнула из пальцев!

Нет уж, теперь не уйдешь!

Выгнув голову, Гоша поднес к лицу руку с ножом. В широком лезвии блестела мигающая лампа. Внутри рта заныло – так болит обнаженный зубной нерв. Гоша захрипел, не в силах сдерживать боль.

А разве есть выбор?

Нож коснулся тельца гусеницы, чуть ниже рыжего гребешка.

Краем глаза он увидел сзади какое-то движение. А потом что-то тяжелое обрушилось на его голову, вышибая

к чертовой матери сознание.

Частицы Первенца, кусочки Бога Гатаноа – шевелящиеся гусеницы влажные и темные от крови, похожие на мохнатых глистов – вываливались из живота Ловца, путались в его пальцах, ощупывали грязный пол толстыми слизистыми усиками.

Раздавленная шаурма валялась рядом, и в смеси кетчупа и майонеза корчился Ребёнок в безрезультатных поисках носителя. Никого он уже не найдет и попросту сдохнет через несколько минут.

– Простите меня, – плакал Ловец. Гусеницы заползали под рубашку, холодили кожу. Он чувствовал прикосновение их липких тел. – Я не смог...

Вместе с вывалившимися Частицами Первенца он будто потерял душу. Стало пусто и одиноко. За многие десятилетия, что Ловец мотался по стране, наслаждаясь силой, властью и свободой, данной Первенцем, он настолько свыкся с живущими внутри себя существами, что сейчас вдруг с невероятной силой понял всю хрупкость собственной одинокой жизни.

Кто он без них? Оболочка, пустышка, один их миллиардов.

Скрипнула дверь, на автозаправку вернулся Гоша.

Частицы Первенца закопошились, начали присасываться к коже Ловца, болезненно впиваясь острыми зубками. Впрочем, что такое боль по сравнению с ощущением утраты, которое не пройдет теперь до самой смерти? Пусть хотя бы так. Он готов был стать марионеткой, лишь бы продлить мгновения, пока Частицы будут рядом.

Гоша пересек помещение, прошел за стойку.

В это время Частицы начали поднимать тело Ловца. Они будто белые мохнатые насосы, подключенные к волшебному генератору, закачивали в Ловца жизненные соки. Ловец чувствовал, как напрягаются его мышцы, как скользит по венам кровь, как наливаются силой руки и ноги. Гусеницы дрожали от напряжения, перекачивались под одеждой. Потом они вывалились, с треском порвав рубашку. От невероятного давления следом за рубашкой порвался и живот. Вместе с Частицами вывалились внутренности – кишки, печень, кусок легкого, желудок. Все это шлепнулось на пол бурой дымящейся кучей. В ноздри ударил тошнотворный запах. Ловец отстранённо отметил, что пар над внутренностями поднимается, будто дым над водой.

Частицы Первенца опоясали его тело и заставили двигаться. Ловец наступил на собственный желудок. Тот лопнул с чавкающим звуком. Под ногой разлилась жижа вперемешку с непереваренной пищей. Впрочем, Ловец не заметил. В это мгновение он полностью утратил контроль над собственным телом. Им двигали, как марионеткой.

Правая рука сжалась на бутылке с пивом, которую адепт забыл на стойке. Взмах. Гоша начал поворачиваться. Удар. В этом помещении все просто помешаны на ударах сзади.

Носитель тяжело рухнул на пол.

Гоша пришел в себя, когда затекли ноги. Боль растеклась от ступней к коленкам, перекинулась на поясницу.

Мир вокруг, погруженный в черноту, трясся и подпрыгивал, звенел и грохотал. Мерзко пахло выхлопными газами и кислятиной, будто кто-то здесь хорошенько наблевал. Может быть, сам Гоша. От шума

мотора заложило уши

Он попробовал пошевелиться – плечи уперлись во что-то твердое и горячее, а ноги давно и прочно застряли.

Багажник.

Гоша кое-как вытянул руку из-под собственного живота, затылком ударился о металлический выступ, поскреб ногтями вокруг, пытаясь разобрать в темноте, как лежит и где что находится. Нашупал стык и что есть силы ударил по нему кулаком. Удар вышел несильный, крышка багажника тяжело ухнула и, конечно же, не поддавалась. От нахлынувшей внезапно панической злости Гоша заколотил кулаком, чувствуя, как сдирается кожа и как звонко пронзает болью разбитые костяшки.

Чтоб тебя! Чтоб тебя! Чтоб тебя!

Это надо же было так вляпаться!

Кое-что вспомнив, он полез пальцами в рот, все еще не чувствуя челюсти и собственных прикосновений к лицу. Нашупал пальцами мягкое вертявое тельце.

Проклятый паразит. Не дал добраться до тебя с ножом, так, думаешь, по-другому не доберусь?

Машина снова подпрыгнула и челюсти Гоши неожиданно сильно сомкнулись. Хрустнули пальцы. Извивающийся уродец юркнул куда-то вглубь рта. Воздух с хрипом вырвался из Гошиного горла. Он выдернул пальцы из рта, отчаянно рыча – все, что оставалось делать в нынешних условиях. Рычать, как собака!

Машина завихляла и начала притормаживать.

Долго ли ехали Гоша не знал. Ноги затекли капитально. Затылок, руки, живот – все ныло и болело, не давая возможности сосредоточиться.

Остановились. Заглох мотор. Хлопнула дверца.

Гоша повернулся боком, сжал в кулаки здоровые пальцы. Если только получится поймать момент... Если бы только выбраться отсюда...

Багажник со скрипом поднялся. В глаза брызнул яркий свет. Гоша подался вперед, целясь в показавшийся темный силуэт, но промахнулся и тяжело вывалился на землю. Попытался вскочить – подкосились ноги. Упал лицом в пыль, собрал щекой гравий. Перевернулся.

Подходи! Подходи!

А потом увидел, что перед ним стоит Ильич.

Только это был мертвый Ильич. Лицо его разбухло и потемнело. Кожа сползала вниз, свисала тяжелыми лиловыми складками с подбородка и щек. Наполненные влагой глаза были похожи на две перезрелые сливы. Губы потрескались и вздулись, на них обильно налипла подсохшая кровь.

Гоша сглотнул. Тошнить было уже нечем. Он закрыл и вновь открыл глаза, пытаясь убедиться, что не спит и не сошел с ума. Хотя, всякое может быть.

Грудная клетка у Ильича была раскрыта, и внутри, между ребер и остатков сосудов, копошились мокрые гусеницы. Они переползали из грудной клетки в область живота – раскрытую, будто кровавый порванный мешок, с болтающимися кишками и чем-то еще. Гусеницы складывались в клубочки, поднимались, судорожно вытягивая тельце, ощупывали желтоватую кожу старого рокера длинными усиками. Другие гусеницы ползали по плечам, рукам и ногам Ильича. Складывались гармошкой, дрожали от напряжения и вытягивались.

Ильич пошатывался, похожий на марионетку. Все его конечности слабо вздрагивали. Казалось, Ильич пытается

сохранить равновесие.

Он разлепил губы и сказал множеством голосов:

– Пойдешь со мной!

Из рта вывалилась гусеница, сантиметров пять длиной, зацепилась за штанину, проползла по ней и забралась в раскрытую ширинку.

– Пойдешь со мной, – повторил старый мертвый рокер, едва шевеля губами. – Тебе надо есть и спать. Надо вырастить Ребёнка, который станет Частицей Бога нашего Гатаноа, первенца Ктулху, оставленного на Земле миллиарды лет назад. Пришло его время.

Гоша ничего не понял, кроме того, что если сейчас не встанет, то тут же и умрет. Он поднялся, опираясь о багажник автомобиля. Пришлось простоять какое-то время в ночной тишине, дожидаясь, пока к ногам придет чувствительность.

Находились где-то в лесу. Кругом нависали деревья. На звездном небе прямо над головой плыла полная летняя луна, похожая на гниловатое яблоко. Гоша помотал головой, вдыхая носом прохладный воздух. Почувствовал, как шевелиться во рту гусеница.

Услышала своих друзей, сука.

– Пойдешь...

Ильич неумело развернулся на заплетающихся ногах и пошел вглубь леса. Носки ботинок едва казались земли, руки тряслись, голова болталась из стороны в сторону.

Гоша поплелся следом. В этот момент он понял, что убежать уже не получится. Отсюда, знаете ли, не убегают. Что бы это ни было.

И не надо. Все мы так или иначе ходим под древними Богами.

Шли долго, погружаясь в ночную темноту. Где-то за спиной исчез свет автомобильных фар. Деревья обступали со всех сторон, а под ногами хрустели ветки и чавкал мох.

Потом мир неуловимо преобразился, расступился и обнажил перед Гошей поляну, где в самом центре стояла некая овальная конструкция неправильной формы, внешне напоминающая лежащее на боку яйцо, только размером метров шесть в диаметре.

Ильич сделал еще несколько шагов и вдруг тяжело рухнул в траву. Гоша остановился. Он увидел, что прямо под ногами распласталось еще одно человеческое тело. Старые джинсы, белые кроссовки, рубашка. На месте лица – свернувшаяся клубком гусеница. Она подняла мохнатую мордочку и направила в сторону Гоши длинные усики. Его словно ударило током. Не в силах сопротивляться, Гоша встал на колени. Голова начала медленно склоняться к гусенице. Открылась челюсть. Его, Гошина, гусеница радостно подалась вперед, и эти две мохнатые твари переплелись друг с дружкой усиками.

Дети встретились, какое счастье!

В голове у Гоши вспыхнули миллиарды светлячков. Его разум наполнился знаниями. Он узнал о первом сыне Ктулху, которого оставили на Земле пришельцы с планеты Юггот. Узнал о битве людей и Бога, об осквернении и уничтожении его храмов. Увидел, как люди раздирают Гатаноа на миллионы частей, разносят его по всему свету, отправляют к звёздам. Он узнал о Ловцах, что многие сотни лет собирали детей Гатаноа и искали для них человеческие инкубаторы, чтобы вырастить в них Частицы. Долгий, долгий процесс. Частицы нужно было соединить в целое. Вернуть божеству его облик и его силу.

Когда Частицы оторвались друг от друга, Гоша больше не хотел сопротивляться. Он чувствовал, как клокочет в нём энергия Бога. Он стал частью цепочки возрождения. Он теперь не просто человек. Скорее всего он станет Адептом.

Гоша побрёл к гигантскому тёмному силуэту. Это было незаконченное тело бога. Его собирали не один год, привозя Частицы со всего света. Бог был почти возрождён. Оставалось немного.

Гоша подошел к Телу Первенца на расстоянии двух метров, задрал голову, разглядывая. Улыбнулся. В бледном свете луны он хорошо видел аккуратное переплетение обнаженных гниющих тел. Это были мужчины и женщины, дети и старики, толстые и худые, безногие и безрукие. Они сплелись между собой в некоем волшебном узоре, создавая плотную и непроглядную ткань. Гниющая плоть скрепила всех между собой, подобно клею. Из рта каждого человека – каждой нити – торчала Частица, соединяющийся тельцем с другой такой же.

Гоша разглядывал крепкие мохнатые тельца, дрожащие от вечного напряжения и сосредоточенности, и ему нестерпимо захотелось присоединиться, скрепить своей плотью чужую плоть. Задрожать от вечного наслаждения и осознания того, что ты – часть чего-то великого!

Ребёнок во рту зашевелился.

Чтобы вырастить Частицу, нужно много питаться и не тратить энергию.

Ребёнок хочет кушать, во имя Тёмного Бога.

Во рту скопилась слюна.

Гоша вернулся к тому месту, где лежал в траве Ильич. Гусеницы уже покинули его, мертвого и бесполезного.

Гоша склонился над ним, перевернул. Мутные глаза Ильича будто заволокло дымкой. Они уже не походили на сливы. Скорее – на виноградинки. Спелые и сочные виноградинки.

Ребёнок был голоден, и Гоша больше не сдерживался. Он вцепился в губы старого мертвого рокера, оторвал их и принялся с наслаждением жевать. К трапезе присоединилась и гусеница.

Ведь у нее тоже были зубы.

Елена Щетинина, Наталья Волочаевская

HOLLYWOOD FOREVER

6000 Santa Monica Blvd, Hollywood

На ее правом глазу совокуплялись мухи. Две их было или больше – я не мог разобрать. Но ресницы, удлиненные жирной тушью, шевелились – словно она была жива. Словно просто спала, откинувшись на спинку алого бархатного кресла, и видела беспокойный сон, от чего мелко подергивалось тёмно-фиолетовое с маслянистым налётом веко. Левый глаз лежал на столике в футе от нее – помутневший зрачок следил за небом, на котором догорал закат. Я поёжился.

– Завтра будет холодно, – шевельнула она чёрными губами. Голоса её я и раньше не слышал – только воображение помогало озвучивать скупые титры диалогов – чуть хрипловатое грудное контральто женщины-вампи. То, что я услышал сейчас, полностью отвечало моим фантазиям. Но даже голос не добавил ей жизни.

Рука её потянулась ко рту – в ней дрожала длинная сигарета в буковом, инкрустированном перламутром, мундштуке. Она затянулась – и выдохнула густо и мятно:

– Облака красные.

Я всё-таки не сдержался и судорожно дёрнулся, от тошнотворного зрелища к горлу подкатила едкая дрянь – эхо дешёвого виски, которым я накануне спаивал

старину Броуди, моего осведомителя, и заодно пригубил сам. От того, что он рассказал, у меня, выдавшего всякое голливудского репортёра, челюсть отвисла и рука сама влила в глотку жуткое пойло. Только бы не сблевать ещё тут.

– Не стоит, – она будто читала мои мысли. – Горничная только завтра придет.

Я не мог оторвать взгляд от её левого глаза, который теперь с укором уставился на меня, однако простая вежливость требовала ответить даме.

– Я справлюсь, мадам.

Я, конечно, болтаю иногда со своей собакой, но чтобы беседовать с трупом? Да с трупом ли?! Левый глаз на столике покачулся. Она подхватила его бледными тонкими пальцами и – ей-богу! – изящно подбросила рукой и ловко поймала глазницей. Мухи из правого глаза взлетели, не разделяясь, и удалились прочь, недовольно жужжа.

– Да ладно вам, – махнула она рукой. – Давайте ближе к делу. Что вы хотели узнать? Вы из какого издания? Гералд? Кроникл? Таймс? Таймс я не даю. Я не видела вашего журналистского удостоверения. Не будете ли любезны?..

Как она догадалась? Ведь я подготовил другую легенду, безупречную, как мне казалось, но сейчас от неё не было никакого толка, и я протянул ей пресс-карточку. Она скривилась.

«Шакал», – прочитал я в обоих глазах, бывших теперь на своих местах, однако смотревших неслаженно, рассредоточенно, словно они искали, за что зацепиться взглядом, чтобы удержаться в глазницах.

– Чёрт с вами, записывайте, – она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, от чего меня сразу перестало тошнить, и я достал блокнот.

Я помнил ее с пеленок – в буквальном смысле. Моя мамаша – ныне благообразная женщина, славящая Господа в какой-то секте во Флориде – в то время больше всего в жизни любила две вещи: выпивку и кино. Где-то там, между ними, в редкую минуту просветления промелькнул мой папаша – и на свет появился я. Не могу сказать, что она была дурной матерью – я был сыт, хорошо одет и у меня всегда водились карманные деньги. Но ей было скучно ходить одной в кино – и она всегда таскала меня с собой. Даже когда я больше напоминал свёрнутое полотенце с глазами.

Поэтому мои самые первые воспоминания были связаны с кино. Темный зал, в котором плавали сизые облака дыма, белые лица на черном бархате сумрака – словно черно-белое изображение спустилось с экрана вниз и поглотило кинотеатр, высосало все краски. Пахло табаком, дешевой пудрой, кислым молоком, мятными леденцами, типографской краской. Кто-то храпел, кто-то целовался, кто-то шумно, с присвистом, дышал. Это был дешевый кинотеатр, из тех, куда ленты привозят намного после громких премьер – затертые, помятые, кое-где порванные и заклеенные. Такой кинотеатр-госпиталь для раненых фильмов. Он работает и сейчас – реаниматор для мертвых, давно позабытых лент, куда ходят любители повздыхать о

прошлом.

Однажды я читал исследование о том, что младенцы видят всё плохо, размыто, в черно-белых оттенках: из марева и тумана на них надвигается огромное женское – материнское – лицо, шлепает губами, издавая звуки, и исчезает в небытии.

Прав был тот ученый или нет, понятия не имею, но то лицо, что чаще всего смотрело на меня из марева и тумана, было ЕЁ лицо. Оно шевелило губами, но звука не было, лишь журчание музыки тапера, которое для меня тоже было маревом и туманом. Мама, кажется, озвучивала интертитры – в памяти у меня отложилось, что ОНА разговаривала именно маминым голосом. Хотя я, конечно, ничего не понимал.

И теперь эта женщина, это видение из моего младенчества, сидит передо мной и незримо разлагается.

И рассказывает свою историю.

– Не думаю, что вам интересно мое детство. Во всяком случае, о нем я рассказала уже достаточно. И правду, и ложь, и вплела немного явного бреда – ну, вы что, в самом деле могли подумать, что я – дочь арабского шейха и француженки? И родилась в Сахаре? А ведь многие подумали... В любом случае, выбирайте оттуда, что хотите – честно говоря, я уже смутно помню свое детство. Словно у меня уже переполнена память, и новые воспоминания накладываются на старые, стирая их... Да ведь вас не оно интересует, правда?

Я с сожалением кивнул. Конечно, я хотел бы расспросить ее обо всем! Правда, ли что ее нянькой был большой ньюфаундленд Нэна – или просто перед тем, как рассказать об этом газетчику, она прочла «Питера Пэна»? Правда ли, что ее кормили грудью до десяти лет? Но нет, нет, не сейчас... не сегодня... и уже никогда...

– Я бы хотел остановиться на конкретном вопросе.

– «Атлантида: соль и вода»? – усмехнулась она.

Я вежливо улыбнулся в ответ.

– Я сразу поняла это по вашим глазам. У вас был взгляд человека с камнем за пазухой.

– У меня нет ничего за пазухой. Ваш дворецкий с охранником перещупали меня всего. Отобрали даже зажигалку.

Она пожала плечами:

– В первую очередь зажигалку. Вы не представляете, как заодно горит забальзамированная плоть.

– Что?

Она наклонилась и изящным жестом приподняла подол платья.левой икры не было. Лишь голая кость матово белела в обрамлении сероватых мышц.

– Руди очень много курил. А после смерти перестал чувствовать вкус табака – и курил еще больше. Поэтому его планы в «Атлантиде» были совсем короткими: он не мог находиться без сигареты дольше пары минут. И швырял окурки – где попало.

Я промолчал. Карандаш в моей руке дрожал – то ли от волнения, то ли от ужаса.

– Откуда вы вообще о нем узнали?

– О ком? – хрипло спросил я. – О Валентино?

– Нет, о фильме. Кто вам рассказал о том, что его вообще снимали?

Я лишь криво усмехнулся.

Броуди-Броуди, если я назову твое имя – влетит ли тебе? Выгонят ли тебя взащей из этой сверкающей и жужжащей тусовки? Или просто будут держаться с тобой настороже? Насколько ты важен для них? Что ты сделал или делаешь для них такого, что владеешь их тайнами и не боишься их сливать?

Поговаривали, что он когда-то сам был актером. То ли из массовки, то ли дублером – во всяком случае, я ни разу не видел ни его имени в титрах, ни лица на экране. А уж такое-то лицо я бы не забыл! Самым запоминающимся в нем была не бледность и даже не пергаментная иссушенность кожи – а выдающиеся вперед кости черепа, широкие и мощные. Казалось, что о его скулы, подбородок и надбровные дуги можно порезаться. Такое лицо нельзя было скрыть ни под каким гримом.

Как бы то ни было – но мне казалось, что Броуди в курсе абсолютно всего, что происходило и происходит – а может быть, даже будет происходить? – на голливудских холмах. Стоило задать ему вопрос – как он улыбался своей фирменной жуткой ухмылкой: половиной лица. А потом долго смотрел на тебя, как бы думая: какую цену назвать за информацию. Он всегда ходил в плотной черной одежде, прикрывая бледное лицо полями федоры – как заправский

шпион или вражеский резидент: объяснял это болезнью, которая вынуждает его сторониться солнечного света. Мы называли его графом Дракулой – а он в ответ разговаривал с нами с акцентом Белы Лугоши. Кажется, даже лучше, чем сам Бела.

Мне пришлось хорошенько напоить Броуди, чтобы он рассказал мне то, что привело меня сюда. Это случилось в маленькой забегаловке в безымянном тупичке, примыкающем к Гауэр-стрит. Ее держал русский эмигрант, женившийся здесь на китайке – живая иллюстрация этнического плавильного котла, которым всегда был Голливуд. Здесь подавали русский «борщч», китайскую лапшу, американский виски – всё то, что любили постоянные посетители. Броуди был здесь постоянным посетителем, я – нет. И каждый раз мне приходилось мяться у двери, пока из темноты не выныривала долговязая сутулая фигура в черном плаще и широкополой федоре. И каждый раз я мок под дождем – словно Броуди заранее знал о непогоде и из какого-то извращенного садизма предлагал мне встречаться именно в этот день и час.

Мне пришлось влить в него две бутылки того пойла, что здесь продавали под видом виски. Я подозревал, что это подкрашенная чаем русская водка – но все вокруг пили с удовольствием, поэтому я решил не лезть в привычный тамошний уклад.

Броуди хмелел очень медленно. Он смотрел на меня, усмехался, опрокидывал в свою пасть – я видел даже металлические коронки на коренных зубах – очередной стакан, снова смотрел и снова усмехался.

А потом его рожу перекосило, словно от удара током – и он стал мне рассказывать. Он рассказывал и рассказывал, словно блевал словами, извергал их на меня, в меня, на меня – а я не знал, куда деваться. Это было так странно, так жутко, так невероятно – и в то же время так похоже на правду, что меня мороз продирает по спине. Даже сейчас, когда я вспомнил об этом, мои руки и ноги похолодели.

– Да так, – прокашлялся я. – Один... знакомый упомянул. Так же, как и о других... подобных фильмах. «Сирены ада»... – я намеренно делал паузы, пытаюсь прочитать по её лицу реакцию на эти названия. – «Кровавая роза»... Их ведь не только сняли. Их даже успели показать публике.

Она усмехнулась.

Половиной лица.

Точь-в-точь как Броуди.

Я поёжился. Камина в комнате, как, похоже, и во всем доме, не было. Холод пробирал насквозь, не спасали ни рубашка, ни пиджак, ни плащ, вся одежда словно превратилась в ледяную корку, и я едва удерживался от того, чтобы не сплести зубами джигу.

– Всё началось с «Сирен». И если бы не Герберт, на них всё бы и закончилось... О, этот юный безумец с горящими глазами... Восторженный поклонник кинематографа. Он меня жутко пугал и притягивал одновременно. Впервые я увидела его на пробах «Сирен». Кажется, он был близким другом Рауля, режиссёра. Во всяком случае, ему позволялось стоять рядом, опираясь на спинку именного

кресла, и взгляд его жадно и удивлённо метался между актёрами на площадке и киноаппаратом, как будто он пытался постичь это волшебство – как оживает картинка на плёнке.

Рауль желал непременно снимать меня, но у продюсеров были свои протезы, и Раулю тогда пришлось пойти на уступки, он сильно зависел от боссов студии. Он покорно отсматривал тех актрисулёк, которых ему присылали, но все знали, и актрисульки в первую очередь, что – само собой, он выберет меня. Одна из них оказалась слишком настойчивой. Ну, а я – слишком беспечной. Или – самоуверенной? Мышьёк в кофе – и вуаля! Прямо на съёмочной площадке! Вы можете себе представить такую наглость?..

Позже всем сказали, что меня удалось откачать и что – как только оправлюсь – я немедленно приступлю к съёмкам. Разумеется, я, а не эта... прошмандовка.

Резкое вульгарное слово в её увядающих *загробных* устах показалось мне не просто органичным, а будничным и даже банальным. Словно она сказала «*эта деvушка*».

– Что с ней случилось? Её признали виновной?

– Официально – нет. Ведь я в некотором роде... осталась жива. Небольшое несварение желудка... Кого в этом обвинишь? Рауль нанял сыщика, чтобы тот незаметно провёл внутреннее расследование. Её вычислили и припугнули так, что про кино ей пришлось забыть, несмотря на высочайшие протекции, и она нашла призвание в заваривании кофе на заправке, ха-ха. А я... Я

начала новую жизнь. Благодаря Герберту.

Герберт Уэст. Это имя я слышал уже не впервые, но каждый раз меня настигал неодолимый ужас, словно я заносил ногу над головокружительной бездной. И каждый раз тот, кто произносил это имя – вдруг замолкал, словно спохватившись: не выдал ли он случайно великую тайну непосвященным. Может быть, именно это и спасало меня от падения в бездну – как ураганный ветер вдруг внезапно утихает вместо того, чтобы смахнуть тебя, как пылинку, вниз.

Герберт Уэст. О нем нет-нет да упоминали тучные гримерши, жилистые операторы, мальчики, разносящие воду... но не Броуди. Только не Броуди. Только не мой самый верный и точный осведомитель.

– Кто такой Геральд Уэст? – спросил я его однажды. Специально исковеркав имя: дешевая уловка, которая так часто срабатывала с менее умными людьми.

Броуди посмотрел на меня долгим взглядом своих красноватых, вечно воспаленных глаз – и ничего не ответил. Лишь подцепил пальцем и щелкнул с рукава своего плаща несуществующую пылинку.

– Кто такой Герберт Уэст? – спрашивал я тех, кто имел неосторожность упомянуть в моем присутствии это имя. Спрашивал жадно, чуть ли не хватая за одежду – или же небрежно, будто невзначай, но итог был один: мне не отвечали. Вздрагивали и замолкали, нервно хихикали и уводили разговор в сторону: в любом случае – не отвечали.

Герберт Уэст казался мне неуловимым призраком, жутким духом, который ушел куда-то по дороге теней вслед за старым кино – но не покинул этот мир, а притаился где-то и ждет своего часа, чтобы... Чтобы – что? Этого я не знал. И это-то и пугало больше всего.

Под конец я решил считать Герберта Уэста чем-то вроде жупела.

«Жупел, мой дорогой, – прошамкала как-то беззубая старуха, русская эмигрантка первой волны, ради развлечения консультирующая костюмеров фильмов о царской России, – это кипящая сера в аду. И смрад, и жар, и ядовитый туман. А еще – то, что пугает. Что внушает страх и отвращение. И то, чего тебе не избежать. Вот так-то, мой дорогой».

Вот так-то, мой дорогой. Вот так Герберт Уэст казался мне кипящей серой в аду. Источавшей и смрад, и жар, и ядовитый туман. Тем, что внушает страх и отвращение. Тем, чего не избежали многие. И тем, чего не избежать и мне.

– Благодаря Герберту?... – я задал этот вопрос вскользь, будто случайно, держа карандаш на весу, словно она не сказала ничего особенного. Я записывал, и тут она прервалась, но мне ведь надо довести фразу до конца, а я не знаю, что дальше, она ведь прервалась... Мне стоило невероятных трудов не показать, как я взволнован – и напуган. Словно с ее губ капнуло кипящей серой, идохнуло смрадом, и опалило жаром, и потянулись липкие пальцы

ядовитого тумана.

Она медленно кивнула. Затем вытащила сигарету из мундштука, резким, мужским жестоким жестом вдавила ее в пепельницу, открыла тоненький серебряный портсигар, достала свежую, чуть промасленную сигарету – и аккуратно и нежно вставила ее в мундштук. Я следил, замороженный тем, как порхают ее пальцы – как белые кладбищенские мотыльки. Памятуя о том, что она только что рассказала мне о себе, сигаретах Валентино и огне – я решил, что она играет со смертью. Вероятно, так оно и было.

– Герберт... – она вдохнула это имя вместе с первой затяжкой и задержала в себе, выпустив его обратно, окутанное сизым, на этот раз приторно-ягодным, дымом. – О, Герберт... Вы бы прошли мимо него в толпе, даже не обратив внимания. А то и толкнули бы локтем, замешкайся он у вас на пути... Знаете, эти мальчики, которые никак не могут стать мужчинами – невысокие, тонкие, миловидные, светловолосые, голубоглазые... И говорят тихо-тихо... Руди презрительно отзывался о таких голосах: «Как мышки какают».

Она хрипло засмеялась. С каждым смешком внутри нее что-то сипело и словно надламывалось.

– Бедный Руди. Как подумаю, что он большую часть жизни был обречен жить среди какающих мышек – не могу не хохотать. Стоило людям завидеть его – такого красивого, богатого, знаменитого и влиятельного, как у них что-то спирало в зобу, и они начинали говорить умирающими голосами. Руди шел по жизни в грохоте аплодисментов, шелесте купюр, истошных воплей истеричных поклонниц

и... шепоте какающих мышек.

Я вздохнул. «Рудольфо Валентино и какающие мышки» – заголовок привлекательный, но я все-таки пришел сюда не этим.

Она словно услышала мое сожаление – и продолжила.

– Сначала Герберта не замечали на съемочной площадке. Мне даже казалось, что не замечали *специально*. Знаете, иногда наступает момент, когда на площадке начинает ошиваться слишком много посторонних. Все эти друзья костюмеров, декораторов, осветителей, операторов... родители юных разносчиков воды, чьи-то девицы, мужчины с масляными и бегающими взглядами... Их становится так много, что приходится вызывать полицию, которая выпроваживает незваных гостей пачками. Единственное, что можем делать мы – игнорировать их. Проходить мимо, словно это пустое место, или коробка от софита, или просто стул – что угодно, только не человек. Не то, что можно заметить...

Она задумчиво провела длинным красным ногтем по когда-то полированной, а теперь изрезанной и исцарапанной столешнице. Ноготь чуть хрустнул – и остался в одной из царапин, зацепившись за древесные волокна. Так же задумчиво она поднесла руку к глазам и стала рассматривать ставший голым и беззащитным палец.

– Но игнорировать Герберта не всегда получалось, – продолжила она. – Некоторых он пугал. Да-да, пугал. Молоденькие девочки из кордебалета – из массовой – считали плохой приметой встретить его на площадке до обеда. Я не могла понять, почему – ведь миловидный

юноша, судя по всему из приличной семьи, беззаветно влюбленный в кино, да еще и близкий друг режиссера – это же выгодная партия хотя бы для старта! Хотя бы для интрижки! Но они отворачивались и шептали, что он пахнет смертью.

Она перестала рассматривать палец, взглянула на меня и усмехнулась.

– Я нюхала его. Он не пах смертью. Лишь чуть-чуть ароматом перестоявших цветов. Знаете, когда горничная нерадива и забывает менять воду в вазе – стебли начинают пахнуть сладковато-удушливо, немного с горчинкой. Именно так пах Герберт, когда я понюхала его.

– Вы... понюхали его? – сначала мне показалось, что я ослышался, но нет, она снова повторила это.

Она пожала плечами.

– А почему бы и нет? Это съемочная площадка! Здесь возможно все! Я могла бы спуститься из-под потолка на веревке, голой, напевая «Кукарачу» – и это было бы воспринято как само собой разумеющееся! А то, что я, завидев молодого человека, наклонилась и понюхала его – что в том такого?

Она вздохнула.

– Он не пах смертью. Может быть – умирающими цветами. Но ведь умирание – это еще не смерть. Это всего лишь жизнь не в полную силу. И вокруг него зацвели умирающие цветы. Я для него была всего лишь удачно завершившимся опытом. Руди оказался следующим – вторым. И это осознание вторичности – грызло его ежечасно. Но кто же выбирает в такой момент – умирать

тебе или нет? Только бог. И... Герберт Уэст. Мне повезло, что тогда рядом оказался Герберт. Повезло, что Рауль доверился ему – как бы невероятно ни звучало то, что он от него услышал. Но я лежала в гримёрке уже мёртвая – в луже кофе, мочи и рвоты, а Герберт предложил выход. И Рауль согласился. И – «Сирены ада» состоялись. И «Роза», и «Клеопатра»... Я играла как никогда до этого. И так могло продолжаться вечно, если бы не эти вездесущие шакалы-репортёришки вроде вас, падкие на мертвечину – у вас на это нюх... – она презрительно усмехнулась. – Изменений в моём теле никто не замечал, даже грима не требовалось – для моих ролей я подходила идеально. Да изменений почти и не было – не то, что сейчас...

Она сморгнула, словно готовилась уронить слезу, но вместо этого её левая глазница расползлась, как гнилая простыня, и глазное яблоко выскочило оттуда ей на колени.

Я сам не понял, как оказался у ее ног. Что-то безотчетное, выскочившее из самых глубин моей души – как чертик из коробки – заставило меня соскользнуть со стула и пасть на ковер к ее ногам. Я подхватил этот мерзкий комок упругой плоти – он был холоден и липок, как чешуя давно дохлой рыбы – и протянул его ей – как рыцарь протягивал своей даме отвоеванный в битве венок.

Она величественно кивнула и приняла глаз – словно подношение раба госпоже.

Вблизи она была похожа на диковинную карту – из тех, что продают на блошиных рынках, под громким названием «Деревянные карты Спилсбури». Потертые и растрескавшиеся за ту сотню лет – хотя, впрочем, и меньше

— что они хранились неизвестно где и как, покрытые плесенью и следами жуков-древоточцев, они все равно манят к себе, вызывая извращенное любопытство: как артефакт, как часть прошлого, как напоминание о том, что было — и чего теперь нет.

Она была такой же — под густыми слоями краски, крема и пудры ее кожа расползалась, как расползается старое заштопанное белье. Великая актриса — она выбрала для себя наиболее выгодные — хотя могут ли быть выгодные в *таком* случае — ракурс и свет. И стул для гостя стоял именно там, где *надо* — поэтому я никак не мог незаметно подвинуть его. С помощью этих ухищрений она казалась лишь слегка... несвежей, но все-таки вполне еще походила на человека. А сейчас мне почудилось, что я нахожусь рядом с тряпичной куклой, дурной пародией на человека, расползающейся по швам, рассыпающейся на куски, каким-то чудом держащей форму, в то время, как внутри нее плещется каша из превратившихся в жижу органов.

— Спасибо, — сипло сказала она.

Я встал, слегка поклонился — и вернулся на стул. Наваждение снова окутало меня.

Да, она была мертва — мертва окончательно и бесповоротно, мертва от кончиков шикарных, иссиня-черных волос до обворожительных, манящих на экране, ступней. Но ровно так же она была мертва на киноленте — в сумраке задымленного зрительного зала, среди таких же бледных, будто у утопленников, лиц, она открывала и закрывала рот — как призрак, как видение, как морок...

Я встряхнул головой.

– Вы хотите сказать, что вы... умерли во время кинопроб?

– Вы поразительно тугодумны для репортера, – усмехнулась она. – Перед съёмками, да.

Я еще раз сверился с блокнотом.

– «Сирен ада», так?

Она кивнула.

– И получается, что в «Клеопатре»... и других... вы снимались уже...

– Разумеется, – мягко улыбнулась она. Края губ у нее треснули, улыбка поехала и превратилась в ухмылку. Я обдумывал услышанное.

– А я помню тот пожар в Литтл-Ферри, – пробормотал я. – Я случайно оказался поблизости – невероятная удача, если так можно сказать. Была ночь... я вышел из бара и не знал, идти ли мне домой – еще с десятков кварталов, или меня приютит девушка, которая жила кварталом ниже. Одна незадача – мы, кажется, поссорились. Мы расстались, проклиная друг друга, но это было недели две назад – и вполне вероятно, что она уже сменила гнев на милость.

– Как мило, – ухмылка расплзлась еще на дюйм.

– Было жарко, меня мутило, я прислонился к стене – и тут меня за рукав дернул какой-то парень. «Пожар! – он задыхался. – Там пожар!». Я указал рукой в сторону ящика телефонной пожарной сигнализации, а сам поспешил туда, откуда пришел он...

– У вас, как у заправской гиены, чутье на то, где можно пожить, – на этот раз она была серьезна, и – хвала Создателю! – эта жуткая ухмылка не поползла дальше.

Я кивнул:

– Такая работа. Я успел за десять минут до прибытия пожарного расчета.

– В то время, как вы спешили полакомиться новостью, тот парень – я забыла его имя, то ли Дэвидсон, то ли Дональдсон – бегал и будил жителей близлежащих домов, – покачала она головой. – Там погиб ребенок, вы знаете?

Я снова кивнул:

– Да. И я написал об этом. Я даже побывал у него в больнице, перед тем как он...

– Чтобы ваша статья выглядела законченной, – она нервно и злобно стряхнула сигаретный пепел. – И была идеальной.

Я пожал плечами. Она была права. Получилась хорошая статья: языки пламени вздымаются в ночное небо, пробивая себе путь через неподвижную июльскую духоту; четырнадцать пожарных рукавов изрыгают потоки воды; пропотевшие и закопченные пожарные оттаскивают в сторону истерично вопящего сторожа склада... Наутро я вместе со всеми ходил по расплавленным, искореженным банкам, навечно похоронившим в себе ленты, которые никогда не увидят люди. Сорок тысяч негативов и отпечатков! Пятьдесят семь грузовиков вывозили их прочь – они были уже ни на что не годны, только на то, чтобы извлечь из них немного серебра. FoxFilm лишился своих фильмов, а все мы – куска истории. Огромного куска.

Я украл одну такую банку – комок плавленного металла – спрятал за пазуху и прошел мимо полицейских, делая вид, что разговариваю с найденным котенком. Что толку бонзам FoxFilm от нее? Серебра на пять центов? Что

не успело сгореть — то разложилось, нитратная пленка придиричива и капризна. Я поставил этот комок на полку — и своим любопытным гостям отвечаю, что это предмет современного искусства. И я не вру.

— Там, в огне, погибла большая часть ваших картин, — ответил я. — Я не хочу начинать спор о моральных ценностях, но мне кажется, что для мира эта утрата серьезнее, чем какой-то подросток.

— Вы знаете, что он — и его брат — продолжали гореть, пока бежали вниз по улице? Их мать несла на руках их маленькую сестричку — а мальчики бежали, взявшись за руку и горели, горели... Горели!

Последнее слово она выкрикнула с таким надрывом, что я услышал, как лопнули ее голосовые связки.

— Вы говорите так, словно чувствуете вину за происшедшее, — мягко сказал я. — Но там ведь были не только ваши картины, но и Ширли Мэйсон, Уильяма Фарнума... Не только вы дали пищу тому костру.

Она криво усмехнулась.

— Официальное расследование установило же, что плёнки самовоспламенились, — продолжил я. — Я понимаю, вы думаете, что причиной тому мог стать один из ваших фильмов... Может, да, а может, и нет. Не надо переживать. Пусть мертвецы хоронят своих мертвецов.

Она захохотала — громко, истошно, закинув голову так, что кожа на шее лопнула и разошлась, обнажив сизую гортань и белесые мышцы.

Я почувствовал, как краска стыда заливает мне лицо, а мороз ужаса продирает спину.

— Это вы хорошо сказали, — заметила она, отсмеявшись. Кожа вокруг зияющей раны на шее хлопала с каждым произнесенным словом — и напоминала жабры. Она казалась огромной рыбиной, которая не уснула в положенный срок и теперь бесцельно наматывает круги в тазу, а её товаров давным-давно извлекли и швырнули на шипящую маслом сковородку. — Пусть мертвецы хоронят своих мертвецов. А может быть, — тут она наклонилась ко мне так близко, что сквозь мяту, шоколад и смородиновые листья до меня донёсся удушающе-сладковатый запах тления. — Может быть — и не *хоронят*.

— Вы сказали — Герберт Уэст, — я сделал вид, что делаю пометки в блокноте. — Что *вы* можете о нем рассказать?

Я никак не мог заставить руку не дрожать. Упомянув это имя — *здесь, при ней*, — я вновь завис над той бездной, которая открывалась передо мной всякий раз, когда кто-то из моих собеседников раскрывал рот и выталкивал это короткое, похожее на отрывистый собачий лай, имя — Уэст. Гав-Гер-гав-берт-гав-Уэст. Мне казалось, так лаяли сами псы ада.

— Я? — она подняла левую бровь. Тщательно подведенная тушью, та поползла вверх огромной жирной гусеницей. — Я? А разве вам кто-нибудь ещё рассказывал о нем?

Я сделал таинственное лицо и многозначительно кивнул.

— Идиот, — она раздраженно выдернула из мундштука окурок и стала вставлять новую сигарету. — Идиот, болтливый идиот.

— Я?

— Ну вы-то само собой, это же у вас показатель

профпригодности, – небрежно бросила она. – Идиот тот, кто рассказал вам это. Кто это был? Бела? Борис? Мэйбл? Бастер? Роско? Да нет, толстяк промолчал бы... Хотя... это могла быть месть за то, что Герберт не смог ничего сделать с Вирджинией. Но Роско сам виноват. Он слишком поздно позвал его. Да и эта холодная ванна, в которую они ее погрузили... Герберт потом говорил, что окоченение пошло слишком быстро, препарат застаивался в венах, большая часть его потом попросту вывелась из организма – и в итоге Роско лишь оттягивал неизбежное. Но нет, нет... он бы не стал так мстить, это слишком мелко... Уоллес, Уоллес Рид? Но Герберт тогда сразу предупредил, что голова слишком разбита, что пострадал мозг, что Уолли не будет таким, как прежде. И Уолли это передали, когда тот *вернулся*... Он должен был понимать. *Многие* же понимали!

Я почувствовал, как холодеют мои ноги и руки. Кажется, я тоже начал *понимать*. Понимать то, о чем она говорит... Как мало я знал – думая, что обладаю разгадкой величайшей тайны Голливуда! Я и помыслить не мог того масштаба, которого достигли опыты Герберта Уэста!

А она тем временем продолжала, погрузившись в липкий, *мертвенный* омут воспоминаний. И в поиск проболтавшихся.

– Нелл Инс? Но она уехала в Европу, вряд ли вы бы нашли ее. Да и на что ей жаловаться! Она же сама была на той яхте, когда Томаса перемкнуло. Герберт объяснял, что его препарат несовместим с алкоголем и наркотиками – тем более в *таких* количествах, которые потребляли в

Голливуде. Он пытался адаптировать его – но на всё нужно время, много времени... Томас надирался в ту ночь на яхте Уильяма Херста – шампанское, устрицы, соленый миндаль, явно еще и кокаин. Нелл сама плакалась, что у него снесло крышу и он пытался выгрызть Чарли Чаплину верхнюю губу!

– За...зачем? – пискнул я. Голова шла кругом, и мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание. А может быть, я его уже потерял.

– Он бормотал, что Чарли некуда будет цеплять его сраные усики, – она небрежно махнула рукой. – Я понимаю его – зависть, зависть к более красивому, богатому, успешному и – более *живому*. Я понимаю его. Но нельзя же так грубо. И я понимаю Херста. Когда на твоих глазах режиссер пытается обглодать лицо актеру... это ещё не настолько привычно для Голливуда. Представляю, как быстро Уильяму нужно было сообразить – кого выбрать. Отца вестерна или маленького бродяжку? По сути дела, в тот момент у него в руках была судьба кинематографа. И Уильям нажал на спусковой крючок.

– Но я сам писал о том, что это был сердечный приступ, – пробормотал я. – Я знаю обо всех этих спекуляциях вокруг смерти Имса, о том, что это могло быть пищевое отравление, обострение язвы... да и то, что его мог застрелить Херст, я тоже знаю! Только говорили, что это Чаплин пытался увести у него Мэрион Дэвис, и Херст хотел убить Чаплина, но перепутал впотьмах его с Инсом...

Она визгливо забулькала. Я догадался, что это был смех.

– Перепутать Инса и Чаплина? Херст был прекрасным

охотником и умным человеком. Даже вы бы в темноте не перепутали этих двоих. Инса нужно было остановить – и Херст его остановил. Быстро и радикально, – она вздохнула. – Препарат Герберта был слишком хорош. Инс остановился не сразу – только потом, в больнице. Был бы препарат чуть хуже – не стало бы всех этих пересудов и сплетен.

Мне было дурно. Картина, встававшая перед моими глазами, была слишком ужасна. А еще – слишком большая. Нужно было отойти в сторону и взглянуть на нее издалека – чтобы увидеть всю. Чтобы понять всё.

А она всё говорила и говорила. Словно отравилась моими вопросами – и теперь блевала ответами.

– А может быть, Олив? Олив Томас? Она всегда была глуповата. Умница Герберт вытащил ее *оттуда* вместе с мужем после первой автокатастрофы – и то, лишь потому, что Мэри Пикфорд на коленях умоляла его спасти ее брата и сноху. Но дура Олив не поняла с первого раза. И нам пришлось убрать ее со сцены. Всё равно она играла плохо, брала миловидным лицом – но что взять с «девушки Зигфелда», правда?

Я кивнул. Во рту у меня стояла густая горькая слюна.

– И даже после этого она не обрела хоть сколько-нибудь мозгов. Какого черта она стала наведываться в театр «Новый Амстердам»? Захотелось вспомнить юность и блеск славы? Теперь она проходит по разряду «мертвая актриска, чей призрак шарашится по местам боевой славы»...

На моих глазах она из великой дивы, женщины-вамп,

превращалась обратно в дочь закройщика из ателье и постижера. В босоногую еврейскую девочку из штата Огайо. Слова, манеры, даже взгляд – изменились, словно вся выучка, весь лоск только что сошли с нее, как сходит полуразложившаяся кожа.

– Или Макс, – вдруг сказала она.

– Кто? – не понял я. Слишком много имен снежной лавиной свалилось на меня за этот час. Но среди них не было имени «Макс».

– Макс Шрек, – пояснила она. – Я слышала, что после того, как он – *всё*, он перебрался сюда, в Америку.

Карандаш выпал из моих оледеневших пальцев. Я вспомнил Макса Шрека. Актера в общем-то одной роли, пусть даже потом их случилось больше дюжины. Той роли, где самой запоминающейся деталью была не бледность и не пергаментная иссушенность кожи, а широкие, мощные, выступающие кости черепа. Казалось, что о скулы, подбородок и надбровные дуги того персонажа можно было порезаться. Такое лицо не создашь ни одним гримом.

Граф Орлок.

«Носферату: симфония ужаса».

– Я слышала, что он пристрастился пить кровь, – сказала она, наблюдая за мной. – Что-то сдвинулось в его мозгах, и он стал считать себя вампиром. Это правда?

– Н-нет, – машинально произнес я. – Н-не знаю. Виски. Виски он пьет. Кровь – не знаю. И это был не он.

– Да и ладно, – она махнула рукой. – Остановимся на этом. А то я буду перебирать имена до следующего утра.

– Их было... так много? – сипло спросил я.

Она лишь улыбнулась.

– Вы не представляете.

– И я на экране видел... мертвецов?

– Как правило, да. Изредка – еще живых. Если это были ранние фильмы. И то – не всегда. Потому что кое-кто, – она грустно усмехнулась, – мог помереть еще на пробах. И тогда продюсеры звали Герберта. И он приходил. Кивал, что-то говорил нежным, тихим голосом – и приступал к работе.

Мне казалось, что я плаваю в мутной, липкой жиже. Мне было нехорошо. Хотелось лечь на пол – на пушистый мягкий персидский ковер – и сдохнуть. Но мне казалось, что она тотчас позовет Герберта, чтобы тот поднял меня из мертвых – только для того, чтобы она дорассказала эту историю.

– До двадцать пятого года он брался за всех, – сквозь муть и туман пробивался ее голос. – Даже недельной давности. У «FoxFilm» даже была своя команда гробокопателей. Я уж не помню, как они значились в штате... но именно они выкапывали и поставляли Герберту будущих – но безвременно почивших – звезд.

Она вздохнула.

– Славные годы. Тело трехдневной давности не надо было даже гримировать – свет и пленка удачно скрадывали все дефекты кожи, а особенность актерской игры – Ли Страсберг, какого черта ты свалился на наши головы со своим Станиславским? – позволяла блистать на экране даже с отмершими нервными окончаниями. А теперь... теперь если у живого и здорового случается похмелье – уже

вызывают команду гримеров и пляшут вокруг вприсядку: иначе будет замечен любой изъян.

– Я видел мертвецов... – растерянно повторил я.

Она пожала плечами.

– Не только вы. Миллионы зрителей по всему миру.

– Я видел мертвецов...

Медленно – я слышал, как хрустят ее кости и суставы, как хлюпают прогнившие внутренности – она встала и подошла ко мне. Меня окутал запах застоявшейся воды и мертвых насекомых.

– Ничего страшного, – она зашла ко мне за спину и положила руки мне на плечи. Тонкие холодные и липкие пальцы пробежали по моей шее, забрались в волосы – словно огромные насекомые. – Ничего страшного. Мы поняли, что людям это не понравится. Дурацкие предрассудки, но что поделать? Мы поняли это слишком поздно. Мы не смогли уничтожить всё. Свезти все пленки с картинами «питомцев Уэста» на склад в Литтл-Ферри было невозможно. Слишком накладно, слишком шумно. Кроме того – кто знает, где бродят десятки копий? Я внимательно следила за этой... акцией. И позаботилась о том, чтобы как можно больше моих фильмов нашли успокоение там. Кто-то был не сильно озабочен этим – и у него там оказалось всего одна-две картины. Или ни одной.

– Я и *сейчас* вижу мертвецов, – прошептал я.

По тому, как дрогнули ее пальцы, я понял, что она пожала плечами.

– Ну да. И не только вы. Думаю, что таких фильмов сейчас около полусотни. Или сотня. Не помню. Мне

неинтересно было считать. Обратитесь к Оливии.

– Какой?... – простонал я.

– Де Хэвилленд, конечно же, – в ее голосе прозвучало удивление. – Вы что, еще кого-то знаете?

– Она что... тоже?

– Какой-то инцидент на съемках «Унесенных ветром», – коротко ответила она. – Я не в курсе. Но говорят, что Герберт случайно оказался в этот момент на площадке. И поэтому... ее *перерыв* длился лишь пару часов. Можно считать, что ничего и не было.

В её вздохе я услышал зависть.

– Оливия очень умная, хорошая и правильная девочка. Она бережно обращается со своим телом. Мне кажется, что она переползет и в двадцать первый век, и все вокруг будут восхищаться – великая звезда Золотого Века Голливуда всё еще с нами!

Ее пальцы дрогнули – и острые ногти вонзились мне в шею. Я подумал о трупном яде.

– Она может блистать в свете, – прошипела она. – Ей не надо *еще раз* уходить, как нам – потому что, видите ли, она уже плохо выглядит! Эта милая, хорошая, правильная девочка проживет для всех лет сто, а то и больше! Она скрупулезно собирает информацию обо всех нас. Наш бухгалтер. Счетовод. Словно питается нами.

– Она мне ничего не говорила, – быстро предупредил я.

Над моей головой раздался короткий смешок.

– Разумеется. Оливия вне подозрений. Не как жена Цезаря – но как сам Цезарь.

Ногти впивались мне в шею. «Тошнота, судороги,

отек легких», — я стал вспоминать симптомы отравления трупным ядом. Только какие из них — при попадании в кровь, а какие — в желудок? Облизывать свою визави я не собирался, но эти ногти... я чувствовал, как что-то пульсирует у меня в шее.

— Кстати, я обманула вас, — вдруг сказала она.

— Что?

— Ну, когда сделала вид, что не знаю вас. Я слышала о вас раньше. Мне говорили, что вы хороший репортер. Очень хороший.

— Спасибо, — сказал я. Я не понимал, к чему она клонит.

— Один из лучших, — она словно не обращала внимания на мои слова. — Юркий, пронырливый, умный... насмотренный. Умеете втираться в доверие. Есть свои люди в нужных кругах.

Я нервно улыбнулся. Я люблю лести и обожаю, когда меня оценивают по достоинству, но это... это было странно. И еще меня волновал трупный яд на кончиках ее ногтей.

— Я так и не поняла, что вы хотели узнать, — заметила она. — Вы задавали так много вопросов. Делали вид, что знаете всё — хотя не имели представления даже о самом простом. Начальном. Исходном. Это тоже талант, да. Я сразу заметила это. Я умею замечать подобное.

Я дернул головой.

— Я...

— Неважно, — она сдавила пальцы еще сильнее. Я почувствовал струйки крови на своей шее. Я попытался высвободиться, но она держала меня железной хваткой. *Мёртвой* хваткой. — Неважно. Вы очень хороши. Вы

лучший. И со временем станете еще лучше. Еще и еще. Вам нужно только время.

Я попытался привстать, но она жестко пресекла это.

– А нам нужен такой, как вы, – продолжила она ровным голосом. – Нам нужен тот, кто будет писать о нас, говорить о нас, напоминать о том, что мы были – и есть. Но зачем искать такого, как вы – когда вы сами пришли ко мне.

– Спасибо, – зачем-то поблагодарил я. Картины отека легких стояли перед моими глазами и мне казалось, что я уже ощущаю что-то вроде судорог.

– Не стоит, – ответила она. – Мы подумали, что ждать дольше не следует. Герберта может не оказаться рядом в нужный момент. Мы решили, что надо устроить этот нужный момент тогда, когда Герберт будет рядом.

– Что? – страшное осознание нахлынуло на меня. – Что вы хоти...

Хруст моих собственных позвонков перебил меня. Язык онемел и повис тряпкой. Перед глазами сгустился багровый туман.

Комната поплыла и перевернулась.

Я понял, что упал со стула.

А потом появился он.

Невысокий и худощавый. Светловолосый и голубоглазый.

Вместе с ароматом перестоявших цветов.

И тихим-тихим голосом.

И кипящей адской серой, которая вливалась в меня, источала жар в моих венах, поднималась смрадом к моим ноздрям, ядовитым облаком клубилась в моих легких.

И последнее, что я услышал перед тем, как *переступить*

черту, было хрипловатое грудное контральто женщины-вамп:

– А все-таки, с каким вопросом вы пришли ко мне?

Вот так-то, мой дорогой.

ЗОВ ЛАВКРАФТА

2019

Антология хоррора

Составитель – Максим Кабир
Художник – Владимир Григорьев
Вёрстка – Михаил Цымбал